

**МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
УНИВЕРСИТЕТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ДИПЛОМАТИИ**

Ш.Ш. Таджиев

**«МЯГКАЯ СИЛА»
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Монография

ТАШКЕНТ – 2023

УДК: 327 (575.1)

ББК: 66.4 (5 УЗБ)

Таджиев Ш.Ш. «Мягкая сила» во внешней политике Республики Узбекистан на современном этапе. Монография. – Ташкент: УМЭД, 2020. – 238 с.

Монография рекомендована к печати на заседании Ученого совета Высшей школы стратегического анализа и прогнозирования Республики Узбекистан (протокол № 121 от 29 мая 2020 г.)

Ответственный редактор: Ш.М. Абдуллаев, докт. истор. наук, проф.

Рецензенты: И.И. Бобокулов, докт. юрид. наук, проф. (кафедра «Международное публичное право и государственно-правовые дисциплины» УМЭД),
Д.Дж. Курбанов, канд. экон. наук (Информационно-аналитический центр международных отношений МИД Республики Узбекистан).

*Автор выражает глубокую благодарность директору Высшей школы стратегического анализа и прогнозирования Республики Узбекистан **М.И. Атаеву** за всемерную поддержку в подготовке данной работы.*

В монографии всесторонне рассматриваются вопросы использования «мягкой силы» как важнейшего инструмента внешней политики Республики Узбекистан на современном этапе. Анализируются подходы различных политических школ к категориям «силы» и «мягкой силы» во внешней политике и международных отношениях, рассмотрены новейшие подходы к оценке ресурсов «мягкой силы» и ее конверсии во влияние, дана оценка современных тенденций меж-дународной и региональной политики, предложена классификация инструментов и механизмов «мягкой силы» через призму национальных интересов Республики Узбекистан.

Изложен авторский подход к проблемам генезиса «мягкой силы» Республики Узбекистан с начала обретения ею независимости. Подробно анализируются вопросы формирования и использования потенциала и ресурсов «мягкой силы» страны. Особое внимание уделено диалек-тической взаимосвязи укрепления национальной идентичности и развития «мягкой силы», а также факторам, способствующим и препятствующим реализации этой концепции во внешней политике Узбекистана.

Проанализирован опыт десяти ведущих государств мира и стран региона Центральной Азии по применению «мягкой силы» при реализации внешнеполитических и внешнеэкономиче-ских стратегий. Представлена концептуальная модель реализации политики «мягкой силы» Республики Узбекистан.

Монография предназначена для магистрантов, докторантов, преподавателей и научных сотрудников, а также студентов бакалавриата по направлению «Международные отношения и политические науки». Она будет интересна также читателям, интересующимся международными отношениями и внешней политикой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Введение	6
 ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»	
1.1. Основные подходы к понятиям «силы» и «мягкой силы»	13
1.2. Подходы к методике оценки потенциала политики «мягкой силы»	38
1.3. Использование инструментов «мягкой силы» во внешней политике	61
 ГЛАВА 2. ПОТЕНЦИАЛ И ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	
2.1. Становление и развитие потенциала и ресурсов «мягкой силы» Республики Узбекистан	89
2.2. Внешние и внутренние факторы реализации политики «мягкой силы» Республики Узбекистан в контексте обеспечения национальных интересов	142
 ГЛАВА 3. ПЕРСПЕКТИВЫ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН	
3.1. Опыт зарубежных государств по применению механизмов и инструментария «мягкой силы»	164
3.2. Концептуальная модель реализации политики «мягкой силы» Республики Узбекистан	192
Заключение	211
Использованная литература	217
Приложения	234

ПРЕДИСЛОВИЕ

Стремительное развитие событий в Узбекистане, регионе и на международной арене требует от научного сообщества нашей страны, прежде всего от политологов-международников, социологов и историков, осуществления междисциплинарных и востребованных с теоретической и прикладной точек зрения исследовательских работ. Наша динамичная и во многом неоднозначная, но от этого не менее интересная эпоха обуславливает необходимость правильного осмысления протекающих процессов во внешней среде, глубоких и опирающихся на надежную научно-методологическую базу исследований, которые могли бы лечь в основу практических решений.

Современный мир во всех его измерениях в последние годы переживает глубокие и качественные по своему характеру изменения. Для всех нас становится очевидно, что человечество сталкивается с многими общими и по сути новыми глобальными вызовами – от изменения климата до пандемии опасных вирусов, от нарастания геополитического противостояния до неустойчивости политических систем к жестким и порой жестоким реалиям международной конкурентной среды. Международные отношения переживают болезненный этап турбулентности с явными признаками глубокой стратегической нестабильности и дефицита взаимного доверия.

Культурно-цивилизационные и идеологические различия становятся причинами конфликтов и противоречий между странами и народами, хотя роль гуманитарной составляющей мировой политики и международных сетей вне государственного влияния и контроля все еще сохраняет свою значимость. Перед большинством государств стоят жизненно важные задачи сохранения социальной стабильности, укрепления национальной идентичности, обеспечения информационной безопасности, защиты собственных ценностей, традиций и устоев.

Происходит расшатывание той рациональной системы на базе институтов и платформ сотрудничества, которая многие десятилетия считалась значимой и системообразующей для мировой политики и экономики. Таким образом, на фоне все еще сохраняющейся глобальной взаимозависимости система международных отношений переживает этап серьезной разбалансированности.

В этих непростых условиях внешнеполитические аппараты многих государств стремятся задействовать новые формы и методы оказания влияния на других международных акторов и реализации своих национальных интересов. Одним из действенных инструментов внешней политики

становится использование разработанной американским политологом Джозефом Наем концепции «мягкой силы» ввиду ограниченности многих государственных субъектов в массированном применении «жесткой» силы в форме военной мощи и экономического давления.

В этом плане на фоне значительной активизации внешней политики Узбекистана, приобретающей наступательный характер, особую значимость приобретает формирование Узбекистаном собственной модели «мягкой силы», в первую очередь для эффективной реализации поставленных Президентом Ш.М. Мирзиёевым долгосрочных целей на региональном и международном уровнях, создания благоприятных внешних условий для обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития, претворения в жизнь масштабных общественно-политических и социально-экономических реформ, укрепления национальной идентичности.

Данная монография доктора философии (PhD) по политическим наукам Ш.Ш. Таджиева подготовлена в Высшей школе стратегического анализа и прогнозирования Республики Узбекистан и имеет целью ввести в политологический дискурс нашей страны проблемы использования нового инструментария внешней политики, зажечь конструктивные научные и экспертные дискуссии по данной востребованной теме.

Автор на основе разработки теоретических аспектов, связанных с категорией силы в международных отношениях, дает стратегический анализ мирополитических процессов и протекающих в Центральной Азии событий, представляет собственное видение и оценки внешней политики Узбекистана. Особое внимание уделено потенциалу и перспективам использования «мягкой силы» нашей страны на современном этапе, детерминирующим ее внутренним и внешним факторам. Представлены новаторские предложения концептуального и практического характера на базе изученного международного опыта.

Уверен, данная книга представит большой интерес для бакалавров, магистров, докторантов, соискателей и всего молодого поколения международных, позволит понять сложнейшие тенденции мировой и региональной политики, осознать неразрывность и взаимосвязанность внутренней и внешней политики, источники мощи государства, корреляцию между «мягкой силой» и национальной самоидентификацией.

М.И. Атаев,
*директор Высшей школы стратегического
анализа и прогнозирования
Республики Узбекистан.*

ВВЕДЕНИЕ

Быстроменяющаяся геополитическая ситуация в мире входит в фазу нарастающего острого соперничества и конкуренции между традиционными и новыми центрами силы. Динамичные и турбулентные по своему характеру трансформации в мировой политике и экономике сопряжены с труднопредсказуемыми изменениями сложившейся структуры международной безопасности и устоявшихся мирохозяйственных связей, с возникновением новых конфликтных зон и обострением угроз вооруженного противостояния в ключевых регионах мира.

В среднесрочной перспективе большинство государств мира столкнутся с неопределенностью в решении многих проблем регионального и международного плана с учетом стремительно изменяющегося глобального контекста. Очевидно, что в неизбежном процессе калибровки стратегий в сфере внешней политики концепция «мягкой силы» будет иметь исключительно важное значение, в первую очередь для адекватной реакции государств на возникающие вызовы безопасности и устойчивому развитию. Например, такие наработавшие опыт использования ресурсов «мягкой силы» страны, как США, Россия, Китай, Великобритания, будут располагать преимуществами при преодолении геополитической нестабильности, смогут эффективно продвигать национальные интересы на международной арене и, следовательно, оказывать большее влияние на формирование региональной и глобальной повестки.

Узбекистан, находясь в сердце стратегически важного макрорегиона и имея границы со всеми пятью государствами Центральной Азии, обладает исторически обусловленным уникальным потенциалом для реализации собственной политики «мягкой силы».

Активизация на современном этапе внешнеполитического курса страны и принятие действенных мер по более широкому продвижению национальных интересов на международной арене на основе принципов открытости и прагматизма актуализируют вопрос формирования нового инструментария реализации поставленных стратегических целей в этой важнейшей сфере и задействования для этого имеющегося потенциала и ресурсов государства и общества.

Эффективным инструментом реализации приоритетов внешней политики Узбекистана представляется использование концепции «мягкой силы», роль которой в международных отношениях неуклонно возрастает. Этот тезис идет в унисон с п. 5.2 – «Приоритетные направления в сфере

осуществления взвешенной, взаимовыгодной и конструктивной внешней политики» Стратегии действий по развитию Республики Узбекистан на 2017–2021 гг., где обозначены задачи по укреплению международного имиджа страны, доведению до мирового сообщества объективной информации о проводимых в стране реформах¹. Задачей концептуальной значимости становится использование всех сил и средств «для формирования нового облика страны»².

В международной практике ведущие научные и исследовательские центры, а также отдельные ученые проводят целевые изыскания по теме «мягкой силы» и ее роли в международных отношениях. В частности, затрагиваются такие актуальные вопросы, как соотношение и корреляция «мягкой» и «жесткой» силы во внешней политике государств, встраивание потенциала «мягкой силы» во внешнеполитические стратегии, выявление индивидуальных особенностей стран в деле ее реализации через измерение различными методами ресурсов, определение субъектов, объектов, инструментария и механизмов такой политики, формирование национального имиджа, а также оценка эффективности применения концепции «мягкой силы».

Данное исследование в определенной степени служит реализации поставленных задач в Концепции внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан, в Указах Президента Республики Узбекистан №ПФ-5635 от 17 января 2019 г. «О государственной программе по реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах в «Год активных инвестиций и социального развития», №УП-5400 от 5 апреля 2018 г. «О мерах по коренному совершенствованию системы Министерства иностранных дел Республики Узбекистан и усилению его ответственности за реализацию приоритетных направлений внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности», а также в других регламентирующих данную сферу нормативно-правовых актах.

Таким образом, востребованность исследования обуславливается необходимостью изучения научно-теоретических основ концепции «мягкой силы» и возможностей ее практического применения субъектами внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности с учетом следующих факторов:

¹ Указ Президента Республики Узбекистан № 4947 от 7 февраля 2017 г. «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан на 2017–2021 годы» // [www.lex.uz / ru / docs/3107042](http://www.lex.uz/ru/docs/3107042).

² Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, Нью-Йорк, 19 сентября 2017 г. // <http://president.uz/ru/lists/view/1063>.

во-первых, новые векторы в парадигме внешней политики Узбекистана требуют системного исследования, научного осмысления и адаптации современных форм и методов ее реализации, применения инновационных подходов в данной сфере деятельности государства и общества;

во-вторых, концепция «мягкой силы», несмотря на усиление тенденций применения жестких и силовых методов в реализации внешней политики многих государств в форме военных угроз и экономического давления, остается действенным инструментом в стратегическом арсенале большинства глобальных и региональных акторов;

в-третьих, научные исследования, проводимые в Узбекистане, концентрируются на данной теме с точки зрения «мягкосилового» воздействия на Узбекистан со стороны зарубежных акторов. В то же время возрастает необходимость разработки научно обоснованных оценок и практических рекомендаций по использованию концепции «мягкой силы» нашей страной в качестве ее активного субъекта в целях всестороннего и последовательного продвижения национальных интересов на внешнем поле;

в-четвертых, руководством страны поставлены конкретные задачи по улучшению имиджа и укреплению влияния Узбекистана за рубежом, созданию благоприятных внешних условий для его устойчивого развития, привлечения иностранных инвестиций, передовых технологий и туристического потока, решения иных актуальных вопросов внешнеполитического и внешнеэкономического характера с применением инструментария и механизмов «мягкой силы».

Следует подчеркнуть, что одной из актуальных задач политологии, геополитики, международных отношений остаются вопросы продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов государства невоенными и ненасильственными методами, формирования позитивного имиджа за рубежом на фоне множественных противоречий культурно-цивилизационного, военно-политического, экономического, межрелигиозного и иного характера посредством использования концепта «мягкой силы». Поэтому вполне закономерно, что данной проблеме посвящено множество публикаций отечественных и зарубежных исследователей.

Концепция «мягкой силы» и понятие «силы» в международных отношениях лежит в плоскости интересов ученых, специалистов, экспертов в области безопасности и внешних связей. Особое внимание этой проблематике уделяют государственные органы, выполняя задачу достижения приоритетных внешнеполитических и внешнеэкономических целей.

В научный оборот понятие «мягкая сила» (soft power) ввел американский ученый Джозеф Най, который определил его как «способность достигать желаемых результатов через свою привлекательность, а не через принуждение или подкуп»³.

³ Nye J. Soft Power // Foreign Policy, No. 80. Twentieth Anniversary, 1990.

Среди трудов западных ученых выделяются работы автора концепции и понятия «мягкой силы» Джозефа Ная, ученых и экспертов Р.А. Даля, К. Норра, А. Дж. Тейлора, К. Уолтца, Г. Моргентау, Р. Арона, Г. Киссинджера, Дж. Миршаймера, Дж. Розенау, Дж. Харта, Р. Клайна, Р. Кохейна, М. Фрейзера, Я. Мелиссена, Дж. Курлантцика, Дж. Кинджа, П.Р. Виотти, М.В. Кауппи, С.Б. Ротмана, Дж. М. Галларотти, А.Л. Вавинга, Дж. Б. Маттерна, С. Бреслина, Дж. Макглори, К. Нильсена, Б. Грегори, И. Гильбоа, Э. Дж. Уильсона, С. Анхольта⁴ и многих других.

Ретроспективный анализ указанных трудов позволяет проследить постепенную эволюцию взглядов на проблему использования «силы» в международных отношениях. В более ранних работах «сила» рассматривалась в качестве главного средства влияния в международных отношениях. В последующем исследователями был внесен значительный вклад в осмысление трансформаций, произошедших с феноменом «силы» в международных отношениях, с наступлением эпохи глобализации. Это

⁴ Nye Joseph S. Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – NY: Basic Books, 1991; Dahl Robert A. The Concept of Power // Behavioral Science. July, 1957; Knorr K. The Power of Nations. – New York, 1975; Taylor A.J. The struggle for Mastery in Europe, 1848-1918. – Oxford Paperbacks, 1971; Watzl K. Theory of International Politics. – London: Addison-Wesley, 1979; Morgenthau H. Politics among Nations. 4th ed. – New York, 1967; Арон Р. Мир и война между народами. -- М.: Nota Bene, 2000; Kissinger H. American Foreign Policy. 3d ed. – New York, 1977; Mearsheimer John J. The Tragedy of Great Power Politics. – New York: W.W. Norton, 2001; Rosenau J. Governing the ungovernable: The challenge of a global disaggregation of authority // Regulation & governance. – Carlton, Victoria. Vol. 1, N 1, 2007; Rosenau J. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton: Princeton University Press, 1990; Hart J. Three approaches to the measurement of Power in international relations // International Organization, Spring, 1976; Cline R.S. World Power Assessment. A Calculus of Strategic Drift. – Washington, 1975; Keohane R.O., Nye J.S. (Jr.). Transnational Relations and World Politics. – Cambridge: Harvard University Press, 1972; Keohane R., Nye J. (Jr) Power and interdependence in the information age // Foreign Affairs, Sep/Oct 1998; Fraser M. Weapons of mass distraction: soft power and American empire. – New York: Thomas Dunne Books, 2005; Melissen J. The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations // Studies in diplomacy and international relations. – New York: Palgrave Macmillan, 2007; Kurlantzick J. Charm offensive: How China's soft power is transforming the world. – New Haven & London: Yale University Press, 2007; Kynge J. China shakes the world: a titan's rise and troubled future – and the challenge for America. – NY: Mariner Books, 2007; Viotti Paul R., Kauppi Mark V. International relations and world politics. 5th edition. – Pearson Publisher, 2013; Rothman S.B. Revising the soft power concept: what are the means and mechanisms of soft power? // Journal of Political Power, March, 2011; Gallarotti G.M. Soft Power: What it is, why it's important, and the conditions under which it can be effectively used // Division II Faculty Publications, 2011 // <http://wescholar.wesleyan.edu/div2facpubs/57>; Vuving A.L. How the soft power works? // Paper presented at the panel "Soft Power and Smart Power". American Political Science Association annual meeting, September, 2009 // <http://www.apcss.org>; Mattern J.B. Why soft power isn't so soft: Representational force and the sociolinguistic construction of attraction in world politics // Millennium: Journal of International Studies, №3, 2005; Breslin S. The soft notion of China's "soft power". – London: Chatham House, February, 2011; McClory Jonathan. The New Persuaders: An international ranking of soft power // Rapid-growth markets soft power index. – Institute for Government GB in collaboration with Institute for Emerging Markets Studies, 2010; Kristian Nielsen. 'EU Soft Power and the Capability-Expectations Gap' // Journal of Contemporary European Research, 2013; Gregory B. American public diplomacy: Enduring characteristics, elusive transformation // The Hague Journal of Diplomacy, 2011; Gilboa E. Searching for a theory of public diplomacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science, 616(1), 2008; Wilson E.J. Hard Power, Soft Power, Smart Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science, 616, 2008; Anholt S. Beyond the Nation Brand: The Role of Image and Identity in International Relations // The Journal of Public Diplomacy, № 2, 2012.

связано с заметным отходом многих государств от безусловного применения «жесткой силы» в форме военной мощи или экономического давления для достижения целей на внешнем поле в сторону использования политики «мягкой силы».

Многие работы указанных авторов в целом носят фундаментальный характер, однако в них отдельно и полноценно не раскрываются проблемы продвижения внешнеполитических интересов невоенными и ненасильственными методами новыми независимыми государствами.

Данной тематикой активно занимаются такие российские ученые, как А.Л. Андреев, А.М. Бобыло, А. Великая, А. Ганошенко, В.И. Давыдов, Н.В. Еремин, Д.А. Звягина, О.Г. Леонова, М.А. Неймарк, Е.П. Панова, П.Б. Паршин, О.Ф. Русакова, А.С. Сербина, А. Торкунов, К.Е. Федотова, П.А. Цыганков, И.А. Чихарев, О.В. Столетов⁵ и другие. В их работах изучены теоретические и прикладные аспекты «силы» и «мягкой силы», приводится их сравнительный анализ, предложены перспективы адаптации западных теорий к российскому политическому дискурсу, исследованы тенденции использования государствами Запада «мягкой силы» для пропагандистской, идеологической и подрывной деятельности.

В отечественной науке исследования концепции «мягкой силы» находятся на начальной стадии. Вместе с тем существует авторитетный круг ученых Узбекистана, которые вносят весомый вклад в изучение концептуальных основ внешней политики и дипломатии страны. Среди них

⁵ Андреев А.Л. «Мягкая сила»: аранжировка смыслов в российском исполнении // Полис. Политические исследования. – М., 2016, №5; Бобыло А.М. «Мягкая сила» в международной политике: особенности национальных стратегий // Вестник Бурятского государственного университета. 2013, №14; Великая А. Публичная дипломатия как инструмент международного диалога // Международная жизнь. – М., 2016, №2; Ганошенко А. «Мягкая сила»: добровольное взаимодействие и доступ к ресурсам // Международная жизнь. – М., 2014, №2(8); Давыдов В.И. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. Т.2, № 4. – М., 2004; Еремин Н.В. Парадипломатия: новый голос регионов в современном дипломатическом концерте? // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2012, №6; Звягина Д.А. «Мягкая сила»: структурный анализ // Инициативы XXI века. – М., 2012, № 3; Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс мягкой силы государства // Обозреватель. – М., 2014, №4; Леонова О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель. – М., 2015, №2; Леонова О.Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Обозреватель. – М., 2014, №3; Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. К уточнению проблемного поля. Часть 1 // Обозреватель. – М., 2016, №1 (312); Панова Е.П. «Мягкая сила» как способ воздействия в мировой политике: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – М.: МГИМО, 2012; Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО (У). – М., 2014, №2; Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН, 2010, №10; Сербина А.С. Еврорегионы как новые акторы мировой политики. Конфигурация нового миропорядка: проекты и реальность. – Новосибирск: НГУЭУ, 2015; Торкунов А. Внешняя политика России, образование и наука // <http://russiancouncil.ru>; Федотова К.Е. «Мягкая сила» российской культуры – инструмент внешней политики // Обозреватель. – М., 2017, №3; Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. Особенности силы как средства международных акторов // http://society.polbu.ru/tsygankov_sociology/ch34_all.html; Чихарев И.А., Столетов О.В. «Мягкая сила» и «разумная сила» в современной мировой политической динамике – М.: МГИУ, 2015.

Ш.М. Абдуллаев, Р.М. Алимов, И.И. Бобокулов, И.А. Мавланов, М. Мунавваров, М.Рахманкулов, А.Турсунов, А.Умаров, А.Файзуллаев⁶.

Мы предприняли попытку выработать научно обоснованные предложения и рекомендации по использованию потенциала «мягкой силы» во внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан.

Для достижения поставленной научной цели проведена разработка авторского определения понятия «мягкая сила» на основе комплексного и компаративного анализа классических и альтернативных подходов к дефинициям «силы» и «мягкой силы», осмысления их эволюции и роли в современной системе международных отношений.

Через призму обеспечения национальных интересов Республики Узбекистан предложена классификация факторов, способствующих и препятствующих реализации политики «мягкой силы», а также ее инструментария и механизмов. Классификация факторов реализации «мягкой силы» Узбекистана, ее инструментария и механизмов имеет важное значение при стратегическом планировании и осуществлении внешнеполитического курса, прежде всего в плане укрепления авторитета и влияния страны на международной арене, повышения положительного имиджа, успешного решения востребованных внешнеэкономических задач.

Не менее важное значение имеет периодизация этапов становления и развития «мягкой силы» Республики Узбекистан со дня обретения государственной независимости в целях содержательного и конструктивного анализа ее генезиса. Историографические исследования позволяют сделать вывод о том, что в нашей стране процессы формирования «мягкой силы» и укрепления национальной идентичности как важнейшей ее детерминанты протекают в параллельной и диалектически взаимосвязанной плоскости. Данный теоретический подход

⁶ Абдуллаев Ш.М. Трансформация международной системы и геополитической идентичности Узбекистана // Международные отношения. – Ташкент, 2017, №4; Алимов Р.М. Проблемы формирования новой архитектуры региональной безопасности в условиях глобализации (на примере Центральной Азии): Автореф. дисс. ... докт. полит. наук. – Ташкент: УМЭД, 2006; Бобокулов И.И. Международно-правовые аспекты обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии: вопросы теории и практики: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – Ташкент: УМЭД, 2010; Мавланов И. Основные направления внешней политики и дипломатии Республики Узбекистан в трудах И.А. Каримова. – Ташкент: УМЭД, 2006; Мавланов И. Экономическая дипломатия. – М.: Аспект-Пресс, 2016; Мунавваров М. Императивы внешней политики Республики Узбекистан в условиях глобализации и информатизации международных процессов. – Ташкент: АГОС, 2007; Рахманкулов М. Актуальные проблемы развития конституционно-правовых основ внешней политики Республики Узбекистан в условиях демократического обновления страны. – Ташкент: УМЭД, 2016; Турсунов А. Конституционные основы внешней политики Республики Узбекистан. – Ташкент: ТДЮИ, 2002; Умаров А. Фактор Афганистана в региональной безопасности Центральной Азии в начале XXI века: Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. – Ташкент: УМЭД, 2017; Faizullaev A. Diplomatic Interactions and Negotiations // Negotiation Journal, 2014, Vol. 30, No 3; Faizullaev A. Diplomacy and Symbolism // The Hague Journal of Diplomacy, 2013, Vol. 8, No 2.

способствует глубокому осмыслению исследуемой концепции в контексте обеспечения национальной безопасности Узбекистана, соответствует его международному позиционированию в период укрепления его идентичности, внутреннему и внешнему потенциалу и ресурсам для достижения приоритетных целей на международной арене.

Предложенная нами концептуальная модель реализации политики «мягкой силы» Узбекистана с определением ее основных целей, алгоритма конверсии «мягкой силы» во влияние во внешней политике, а также субъектов, объектов, ресурсов, форм и методов была использована при подготовке проектов Концепции внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан (в новой редакции), Концепции укрепления позитивного имиджа Республики Узбекистан на международной арене и «дорожной карты» по укреплению позитивного имиджа Республики Узбекистан на международной арене на 2019–2022 гг.

Концептуальная модель автора позволила выработать рекомендации по использованию современных видов воздействия государства на международные процессы, содействовала определению и формулированию факторов, принципов, целей, задач и механизмов укрепления и продвижения имиджа Узбекистана за рубежом, разработке конкретных форм и методов проекирования его «мягкой силы» на международной арене.

На базе изучения концептуальных, нормативно-правовых и институциональных особенностей такой политики ведущих мировых держав и государств Центральной Азии разработаны рекомендации относительно практических аспектов реализации «мягкосиловой» политики Республики Узбекистан, приоритетных объектов целеполагания и средств для конверсии ее ресурсов во влияние во внешней политике.

ГЛАВА 1.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

1.1. Основные подходы к понятиям «силы» и «мягкой силы»

Со времен Фукидида и Макиавелли «сила» или «власть» представляли из себя одно из важнейших понятий в международных отношениях и остаются предметом споров в качестве концепции в политической теории⁷.

По классическому определению американского политолога Роберта Даля, «власть» или «сила» (англ. power) – это способность одного актора влиять на действия другого актора, которые он при отсутствии давления осуществлять бы не стал⁸. Сила – это способность вызвать результаты, которые бы вы хотели получить, и, если необходимо, менять поведение других для достижения этой цели. В международных отношениях способность актора получить желаемые результаты обычно ассоциируется с наличием различных ресурсов – таких, как территория, население, природные богатства, военная мощь, экономический потенциал и политическая стабильность⁹.

Одним из наиболее известных выразителей «военного» подхода к понятию «силы» в XX в. является американский военный теоретик Клаус Норр, который считал, что «сила во внешнем мире может рассматриваться как обладание способностями, которые позволяют субъекту выступать с достоверными угрозами. Но она может трактоваться и как фактическая реализация воздействия на поведение стороны, которой угрожают»¹⁰.

В политологии сложилось несколько подходов к пониманию категории силы.

Для школы политического реализма категория «силы» выступает в качестве основы для всей системы международных отношений.

На протяжении человеческой истории сила традиционно отождествлялась с военной мощью государства, которая для многих видных политических исследователей (Г.Моргентау, К.Уолц, Р.Арон) была и остается основным показателем его престижа на международной арене¹¹. Последователи школы политического реализма рассматривают «силу»

⁷ Nye Joseph S. Jr. The paradox of American Power: why the world's only superpower can't go it alone. – Oxford University Press, Inc. 2002. – P.2.

⁸ Dahl Robert A. The Concept of Power // Behavioral Science. July, 1957. – P.201.

⁹ Nye Joseph S. Jr. Cit. op. – P.4.

¹⁰ Knorr K. The Power of Nations. – New York, 1975. – P.9.

¹¹ Бобыло А.М. «Мягкая сила» в международной политике: особенности национальных стратегий // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013, №14. – С.129-130.

в виде военного и экономического измерения (или «жесткой силы») и единственным маркером великой державы может считаться ее «способность вести войну»¹².

Согласно теории политического реализма, международная политика – это политика силы. Для международных акторов сила является критерием оценки конкурентоспособности других акторов и способом воздействия на их поведение для реализации собственных интересов. «Расчеты о силовых потенциалах лежат в основе того, как государства видят мир вокруг себя. Сила – это валютный актив (currency) политики великих держав – и государства сражаются за обладание им между собой»¹³. Главный показатель для представителей политического реализма – «понятие интереса, выраженного в терминах власти» По Г. Моргентау, «международная политика, подобно любой другой политике, есть борьба за власть; какой бы ни была конечная цель международной политики, ее непосредственной целью всегда является власть».

Рэй Клайн дает такое определение силе: «Сила – это способность одного правительства заставить другое правительство делать то, что в ином случае оно бы не делало»¹⁴. Иные субъекты международных отношений, в том числе негосударственные организации и институты, транснациональные компании, не могут выступать в качестве источников силы ввиду ограниченности их возможностей и ресурсов.

Наиболее действенными силовыми инструментами в мировой политике, по мнению представителей школы политического реализма, являются военные инструменты. «Считается, что в политике сила является *ultima ratio*, т.е. решающим аргументом. В международных отношениях сила служит не только в качестве решающего аргумента, а в качестве главного и постоянно используемого аргумента», – подчеркивал Кеннет Уолтц в «Теории международной политики»¹⁵.

Ганс Моргентау наряду с военными ресурсами выделял другие источники силы: природные ресурсы, промышленный потенциал, геостратегические преимущества, численность населения, культурные характеристики (национальный характер), национальную мораль, качество дипломатии и государственного руководства. В книге «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и за мир» он подчеркивал, что «сила есть власть над умами и действиями людей»¹⁶.

¹² Taylor A.J. The struggle for Mastery in Europe, 1848-1918. – Oxford Paperbacks, 1971. – P.547.

¹³ Mearsheimer John J. The Tragedy of Great Power Politics. – New York: W.W. Norton, 2001. – P.17.

¹⁴ Cline R.S. World Power Assessment. A Calculus of Strategic Drift. – Washington, 1975. – P.8.

¹⁵ Watzl K. Theory of International Politics. – London: Addison-Wesley, 1979. – P. 113.

¹⁶ Morgenthau H. Politics among Nations. 4th ed. – New York, 1967. – P.67.

Поразительной по своей точности и всеобщей приемлемости представляется его мысль о том, что международная политика, как все другие политические действия, это борьба за власть: «Стремление к власти, будучи важным элементом международной политики, как и любой другой политики, обуславливает то, что по необходимости международная политика является политикой силы»¹⁷.

Идею Г.Моргентау о том, что сила является и средством, и одновременно целью государства, позднее дополнил другой видный представитель данной школы – Раймон Арон. Для него «вечными целями государства» наряду с силой выступают также безопасность и слава¹⁸. Р.Арон выделил в пространстве международных отношений основную роль мощи и силы государства. В его интерпретации мощь – это способность государства навязать свою волю другим международным акторам. Новая интерпретация категории «силы» Р.Ароном помогла оспорить ранее принятое за основу реалистами утверждение об «исчисляемости» и измеримости силы государства.

В фундаментальной работе «Мир и война между народами» Р. Арон утверждает, что английское слово “power” в зависимости от конкретного смысла можно перевести тремя французскими словами: власть, могущество и сила. Power прежде всего в самом общем смысле – это способность делать, производить, разрушать, влиять; затем – это способность легального управления (прийти к власти, осуществлять власть); это также способность личности (индивидуальной или коллективной) навязывать другим свою волю, свой опыт, свои идеи; наконец, это набор материальных, нравственных, военных, психологических понятий, которые придают определенный смысл трем названным вариантам слова power¹⁹.

С учетом обновления повестки дня в международных отношениях и необходимости поиска новых инструментов воздействия в конце 1970-х годов Джеффри Харт писал: «Сегодня акторы намного больше сориентированы на экономические цели, чем это было раньше, поэтому они включают в свой арсенал новые технологии для достижения этих целей в международной системе»²⁰.

Арнольд Уолферс в своих исследованиях попытался выделить нюансы в термине «сила», различая «силу» и «влияние». Эти два понятия, по его мнению, имеют одну цель – изменить поведение других международных акторов в своих интересах.

¹⁷ Там же. – Р. 15.

¹⁸ Арон Р. Мир и война между народами. – М.: Nota Bene, 2000. – С.120-128.

¹⁹ Там же. – С. 665.

²⁰ Hart J. Three approaches to the measurement of power in international relations // International Organization, N.Y., Spring, 1976. – P.305.

Выразителем такого толкования силы являлся и Г.Киссинджер, который писал, что «сила есть влияние»²¹. Вместе с тем постепенно приходило осознание того, что абсолютизация роли силы обуславливает недооценку значения других факторов, таких как духовные ценности, социокультурные реальности, межкультурный диалог, что значительно обедняет анализ международных отношений, снижает степень его достоверности.

Наш современник, автор теории «наступательного реализма» чикагский профессор Джон Миршаймер расширил многие постулаты реалистической парадигмы. В работе «Трагедия политики великих держав» он сформулировал пять основных принципов (аксиом) своей теории.

Первый. В международных отношениях царит анархия, что, однако, не означает, что международная система находится в состоянии хаоса или беспорядка. Можно подумать, что анархия синонимична хаосу, поскольку реализм описывает мир, несущий на себе печать бесконечной конкуренции и войны. Однако представление реалистов об анархии не имеет ничего общего с понятием конфликта. Анархия – это просто способ описания порядка системы, которая состоит из независимых государств, над которыми нет никакой высшей власти. Иными словами, суверенитетом наделены именно государства, поскольку над ними нет никакого правящего органа в системе международных отношений. Нет правительства правительств.

Второй принцип. Великие державы обладают некоторым наступательным арсеналом, который позволяет им наносить урон и, возможно, даже уничтожать друг друга. Все государства потенциально опасны друг для друга, хотя, конечно, некоторые имеют в распоряжении больше военной мощи и поэтому опаснее остальных. Военная мощь государства обыкновенно определяется вооружением, которым оно обладает, но даже если бы оружия и вовсе не существовало, жители любого государства могли бы атаковать жителей соседнего при помощи рук и ног. В конце концов на каждую шею найдётся пара рук, способных эту шею раздавить.

Третий принцип. Никакое государство не может быть уверено в намерениях соседей. Нет уверенности в том, что государство никогда не будет использовать свой наступательный потенциал против соседа. Это не значит, что у государств непременно враждебные намерения по отношению друг к другу. На самом деле может так случиться, что все государства, составляющие международную систему, будут обладать

²¹ Kissinger H. American Foreign Policy. 3d ed. – New York, 1977. – P.57.

исключительно благими намерениями. Но ни одно из государств не может быть в этом уверено, поскольку невозможно предсказывать намерения других со 100-процентной точностью.

Для агрессии одного против другого есть множество причин, и никакое государство не может быть уверено, что ни одна другая страна не черпает мотивацию для своих действий от одной из этих причин. Более того, намерения изменчивы, поэтому намерения государств могут быть благими в один день и враждебными на следующий. Намерения неопределённые, поэтому государства никогда не могут быть уверены в том, что к наступательным возможностям других государств не прилагаются враждебные намерения.

Четвёртый принцип. Выживание – первейшая цель великих держав. Это означает, что государства стремятся защитить свою территориальную целостность и независимость своего внутреннего политического порядка от внешнего вмешательства. Стремление выжить господствует над другими мотивами государственного действия, поскольку, будучи завоёванной, никакая держава не будет в состоянии стремиться к другим своим целям. Государства могут преследовать и другие цели, но обеспечение собственной безопасности – их главная задача.

Пятый принцип. Великие державы рациональны. Они разумно судят о своем окружении и стратегически мыслят о том, как выжить в нем. В частности, каждое государство включает в свои расчеты предпочтения других держав, их возможную реакцию, а также то, как взаимодействие других держав скажется на его собственной стратегии. Кроме того, государства рассматривают близкие и отдаленные последствия своих действий²².

Д. Миршаймер называет идеальную систему международных отношений «self-help world» (мир, помогающий себе сам), в ней государства «вынуждены быть эгоистичными». Помимо локальной и глобальной гегемонии, он выделяет еще один тип позиционирования государства на международной арене и называет этот феномен «offshore balancers» (внешние стабилизаторы), в котором некое сильное государство, расположенное вне пределов определенного региона, оказывает серьезное влияние на политические процессы в этой зоне. Тем самым оно стабилизирует ее извне.

Действительно, в современном мире можно назвать множество примеров, когда великие державы, используя свою военную или/и экономическую и гуманитарную мощь, оказывают сдерживающее влияние на своих соперников (конкурентов, противников) и как бы «вторгаются» в их зоны традиционного присутствия (доминирования, гегемонии).

²² Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. – New York: W.W. Norton, 2014.

Д. Миршаймер предлагает три блока различных стратегий поведения государств на международной арене. Первый блок – это стратегии получения власти или достижения преимуществ по отношению к другим акторам международных отношений через войну и шантаж. Среди них он выделяет стратегию «bait and bleed» (сравливание и ожидание, пока противники истекнут кровью), которая предполагает развязывание затяжной войны между неугодными государствами, ожидание растраты ими ресурсов и ослабления, а также достижение собственных интересов в этом противостоянии. Он также допускает стратегию под названием «bloodletting» (кровопускание), которая предполагает молниеносную войну между противниками.

Второй блок – это стратегии в виде сдерживания агрессоров, которые государствам следует использовать в случае появления угрозы для их существования. Первая называется «балансирование» и включает в себя дипломатические отношения, возможность создания альянсов и союзов для противостояния агрессору, а также мобилизацию собственных ресурсов. Второй тип поведения – перекладывание ответственности на других, когда в случае возникновения угрозы для государства правительству необходимо перевести вектор агрессии на других акторов международных отношений.

Третий блок – это стратегии предупреждения. К ним относятся политика умиротворения агрессора и так называемый «эффект ярмарочного вагончика» (bandwagon effect); это такой тип поведения государств, при котором более слабые страны примыкают к сильной державе и действуют в русле ее политики. В теории наступательного реализма Дж.Миршаймера такое поведение – это способ избежать прямого удара агрессора.

Работы Д. Миршаймера укрепили позиции сторонников *real politik*, не строящих иллюзий относительно возможности формирования мирового правительства и подчинения всех субъектов системы международных отношений неким общим правилам поведения во имя всеобщей безопасности и процветания.

Уместно вспомнить принципы «макиавеллизма», которые предусматривают, что «государь должен обладать силой духа и творить добро, насколько это возможно, и зло – насколько это необходимо. В основе политического поведения лежат выгода и сила: необходимо уподобиться лисице, чтобы обходить капканы, и льву, чтобы отпугивать волков. Смелость, гибкость и самоуверенность – вот слагаемые политического успеха».

В геополитике рассматривают категорию «силы», определяющей для теории международных отношений. Фридрих Ратцель, Рудольф Челлен и Хелфорд Маккиндер считали, что мировое влияние актора определяется

его географическим местоположением. Они сфокусировали свое внимание на географических и геоэкономических факторах могущества государства. В их понимании территория государства, его природные богатства, соседство с мировыми державами являются основными ресурсами его силы. Другие территории, выгодные с экономической и политической точек зрения, могут стать целями, ради которых правомерно применять военную силу, так как расширение «жизненного пространства» является естественной потребностью актора международных отношений²³.

По мнению автора данной монографии, расстановка сил в мире свидетельствует о том, что с расширением спектра конфликтов и соперничества государств и альянсов за счет киберпространства, использования стратегических коммуникаций, криптовалют и прочих продуктов глобализации обновляется предметное поле геополитики. Борьба за новые пространства (не только географические и физические) становится новым феноменом в мировой политике. Мир становится еще более многомерным, диапазон применения силы в международных отношениях расширяется, если учесть, например, обладание великими державами новейшими видами гиперзвукового оружия или технологиями искусственного интеллекта.

Примером такого поведения может служить жесткая реакция американской администрации Д. Трампа на укрепление китайского присутствия в сфере телекоммуникаций с использованием технологии 5G. Вместе с другими линиями китайско-американского геополитического разлома (взаимные «торговые войны», конфликты в Южно-Китайском море и вокруг Тайваня, противодействие американцев мегапроекту Пекина «Один пояс, один путь» и вмешательству во внутривосточные дела Австралии, Новой Зеландии и самих США через инструменты «мягкой силы») США на базе двухпартийного консенсуса республиканцев и демократов переносят гибридную войну с Китаем на технологический или, по сути, виртуальный фронт.

В рамках **структурализма** была предпринята попытка переосмысления сложившейся трактовки категории «силы» в современных условиях международных отношений. Для охвата всех измерений современной системы международных отношений сторонники структурализма ввели термин «структурная сила», которая выступает как «удовлетворение четырех социальных потребностей, которые лежат в основе современной экономики: безопасность (в том числе и оборонительная мощь), знание, производство и финансы»²⁴.

²³ Нартов Н.А., Нартов В.Н. Геополитика. – М.: Юнити-Дана, 2007. – С.55-63.

²⁴ Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. Особенности силы как средства международных акторов // http://society.polbu.ru/tsygankov_sociology/ch34_all.html.

Современная мировая экономика поменяла международную систему взаимодействия акторов. Отныне государства, транснациональные корпорации, международные организации и даже частные лица и, как следствие, их сила зависят от особенностей и закономерностей деятельности мировой экономической системы. Новый мировой порядок не берет за основу только государственные образования. Он предоставляет право ранее маргинализированным группам или даже феноменам становиться полноправными субъектами международных отношений: даже террористическим группировкам, идеям, технологиям, кредитам. Сила, которая работает в четырех измерениях, позволяет своему обладателю устанавливать правила поведения международных акторов.

Складывается новая система международных отношений, в которой государства играют второстепенную роль, а транснациональные силы и финансовые потоки выходят на первый план. Однако в этой новой системе самым сильным игроком станет только тот, кто сможет аккумулировать максимум ресурсов и эффективно ими распоряжаться.

По мнению автора данной монографии, первичность экономики и экономических интересов как главного мотиватора поведения акторов в международной системе может быть подвергнута определенному сомнению в связи с быстроменяющимся глобальным стратегическим ландшафтом и новыми трендами в межгосударственных отношениях. Пикирование, иногда жесткая «война слов» по линии США – Китай, США – Россия, Европа – Россия, Европа – США во многом носит политический или геополитический характер, нежели имеет сугубо экономическую подоплеку и мотивацию. Европейские страны несут огромные экономические издержки вследствие собственных ограничительных мер в отношении России, а американские фермеры или транснациональная компании – производители электроники в Китае не могут быть удовлетворены волатильностью региональных и глобальных рынков из-за американо-китайской «торговой войны». Самое принципиальное в этой ситуации то, что транснациональные структуры или маргинальные группы вынуждены считаться или, более того, полагаться в ходе реализации своих интересов на волю и силу политической власти своих государств.

Интересным представляется концепция транснационального капиталистического класса. Развернутый вариант этой концепции разработал американский ученый Уильям Робинсон в книге «Теория глобального капитализма. Производство, класс и государство в транснациональном мире». Данная концепция, которую относят к **современной неомарксистской мысли**, исходит из того, что развитие глобальной экономики привело к возникновению множества огромных индустриальных и торговых комплексов

(транснациональных компаний), причем деятельность каждого из них разворачивается и во многом доминирует одновременно во многих странах мира. По мысли апологетов этой концепции, в современную эпоху человечество квантуется не нациями и не национальными государствами, а транснациональными объединениями – классами и объединениями внутри них (кланами, группами). Транснациональный капиталистический класс является глобальным правящим классом, поскольку он контролирует становящееся транснациональное государство и процесс принятия решений на глобальном уровне²⁵.

Как показывает недавнее историческое прошлое, марксистские идеи, основанные на классовом подходе, довольно долго были привлекательными для стройного и убедительного осмысления макро- и микрополитических и социальных процессов. Однако следует помнить, что все же, по убеждению представителей наиболее влиятельных парадигм, современный глобализированный мир остается в большей степени государствоцентричным, где национально-государственные субъекты международных отношений реализуют и перманентно стремятся укрепить свою власть и силу как внутри границ своего суверенитета, так и во внешнем мире.

Ярким подтверждением этого постулата может служить поведение международных игроков в ходе вспыхнувшей в начале 2020 г. пандемии COVID-19. Хотя Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) как международный субъект проявила себя в качестве центра получения и обработки информации, разработки общих рекомендаций по противодействию широкомасштабному распространению опасной инфекции, тем не менее основную долю политической ответственности и важнейшие организационные решения, прежде всего через введение беспрецедентных карантинных правил, выделение огромных средств для поддержки экономик на фоне чрезвычайно сложной мировой конъюнктуры, по преодолению серьезного глобального кризиса взяли на себя национальные правительства.

Таким образом, теоретический багаж исследователей международных отношений и мировой политики очевидным образом все больше наполняется новыми понятиями и категориями. «Война парадигм» постепенно переходит на этап полидисциплинарности – разрушения перегородок между различными науками²⁶.

²⁵ Robinson W., Harris J. Towards a Global Ruling Class? Globalization and the Transnational Capitalist Class // Science and Society, 2000. Vol. 64. No. 1.

²⁶ Багаева А.В., Бродовская Е.В., Вдовиченко Л.Н. и др. / Под ред. профессора П.А.Цыганкова. Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений. – М.: Горячая линия – Телеком, 2017. – С.16.

Особый вклад в развитие теории международных отношений внес американский ученый Дж. Розенау. Фундаментально рассмотрев вопросы динамики современных мировых политических процессов, он обратился к проблематике сближения внутренней и внешней политики государств. Ценность имеют его идеи о снижении роли государства как основного актора международных отношений, который перестает быть главным действующим лицом и уступает это место конкретным лицам, вступающим в отношения друг с другом. К числу ключевых международных акторов Дж. Розенау относит государства, подсистемы (например, органы местной администрации), транснациональные организации, когорты (например, этнические группы), движения²⁷.

Еще в 1990-х годах Дж. Розенау выявил участие негосударственных структур в борьбе за распределение власти. Эти оценки нашли свое отражение в работе «Управление неуправляемым: Проблема глобального рассредоточения власти»: «Само собой разумеется, что организационный взрыв является центральной причиной, лежащей в основе всепроникающих процессов, посредством которых власть подвергается постоянному рассредоточению»²⁸.

Следует также отметить, что Дж. Розенау одним из первых предпринял попытку анализа международных отношений на основе понятия «турбулентность»²⁹. Он понимает турбулентность как нарастание нестабильности, потрясений и глубокой неуверенности в мировом развитии. Она пронизывает все основные измерения – от глобальной трансформации, стирающей государственные границы и смещающей общие нормы и цели, роста роли «акторов вне суверенитета», ослабляющих власть национальных правительств, вплоть до ключевого значения влияния индивидов на международные отношения. Дж. Розенау рассматривает состояние турбулентности как временную ситуацию, как «мир в движении, мир, где господствующая неуверенность допускает появление ясных и устойчивых ориентиров...». Более того, наличие турбулентности – это положительный и даже желательный фактор, поскольку в долговременной перспективе он способствует демократизации мирового развития.

В то же время на фоне действительно турбулентных и зачастую непредсказуемых процессов в мировой политике последних лет многие ученые и эксперты склоняются к их описанию в таких выражениях, как

²⁷ Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М.: Гардарики, 2003. С. 230.

²⁸ Rosenau J. Governing the ungovernable: The challenge of a global disaggregation of authority // Regulation & governance. Vol. 1, N 1. – Carlton, Victoria, 2007. – P.14, 88–97.

²⁹ Rosenau J. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. – Princeton: Princeton University Press, 1990.

«новая холодная война», «холодный мир», «игра без правил», «геополитические разломы», «игра с нулевым результатом», «война всех против всех», «стратегическая неопределенность», «национальный эгоизм», «новый мировой беспорядок», «разори соседа». Однако выявляются и позитивные тренды, связанные с проявлением политической воли великих держав, прежде всего постоянных членов Совета безопасности ООН, предпринимающих реальные шаги для укрепления стратегической стабильности в новых условиях полицентричного мирового порядка.

Представители **либеральной школы** поставили под сомнение главенство военного толкования понятия «силы», исходя из возможности регулирования международных отношений с помощью инструментов и механизмов международного права и многосторонних организаций. По их мнению, война является не естественным состоянием международных отношений, а злом, которому международные акторы должны совместно противостоять.

В рамках либеральной теории высказано утверждение о том, что, соревнуясь в объемах силовых ресурсов, мир может уничтожить сам себя. Истинными причинами конфликта не всегда выступает борьба за территорию и ресурсы. Главным мотивом агрессивного поведения международного актора может быть его психологическая потребность выглядеть в глазах своих партнеров более мощным и успешным. Даже самые миролюбивые нации считают действенным способом демонстрации своего превосходства – силу.

Категория «силы» представляется сторонникам либеральной школы как совместная работа всех международных акторов, направленная на обеспечение всеобщей безопасности и благоденствия³⁰.

События конца прошлого века предоставили сторонникам школы либерализма объективные факты в пользу того, что эпоха неоспоримого доминирования военных методов в мировой политике закончилась. Основное соперничество и одновременно сотрудничество между акторами перешло из военной сферы в сферу экономики и финансов. Огромное значение начали приобретать финансовые ресурсы, ресурсы бизнеса, технологические и научные ресурсы, культура и система образования. Благодаря цифровой революции на первый план вышли медийные и информационные ресурсы государства.

³⁰ Edited Stephen McGlinchey, Rosie Walters and Christian Scheinplflug. – International relations theory. – Bristol, England: E-International Relations, 2017. – P. 22-25.

Среди **транснационалистов** Р. Кохейн и Дж. Най представляют свою хронологию трансформации ресурсов силы: «В XVIII веке баланс сил в Европе, территория, население и сельское хозяйство служили основой для пехоты, и Франция занимала самое выгодное место. В XIX веке индустриальные возможности явились теми ресурсами, которые обеспечили доминирование сначала Великобритании, а затем Германии. К середине XX века наука, и в особенности ядерная физика, способствовали росту ресурсов силы США и Советского Союза. В новом веке информационные технологии будут основным источником силы»³¹.

По мнению сторонников либеральной школы, различаются два типа силы. Ресурсная сила может быть измерена количеством, объемом и другими характеристиками международного актора, которые он использует для достижения своих целей. Ко второму типу относится сила поведения (*behavioral power*), которая выступает как способность добиваться желаемых результатов.

Поскольку новый миропорядок расширил влияние малых государств, неправительственных организаций, ТНК и даже отдельных индивидов, в информационную эру международные отношения становятся многоуровневой системой взаимодействия. И если влияние военной мощи поделено между мировыми супердержавами, то в таких сферах, как экономика, энергетика, технологии и др., с ними могут конкурировать более слабые международные игроки. Доминирование в военной сфере не является гарантией достижения актором желаемых результатов.

Трудно утверждать, что такая категория международных отношений, как «сила», получила общепринятое определение в политологической науке. По словам Г. Моргентау, «понятие силы представляет собой одну из самых сложных и противоречивых проблем в политической науке»³².

В то время как школа политического реализма традиционно рассматривала способность какой-либо нации влиять на внешние субъекты через призму осязаемого инструментария и методов принуждения (угроза и сила), Джозеф Най выдвинул концепцию влияния, которая основывается на использовании «неосязаемых» источников силы, например, культуры, базовых принципов и ценностей, публичной дипломатии, и назвал ее «мягкой силой»³³.

³¹ Keohane R., Nye J. (Jr). Power and interdependence in the information age. – Foreign Affairs. Sep/Oct 1998. – P.87.

³² Morgenthau H. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. The 3rd edition. – NY, 1964. – P.27.

³³ Nye Joseph S. Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – NY: Basic Books, 1991. – P.330.

Концепция «мягкой силы» (soft power) была впервые предложена Дж. Наем в книге “Bound to Lead: The Changing Nature of American Power” и с тех пор ее важность значительно возросла и среди практиков внешнеполитической среды, и в кругу многочисленных ученых, экспертов и аналитиков, вызывая живой интерес и порой критику³⁴.

В современном мире позиционирование государств и всех субъектов международных отношений в общем пространстве взаимодействия характеризуется широким переплетением многообразных факторов влияния, рассматриваемых ныне как категории «жесткой» (hard) и «мягкой» (soft power) силы. Подобное концептуальное разграничение является достаточно разумным и продуктивным. Однако если первая из них обладает всеми свойствами непосредственной очевидности и довольно легко поддается объективным оценкам, то вторая амбивалентна и зависит от контекстов ее субъективного восприятия³⁵.

«Мягкая сила» труднее поддается теоретическому осмыслению и разработке ее моделей, чему препятствует чрезвычайно обширная и разнородная фактологическая база. К факторам «мягкой силы» относят уровень политических свобод, эффективность того или иного правительства, мировую значимость культуры, экстенсивность дипломатического аппарата, историческое наследие, степень развития туризма, привлекательность образовательной системы. Сведение этих факторов в единую систему представляется достаточно сложной политологической задачей. До сих пор решение этой задачи не вышло за пределы инвентаризации и классификации разновидностей «мягкой силы» – как правило, по самому простому основанию принадлежности к разным сферам социальной жизнедеятельности: экономике, науке, образованию, культуре, дипломатии, спорту, религии³⁶.

Хотя, по утверждению Дж.Найя, «мягкая сила» является важной реальностью, по мнению его оппонентов (и практика международных отношений это явно показывает), имплементация ее инструментария не гарантирует абсолютного успеха или неоспоримой власти и авторитета, поскольку другие государства могут прибегнуть к культурному отпору и выразить неприятие в отношении внедряемых какой-либо внешней силой

³⁴ Fraser M. Weapons of mass distraction: soft power and American empire. – New York: Thomas Dunne Books, 2005. – P.288; Fraser M. The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations // Studies in diplomacy and international relations. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – P.221; Kurlantzick J. Charm offensive: How China's soft power is transforming the world. New Haven & London: Yale University Press, 2007. – P.306; Kynge J. China shakes the world: a titan's rise and troubled future – and the challenge for America. – NY: Mariner Books, 2007. – P.288.

³⁵ Андреев А.Л. «Мягкая сила»: аранжировка смыслов в российском исполнении // Полис. Политические исследования. – М., 2016, №5. – С.122-133.

³⁶ Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс мягкой силы государства // Обозреватель. – М., 2014, №4. – С. 27-40.

норм, ценностей и институтов. Иначе говоря, концепция «мягкой силы», несмотря на рост ее популярности, не может считаться всеобъемлющим и универсальным решением в деле реализации внешнеполитических доктрин.

По мнению отечественного профессора Ш.М. Абдуллаева, мы являемся свидетелями значительных изменений в современной системе международных отношений, характеризующихся турбулентностью, хаотичностью, глубочайшим кризисом мирового порядка. Прослеживается отказ от основополагающих принципов международного права, на которых базировались международные отношения после Второй мировой войны и «холодной войны».

По его взглядам, вчерашние адепты «мягкой силы» – великие державы, которые были основными «закоперщиками» этого вопроса, отказываются от нее в привычных для нас формах. Они делают ставку на военно-силовые решения проблем международного порядка, на соперничество и противостояние в разрешении важнейших актуальных вопросов международной повестки. В международных отношениях возобладает климат недоверия, климат конфронтации. В этих условиях перед наукой о международных отношениях, в том числе отечественной, стоит очень острый теоретический вопрос: как определить границы и целесообразность использования государством своей военной мощи и принудительных действий в форме «жесткой силы», а с другой стороны – как применять «мягкую силу» со всеми ее инструментами?

Следует иметь в виду, отмечает Ш.М. Абдуллаев, что между «жестким» и «мягким» полюсами расположены и другие ресурсы, осмысляемые в терминах силы – экономическая сила, политическая сила, которые ближе к «жесткому» полюсу, а также образование, идеология, которые ближе к «мягкому» полюсу.

Нужно напомнить, что в дискурсе международной науки по этому вопросу все больше возобладает использование понятия «умной силы», которая определяет рациональное сочетание обеих категорий силы. Мы все чаще видим это в международной практике. Великие державы используют ее в своих интересах в зависимости от ситуации. И Узбекистан должен в этом вопросе выработать свою концепцию с учетом особенностей своей внешней и внутренней политики.

Однако, замечает Ш.М. Абдуллаев, здесь возникает другая сложность – понятийная многозначность определений «жесткая» и «мягкая» сила, которая представляет трудность методологического характера при исследовании данной проблемы³⁷.

³⁷ Из выступления профессора Ш.М. Абдуллаева на Научном совете по присуждению ученых степеней при Высшей школе стратегического анализа и прогнозирования Республики Узбекистан, г.Ташкент, 24 января 2020 г.

В научном дискурсе существуют различные определения «мягкой силы». Например, это понятие рассматривается П. Виотти и М. Кауппи как «нематериальные возможности – такие, как репутация, культура и ценностные воззвания, которые помогают государству в достижении поставленных целей»³⁸.

Джозеф Най как основоположник концепции и автор ее теоретической базы утверждает, что «мягкая сила» – это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения и подкупа»³⁹, а также это «умение склонить других пожелать тот результат, который хотели бы получить вы сами»⁴⁰. Позднее, в работе 2011 г. «Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век» Дж. Най дополнил предыдущее определение, концептуально описав «мягкую силу» как «способность влиять на других путем средств сотрудничества в формировании программы действий, убеждения и оказания позитивного привлекательного воздействия для достижения желаемых результатов».

В отличие от «жесткой силы» «мягкая сила» призвана вызывать изменения через трансформацию предпочтений другой стороны. Таким образом, «мягкая сила» является еще большим, чем способность влиять на других акторов в международных отношениях, более того – это «способность привлекать, а притягательность ведет к уступке».

По мнению Дж.Най, «мягкая сила» является непрямым способом применения силы, когда какое-либо государство может добиться желаемых результатов вследствие готовности других стран следовать ему и перенять его опыт и методы; они стремятся превзойти его достижения, восхищаются его ценностями и традициями, хотят добиться его уровня развития и процветания⁴¹. Способность кооптировать людей, достичь политических целей через привлекательность, нежели принуждение или подкуп, определяется Дж. Наем как «мягкая сила».

В то время как «жесткая сила» зиждется на угрозе («палка») и стимулировании («морковь»), «мягкая сила» опирается на способность формировать повестку в мировой политике, основанной на чьих-либо принципах и идеях. Используя инструменты «мягкой силы», есть возможность решить проблемы, относительно которых ресурсы «жесткой силы» бессильны. Результаты насильственной интервенции всегда недолговечны и поэтому необходимо потратить огромные средства для их удержания или повторного достижения⁴².

³⁸ Viotti Paul R., Kauppi Mark V. International relations and world politics. 5th edition. – Pearson Publisher. 2013. – P.25.

³⁹ Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – P.43.

⁴⁰ Nye J. Soft Power // Foreign Policy. No. 80. Autumn. 1990. – P.167.

⁴¹ Nye Joseph S. Jr. The paradox of American Power: why the world's only superpower can't go it alone. – Oxford University Press, Inc., 2002. – P.8-11.

⁴² Bohorquez Tysha. Soft Power – The Means to Success in World Politics // UCLA International Institute // <http://www.international.ucla.edu>.

Анализируя данную ситуацию, Дж. Най представляет мировую политику «как шахматную игру, разыгрываемую на трех уровнях, когда игрок может выиграть лишь в случае, если он двигается не только горизонтально, но и вертикально»⁴³. Другими словами, традиционные международные отношения с государствами как главными акторами выстраиваются в горизонтальной плоскости, а мировая политика фокусируется на вертикальном взаимодействии между транснациональными корпорациями, неправительственными организациями и другими акторами.

«Мягкая сила» возникает из притягательности культуры, политических идеалов и реализуемой политики. Когда осуществляемая политика оценивается другими как разумная (легитимная), «мягкая сила» усиливается», – считает Стивен Ротман⁴⁴. По его мнению, основными истоками «мягкой силы» являются культура, политические институты и выраженные в политике ценности, которых придерживается государство в рамках своих национальных границ и реализует на международной арене.

Профессор Университета Веслиан (США) Дж. Галларотти выделяет два главных источника «мягкой силы», а именно: международные источники в форме внешней политики и действий, а также внутренние источники (внутренняя политика и действия) вкупе с множественными подисточниками внутри этих двух парадигм⁴⁵. Все они продвигают позитивный имидж государства, которое тем самым привлекает другие народы и тогда влияние такого государства в мировой политике возрастает.

Международные источники, по его мнению, включают в себя «фундаментальную опору на международное право, нормы и институты; уважение к союзническим обязательствам и договорам; отказ от принятия односторонних решений; готовность пожертвовать краткосрочными узкими интересами в целях содействия реальным совместным проектам по решению актуальных многосторонних проблем; приверженность либеральной экономической политике».

Среди внутренних источников «мягкой силы» Дж. Галларотти рассматривает силу, присущую культуре и политическим институтам. Он утверждает, что «мягкая сила» также формируется социальным единством, свободой, достойным качеством жизни, достаточными возможностями для личности, толерантностью, привлекательным образом жизни, которые могут способствовать имиджу и благоприятному восприятию государства. Все это, в

⁴³ Nye Joseph. S. Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – P.72.

⁴⁴ Rothman Steven B. Revising the soft power concept: what are the means and mechanisms of soft power? // Journal of Political Power. March, 2011. – P.50.

⁴⁵ Gallarotti Giulio M. Soft Power: What it is, why it's important, and the conditions under which it can be effectively used // Division II Faculty Publications, Paper 57. 2011. – P.20-25 // <http://wescholar.wesleyan.edu/div2facpubs/57>.

свою очередь, может способствовать продвижению внешнеполитических задач⁴⁶. Касательно политических институтов государства, то они должны «придерживаться принципов демократии, конституционализма, плюрализма и либерализма, а государственная бюрократия должна быть эффективно функционирующей»⁴⁷.

По нашему мнению, данный комплексный подход к источникам «мягкой силы» является особенно актуальным для государств постсоветского пространства, которые **в процессе государственного и общественного строительства опираются на собственные устои, стремясь укрепить национальную идентичность и одновременно ведут целенаправленную политику интеграции в мировое сообщество, намереваясь занять собственные ниши в политической, экономической и социальной матрице мира.**

Советская система стремилась перемолоть культурно-цивилизационные особенности народов Советского Союза в общем идеологическом котле для создания некоего *homo soveticus*, одержимого единой идеей строительства коммунизма. Крах этой идеологии не только освободил сознание огромной массы людей от тоталитаризма, но и поставил перед национальными элитами сложнейшую задачу формирования национальной идеи и самоидентификации в достаточно сложной конкурентной среде международного общества.

Александр Вавинг, член Американской политической научной Ассоциации, в своем труде «Как работает «мягкая сила»?»⁴⁸ выдвигает на первый план три концептуальных источника, от которых происходят «сила» и ее «мягкость», он называет их «*красота, блеск и доброта*».

«*Красота*» – это аспект отношения государства с идеалами, ценностями и мировоззрением, который генерирует «мягкую силу» через продуцирование вдохновения, чувство безопасности, идентичность и общинность, поддержку и поощрение. По мнению А. Вавинга, в результате возрастает убедительность, легитимность и моральный авторитет государства. Данный аспект является базисным атрибутом власти, создающим харизматичных лидеров, причем не только из числа персонаний, но и государств.

Механизм «*блеска*» основан на восхищении и стремлении других стран заимствовать часть или полностью политику, институты, идеологию, ценности или мировоззрение успешных государств. Эти аспекты «мягкой

⁴⁶ Nye Joseph S. Jr. The paradox of American Power: why the world's only superpower can't go it alone. – Oxford University Press, Inc., 2002. – P. 113-115.

⁴⁷ Gallarotti Giulio M. Cit. op. – P. 20-25.

⁴⁸ Vuving Alexander L. How the soft power works? // Paper presented at the panel "Soft Power and Smart Power". American Political Science Association annual meeting. September, 2009. – P.8-12 // <http://www.apcss.org/Publications/Vuving%20How%20soft%20power%20works%20APSA%202009.pdf>.

силы» могут проявляться в таких формах, как мощная армия, эффективная экономика, богатая культура, спокойное и хорошо управляемое общество, продвинутая наука и высокие технологии. Сгенерированное «блеском» восхищение может привести к имитации, соревновательности, уважению, почитанию и даже страху со стороны объекта «мягкой силы».

«Доброта» (или добродетель) – это один из аспектов взаимоотношений государства с другими, особенно с объектом «мягкой силы», который основан на механизме обоюдного альтруизма. Это позитивное отношение, которое страна выражает людям и тем самым продуцирует благодарность и симпатию, а также убеждает других в мирных или благожелательных намерениях государства и приглашает к сотрудничеству. «Доброта» включает в себя широкий выбор поведения, начиная с непричинения вреда другим до их активной защиты и поддержки.

Если «жесткая сила» ассоциируется с опорой на осязаемые ресурсы силы (или физическое принуждение), на способность оказывать воздействие на поведение других путем изменения их обстоятельств, то «мягкая сила» – это способность оказывать воздействие на поведение других через влияние на их предпочтения посредством политических средств, действий и собственных качеств, которые заставляют одни нации полюбить другие нации⁴⁹. Ресурсы «жесткой силы» легче измерить в количественном плане, ее результаты становятся очевидными в течение короткого времени, тогда как «мягкую силу» сложно измерить, ее влияние становится видимым по истечении долгого времени. Тем не менее концепции «жесткой» и «мягкой» силы являются взаимоувязанными и могут усиливать друг друга.

По мнению С.Брезлина, «мягкая сила» понимается как идея, когда другие становятся вашими приверженцами и поддерживают ваши политические предпочтения по той причине, что им нравятся ваши политическая и социальная система, ценности и политика»⁵⁰.

Исторически внимание к «силе» развивалось вокруг материальных способностей. Фактически многие, кто обращаются к теме «силы», склонны рассматривать ее в международном контексте именно с этой точки зрения. Однако Дж.Най подчеркивает, что при дефиниции «силы» все меньшее ударение делается на военной мощи и завоеваниях. Одновременно факторы технологии, образования и экономического развития становятся более значительными для международного влияния, тогда как географическое место, население и сырье превращаются в менее важные

⁴⁹ Rothman Steven B. Revising the soft power concept: what are the means and mechanisms of soft power? // Journal of Political Power. March, 2011. – P.49-52.

⁵⁰ Breslin S. The soft notion of China's "soft power". – London: Chatham House. February, 2011. – P. 1-18.

факторы. Подобный подход применим при оценке положения небольших государств в структуре международных отношений. Например, Республика Корея, не обладая богатыми природными ресурсами, нарастила свою «мягкую силу».

В процессе осознания важности «мягкой силы» многие политологи подчеркивают ограничения в возможности использования «жесткой силы» в решении международных проблем и расширении влияния. В то время как применение «жесткой силы» превалировало в истории международных отношений, те, кто приходят к выводу об упадке этих воинственных концепций, начинают продвигать преимущества «мягкой силы». Дж.Най утверждает, что в нынешних условиях «прямое использование силы для получения экономической выгоды является в целом очень затратным и опасным для современных великих держав». Более того, «даже для государств, стремящихся обеспечить безопасность, пути достижения этой цели могут лежать не в инвестировании в военную сферу, а в растущей необходимости развивать различные формы «мягкой силы» – коммуникации, организации и институциональные способности для поддержания влияния в международных отношениях»⁵¹.

Государства мира становятся экономически более взаимозависимыми, военные варианты разрешения конфликтов наименее возможными опциями. К примеру, Узбекистаном для достижения целей Стратегии действий в контексте политики в Центральной Азии используется «парадигма сотрудничества» через «мягкую силу» (инструменты дипломатии, культурного обмена и др.), а не политика доминирования с задействованием имеющегося в распоряжении нашего государства арсенала «жесткой силы». Такая политика определена как долгосрочная и эффективная, позволяя кооптировать соседние государства к взаимодействию. Тем не менее наличие серьезной «жесткой силы» Узбекистана, в чем не сомневаются региональные и глобальные акторы, дает основание для последовательного отстаивания национальных интересов, однако без применения угроз и методов шантажа.

Поскольку дефиниция «мягкой силы» до сих пор не имеет определения, с которым были бы согласны большинство ученых, а формулировка автора этого термина Дж.Най методологически открыта для различных ее толкований, то неудивительно, что в политологической литературе существует множество точек зрения⁵².

Сам Дж.Най указывал на недостаточную теоретическую проработку данной идеи: «Мягкая сила» – это скорее образное обобщение, нежели нормативно выраженная концепция»⁵³. Критики данной концепции, не отрицая

⁵¹ Nye J. Soft Power // Foreign Policy. No.80. Twentieth Anniversary. Autumn, 1990. – P. 153-171.

⁵² Леонова О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель. – М., 2015, №2. – С.80.

⁵³ Най Дж. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. – М., 2014. – С.148.

ее операбельность в современной системе международных отношений, все же ссылаются на методологические недостатки в формулировании ее терминов, категорий, классификации инструментов и механизмов.

Дж.Най говорит о некоем континууме средств воздействия между этими двумя видами воздействия и иллюстрирует свою мысль графически (рис. 1). Очевидно, что границы двух видов «силы» при таком подходе оказываются «размытыми».

	СИЛА					
	Жесткая			Мягкая		
Спектр поведения	Приказно й метод	Принуж- дение	Стимули- рование	Опреде- ление целепола- гания	Привлека- тельность	Сотруд- ничество
Наиболее вероятные ресурсы		Силовые методы, санкции	Выплаты и взятки	Инсти- туты	Ценности, культур- ные установки, правила	

Рис. 1. Ресурсы и спектр поведения при использовании «мягкой силы» и «жесткой силы» (Resources and spectrum of behavior in using «soft» and «hard power»)⁵⁴.

В этом плане интересным представляется анализ работ российских ученых. Как отмечает О.Ф.Русакова, «данное понятие обладает многослойной смысловой структурой, многозначностью и интерпретативным разнообразием. У концепта soft power много авторов-толкователей, которые наделяют его новыми смыслами»⁵⁵.

Силовой подход к пониманию «мягкой силы» обнаруживает себя в формулировке определения данной дефиниции и смещении акцентов в ее интерпретации. О.Ф.Русакова замечает: «Термин soft power может быть расшифрован как сила (мощь, власть, энергия), обладающая свойствами,

⁵⁴ Nye J. Soft Power and Higher Education // <http://net.educause.edu/ir/library/pdf/FFP0502S.pdf>.

⁵⁵ Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН, 2010, №10. – С. 173-174.

присущими некоей «мягкой материи». В смысловом плане данным свойствам приписываются такие образные характеристики, как гибкость, пластичность, ненавязчивость, эфемерность, хрупкость, нежность, соблазнительность и даже женственность». О.Ф. Русакова рассматривает «мягкую силу» как способ властвования, и ее сила действует таким образом, что субъект свободно и добровольно ей подчиняется, воспринимает ее предписания как результат своего свободного выбора»⁵⁶. Результатом действия «мягкой силы» она видит подчинение. Однако подчинение является целью использования именно силы, а у «мягкой силы» есть иные цели, и ее результатом могут быть не обязательно действия (подчинение или неподчинение), но некие психологические реакции индивида и общественного сознания целевой аудитории.

Д.А. Звягина, говоря о способах влияния «мягкой силы», выбирает глагол «заставить»⁵⁷, то есть выбрать наиболее жесткие методы влияния, среди которых можно провести своеобразную градацию: «принуждение – понуждение – побуждение». По ее мнению, «мягкой силе» имманентно присуща способность «побуждать» другие страны следовать своему примеру, а категории «заставлять», «принуждать», «понуждать» относятся к арсеналу «жесткой силы».

Уместным представляется обозначить проблему санкций в международных отношениях в контексте «мягкой силы», которая была поставлена М.А. Неймарком⁵⁸; он значительно углубляет понимание «мягкой силы» как добровольного сотрудничества. «Мягкая сила» может действовать посредством предоставления объекту доступа к политическим, экономическим и культурным ресурсам, но также и отказом в нем.

О.Леонова выделяет *влиятельный (инфлюентный) подход*, то есть подход с точки зрения акцентирования понятия «влияние». Она приводит исследование российского ученого Ю.И. Давыдова по трактовке понятия «мягкая сила» в контексте теории международных отношений. Изучая различные интерпретации понятия «мягкая сила», он сделал вывод, что «у всех этих разновекторных определений есть одно общее, а именно: сила во внешнем мире – это прежде всего способность влиять на поведение другого государства в желаемом для себя направлении, это способность устанавливать различные формы зависимости одного государства от другого»⁵⁹. Несмотря на детальный анализ понятия «сила», говоря о

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Звягина Д.А. «Мягкая сила»: структурный анализ // Инициативы XXI века. 2012, № 3. – С. 135.

⁵⁸ Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. К уточнению проблемного поля. Часть 1 // Обозреватель. – М., 2016, №1 (312). – С. 38.

⁵⁹ Давыдов В.И. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. – М., 2004. Т.2. № 4. – С.72-73.

способах воздействия «мягкой силы», Ю.И. Давыдов делает акцент не на принуждении и понуждении, а именно на влиянии. Рассуждая о способах такого воздействия, он указывает, что «это воздействие может достигаться разными способами, не исключая и манипулятивное воздействие на объект влияния»⁶⁰.

По нашему мнению, инфлюентный подход является наиболее приемлемым для осмысления и использования «мягкой силы» Узбекистана как относительно нового по историческим меркам субъекта международных отношений.

Процессы формирования «мягкой силы» и укрепления национальной идентичности как важнейшей ее детерминанты протекают в параллельной и диалектически взаимосвязанной плоскости.

Таким образом, **понятие «мягкой силы» можно определить как способность суверенного государства сформировать и проецировать на внешнее поле свой позитивный образ и привлекательность в политической, экономической и культурно-гуманитарной сферах в целях выгодного для своих интересов воздействия на поведение других участников международных отношений, достижения благоприятных практических результатов, укрепления авторитета и влияния, а также утверждения собственной национальной идентичности.**

Представляется, что такой подход к трактовке «мягкой силы» с точки зрения влияния и воздействия является корректным, поскольку дает возможность определять любое воздействие или влияние по шкале «жесткое» или «мягкое». Например, хорошо известны методы жесткого политического влияния в форме односторонних или многосторонних политических санкций, общей изоляции на международной арене, шантажа на межгосударственном уровне. Существуют неагрессивные инструменты воздействия путем проведения международных политических консультаций, которые могут рассматриваться в качестве одной из форм проявления «мягкой силы».

Нельзя не согласиться с тем, что «мягкая сила» – это влияние на основе привлекательности и внутреннего обаяния страны»⁶¹. При этом естественно возникают вопросы о том, что значит привлекательность в контексте внешней политики, является ли она постоянной или переменной величиной и насколько «мягкая сила» данной страны является одновременно привлекательной для целевой аудитории, например, в Европе или Азии, в мусульманских странах или в христианском мире?

⁶⁰ Там же.

⁶¹ *Леонова О.Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Обозреватель. – М., 2014, №3. – С.18.*

В этом плане одной из актуальных проблем современной политологии и практики международных отношений остается выработка страной собственной модели «мягкой силы».

Еще один актуальный вопрос – это формирование имиджа страны и решение проблемы его правильного проецирования на международной арене. Некоторые авторы, рассматривающие дефиницию «мягкой силы», ассоциируют данное понятие с имиджем, национальным брендом и репутацией страны на международной арене. По нашему мнению, вопросы международного имиджа государства имеют более прикладной характер в контексте реализации внешнеполитического и внешнеэкономического курса и могут рассматриваться в общем контексте формирования и реализации «мягкой силы» государства.

На основании анализа сущности *технологического подхода* П.Б. Паршин делает вывод, что «мягкая сила» рассматривается как «инструмент, или шире – как технология, особенно коммуникативная, которая используется в мировой политике таким образом, что ее применение предполагает нанесение потенциально меньшего ущерба объекту применения силы по сравнению с другими – «жесткими» инструментами/технологиями»⁶².

Коммуникативный подход к интерпретации «мягкой силы» опирается на коммуникативную теорию власти Ю.Хабермаса. К примеру, Дж.Маттерн пытался объяснить ее влияние посредством коммуникативного фактора как власть, проявляющуюся через создание структуры представления о действительности⁶³. Речь идет об использовании Интернета как средства «мягкой силы», а также имеющихся интерпретациях о том, что «основой данного феномена выступает массовая культура, оказывающая влияние на сознание населения и политической элиты»⁶⁴.

Согласно О.Ф. Русаковой, «властвование трактуется как способ эффективного коммуникативного воздействия, который внушает субъектам определенный образ мысли и поведения»⁶⁵. Ценным в этом подходе является то, что коммуникативное действие (процесс реализации «мягкой силы» посредством политических коммуникаций) подразумевает равноправное участие сторон и согласование интересов. Это сводит возможность манипулирования сознанием целевой аудитории к минимуму или исключает манипуляции как инструмент реализации «мягкой силы».

⁶² Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО (У). – М., 2014, №2. – С.14-19.

⁶³ Mattern J.B. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // Millennium: Journal of International Studies, 2005, №3. – P.583-612.

⁶⁴ Чихарев И.А., Столетов О.В. «Мягкая сила» и «разумная сила» в современной мировой политической динамике. – М.: МГИУ, 2015. – С.28-35.

⁶⁵ Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН, 2010, №10. – С. 189.

Коммуникативный подход может быть полезен в практической дипломатии, если речь идет об акторах, настроенных на взаимное согласие, когда между ними имеется определенный уровень доверия и взаимного уважения, а целевые аудитории исторически или в силу каких-либо других условий готовы воспринимать поступающие с обратной стороны послы и сигналы.

Конструктивистский подход к интерпретации «мягкой силы» подразумевает следующее: конструирование смыслов, идей, ценностей; манипуляции сознанием и восприятием целевой аудитории; «ментальный подкуп» целевой аудитории. Здесь речь идет о манипулятивном подходе к трактовке феномена «мягкой силы», когда она воздействует на знаково-символическом и идейно-ценностном уровнях. Это воздействие сводится в основном к PR-коммуникациям, брендированию и имиджированию (так называемая «бренд-имиджевая PR-коммуникация»). Естественно, такой подход совпадает с классическим пониманием «мягкой силы» Дж.Ная как «способности формировать предпочтения других», хотя манипуляция и ментальный подкуп сами по себе могут носить в себе негативный оттенок и быть «разгаданы» целевой аудиторией или объектом этой политики с непредсказуемыми для субъекта последствиями.

С точки зрения *ресурсного подхода* «мягкая сила» – это «потенциал воздействия некоторого актора, обусловленный его притягательностью и стремлением приобщиться к его ценностям»⁶⁶. По мнению П.Б. Паршина, «в рамках ресурсного понимания «мягкая сила» определяется как притягательная сила, а притягательность задается фактическим списком – перечислением факторов, которые создают стране хорошую репутацию и привлекают к ней индивидов».

Комментируя эту позицию, О.Г. Леонова отмечает, что «если мы признаем за «мягкой силой» право обладания некими ресурсами влияния и набором технологий по их реализации, то отсюда вытекает следующий вывод: «мягкая сила» – это совокупность гуманитарных ресурсов страны (государства), которые можно реализовать при помощи набора определенных технологий»⁶⁷. По ее мнению, признание «мягкой силы» как совокупности гуманитарных ресурсов принципиально важно, ведь это означает, что данный ресурс можно приобретать, накапливать и расширять. «Мягкая сила» – это не просто совокупность ресурсов и инструментов их трансляции во внешний мир (целевой аудитории), но и проектируемый результат их осуществления. Реализация потенциала «мягкой силы» – это процесс трансляции гуманитарных ресурсов страны, который может иметь позитивный результат и ожидаемое его следствие.

⁶⁶ Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО (У). – М., 2014, №2. – С. 19.

⁶⁷ Леонова О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель. – М., 2015, №2. – С.88.

Можно констатировать, что в теоретическом плане термин «мягкая сила» ввиду различия подходов политологических школ и направлений науки о международных отношениях не получил однозначной дефиниции. Нельзя не согласиться с мнением тех ученых, которые считают необходимым при формировании национальных концепций «мягкой силы» исходить из уникальных особенностей той или иной страны.

Каждая страна располагает различающимися внутренними и внешними детерминантами «мягкой силы», обусловленными следующим:

- ее объективно оцениваемыми ресурсами;
- стабильностью внутриполитического положения, уровнем политических свобод;
- историческим прошлым, культурно-цивилизационными особенностями, исповедуемыми ценностями;
- привлекательностью модели национального развития;
- конструктивностью и дружелюбием внешней политики, готовностью к взаимовыгодному сотрудничеству;
- поддержкой общепринятых норм международного права;
- умением формировать востребованную международную повестку;
- характеристиками внешнего окружения, геополитическим позиционированием и в целом обстановкой на внешнем поле.

Наше исследование свидетельствует, что в политологическом дискурсе и в практике международных отношений «мягкая сила» определяется как «стратегия», «политика», «концепция», «инструмент внешней политики», «нематериальные возможности», «способность», «непрямой способ применения силы», «идея», «способ властвования», «влияние», «коммуникативная технология», «феномен», «процесс трансляции гуманитарных ресурсов». «Мягкую силу» расшифровывают как «мощь», «власть», «энергия», «мягкая материя».

Мы используем для характеристики «мягкой силы» понятия «политика», «концепция», «концепт» и «феномен», что соответствует ее современной интерпретации в условиях Узбекистана.

Следовательно, «мягкая сила», будучи разноплановым или многоаспектным понятием, трактуется различными акторами с учетом их уникального позиционирования в системе международных отношений, наличия ресурсов, инструментария, механизмов и других аспектов. Тем не менее, какой бы «мягкой» ни была сила, она все же остается силой и призвана служить достижению главной цели государства (субъекта) – влиять на действия другого актора, получать желаемые результаты в собственных интересах. Более того, «мягкая сила» требует осторожного продуманного применения со стороны актора ввиду возможной неоднозначной реакции субъекта ее приложения.

1.2. Подходы к методике оценки потенциала политики «мягкой силы»

Глубокая разбалансированность международных отношений и устойчивый рост глобального геополитического напряжения проецируются на конфликтные точки в различных регионах мира. В среднесрочной перспективе внешнеполитические аппараты большинства государств мира столкнутся с неопределенностью в решении региональных и международных проблем с учетом динамично изменяющегося общемирового контекста.

Действительно, пользуясь синергетическим подходом, можно выдвинуть предположение о том, что за последние тридцать лет система международных отношений после периода «холодной войны» и биполярного мира в своем стремительном развитии под воздействием глобальных процессов достигла точки бифуркации.

Теория самоорганизации (синергетика) возникла на стыке различных научных дисциплин – таких, как теория катастроф, теория диссипативных структур, математическое моделирование эволюции. Она представляет собой научное направление, которое изучает процессы самоорганизации структур различной природы.

Термин «синергетика» был введен профессором Штуттгартского университета Г. Хакеном. В своем докладе «Кооперативные явления в сильно неравновесных и нефизических системах» (1973) он рассмотрел ряд различных по своей природе явлений и зафиксировал, что при переходе от неупорядоченности к порядку во всех явлениях возникает сходное поведение элементов, которое он назвал кооперативным, синергетическим эффектом.

В своей книге «Синергетика» Г. Хакен писал, что назвал новую дисциплину «синергетикой» по двум причинам: во-первых, в ней исследуются совместные действия многих элементов системы; во-вторых, для нахождения общих принципов, управляющих самоорганизацией, необходимо кооперирование многих научных дисциплин⁶⁸. Таким образом, синергетика – это наука о процессах самоорганизации, устойчивости и распаде структур различной природы, формирующихся в системах, далеких от равновесия.

Теория самоорганизации обладает методологическими новациями, которые могут придать новый импульс развитию различных гуманитарных наук, в том числе теории международных отношений. Синтез естественнонаучной и гуманитарной культуры позволяет выделить фундаментальные законы образования и распада систем различной

⁶⁸ Хакен Г. Синергетика. – М.: Мир, 1980. – С.14.

природы. Теория самоорганизации аккумулировала в себе, во-первых, терминологию из точных и естественных наук – математики, физики, биологии (бифуркация, флуктуация, энтропия, неравновесность), во-вторых, из направлений, изучающих законы технического моделирования и управления, – теории информации, кибернетики, теории систем (система, саморегуляция, открытые/закрытые системы) и, наконец, из философии и других гуманитарных наук для описания общих законов развития (случайность, устойчивость, часть и целое, мера)⁶⁹.

Таким образом, система международных отношений находится в критическом состоянии, при котором становится неустойчивой относительно флуктуаций и возникает неопределенность – станет ли состояние системы еще более хаотическим или она перейдет на новый, более дифференцированный и высокий уровень упорядоченности.

В ходе диспутов относительно современного состояния международных отношений все большее значение приобретает вопрос о возможном крахе или как минимум кризисе глобального порядка, «основанного на правилах». Речь идет о комплексе правил, норм, ценностей, институтов, соглашений о безопасности и иных механизмах, продвигающих взаимодействие государств и способствующих разрешению конфликтов и споров между ними.

В концептуальных документах и политологическом дискурсе Запада Россия и Китай расцениваются в качестве «ревизионистских государств», то есть «нелиберальных» субъектов международной системы, стремящихся изменить сложившийся в последние десятилетия, а возможно, и столетия, «порядок» (или статус-кво), имеющий в историческом плане западноцентричный характер. На основе такой оценки их поведения в мировом сообществе Соединенные Штаты в своем объяснимом стремлении сохранить собственную доминанту совместно с союзниками предпринимают широкий спектр силовых мер. В ответ геополитические соперники Запада пытаются предпринимать асимметричные действия военно-стратегического и экономического плана, которые на глазах меняют международный ландшафт.

Пока трудно спрогнозировать исход подобных тектонических изменений в мировой политике, если учесть наличие множества сопутствующих глобальных факторов (изменение климата, распространение пандемий, угрозы безопасности, экономические и гуманитарные кризисы и

⁶⁹ Понятие бифуркации, введенное в обиход И. Пригожиным, указывает на возникновение у системы на определенных этапах ее эволюции, отличающихся крайней неустойчивостью и неравновесностью, нескольких (как минимум двух) альтернативных ветвей (вариантов) дальнейшего развития. См. подробнее: Темников Д. Синергетический подход к анализу международной политики. Опыт адаптации понятий // <http://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/777/Temnikov-20.pdf>.

многое другое), выходящих за пределы регуляции национальных правительств и международных институтов. Тем самым накручивается спираль стратегической напряженности, что выражается в следующем.

Во-первых, наращается военное присутствие США и их союзников в уязвимых географических пространствах вокруг российской и китайской территорий. В свою очередь, Россия и Китай пополняют собственные арсеналы новыми видами оружия, укрепляют многоплановые военные и военно-технические связи по всему миру, расставляют соизмеримо собственной мощи геостратегические флажки в виде военных баз в ключевых для своих интересов зонах мира. Несмотря на миротворческую политическую риторику, глобальные соперники раскручивают маховик гонки вооружений на новом технологическом уровне.

Во-вторых, последовательно формируются «санитарные пояса» геополитического характера между полюсами силы по типу новой версии евразийской стратегии «Анаконда», но уже в форме, например, «Инициативы трех морей» с участием США в регионе Восточной и Центральной Европы⁷⁰. Брюссель также сталкивается в этой части Европы с проектом Китая «16 плюс 1», который преследует аналогичные с проамериканской «Инициативой трех морей» цели и включает в свой состав примерно тот же круг восточноевропейских стран.

Другими примерами могут служить непрекращающееся соперничество великих держав за расширение стратегического доступа и укрепление влияния на срединную область Хартленда, коим является Центральная Азия, а также извечная борьба за рынки и природные ресурсы стран Латинской Америки и Африки.

Одновременно маятник силы из Западного полушария неумолимо движется в восточном направлении ввиду десятилетий динамичного экономического и социального саморазвития азиатских государств.

⁷⁰ На фоне латентной фрагментации (пока политико-психологической) европейского пространства и роста зависимости Европы от российских энергоносителей государства Восточной и Центральной Европы при всемерной поддержке США активизируют совместные усилия по формированию альтернативных геоэкономических альянсов. Институционально оформленная в 2016 г. «Инициатива трех морей» создана с подачи Польши и Хорватии и официально декларирует цели укрепления трансатлантического партнерства с США, развития инфраструктуры стран-участниц, диверсификации источников энергоснабжения, стимулирования темпов цифровизации национальных экономик. В процессе совместного расширения инфраструктуры планируется улучшить военную мобильность (способность перебрасывать войска и технику), реализуются проекты по повышению устойчивости к кибератакам и обеспечению безопасности. В неформальное объединение входят 12 государств Европейского Союза, имеющих выход к Балтийскому, Черному и Адриатическому морям. В их числе Австрия, Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия и Эстония. В целях ликвидации экономических диспропорций между «востоком и западом ЕС» в рамках «Инициативы трех морей» составлен перечень из 48 проектов, финансирование которых будет осуществляться через создаваемый инвестиционный фонд в размере 100 млрд долл. Государства «Инициативы», географически выстроенные на европейском континенте по оси север-юг, занимают почти четверть территории ЕС, в них проживает около четверти населения Евросоюза.

Это, в свою очередь, приводит к изменению политической конфигурации в Азиатском макрорегионе. Очевидным свидетельством этому является настойчивое продвижение Соединенными Штатами индо-тихоокеанской стратегии через расширенную интерпретацию ранее принятого понятия Азиатско-Тихоокеанского региона, в первую очередь, за счет вовлечения в орбиту влияния государств бассейна Индийского океана и укрепления рядов традиционных союзников в этой части планеты.

Тем временем Россией выдвинута инициатива «Большого Евразийского партнерства» (БЕП) и предпринимаются небезуспешные усилия по ее сопряжению с китайским трансконтинентальным и мультимодальным мегапроектом «Один пояс, один путь»⁷¹. Проект «Большого Евразийского пространства» является свидетельством стремления России позиционировать себя в качестве мировой державы, способной генерировать масштабные инициативы в пику американскому доминированию на всем протяжении обширного континента. Согласно данной концепции, Москва рассматривает центральноазиатские государства в качестве стратегических партнеров для продвижения своих интересов и влияния вне зоны своего исторического присутствия и вынуждена поддерживать контрбаланс настойчивой китайской политике на континенте. БЕП в среднесрочной перспективе будет оставаться в основном внешнеполитической концепцией и одним из дипломатических инструментов «мягкой силы» России, нежели конкретной программой практического сотрудничества государств региона на базе значимых финансовых и материальных ресурсов.

В-третьих, по самым различным траекториям вводятся довольно болезненные взаимные политические и экономические санкции комплексного и точечного характера, оказывающие мультипликативное

⁷¹ Идея создания обширного партнерства, которое связало бы в геополитическом плане Азию и Европу, была выдвинута президентом России В.Путиным в 2016 г. в ходе Петербургского международного экономического форума. Российский лидер заявил тогда, что Россия и другие страны Евразийского экономического союза выступают за создание БЕП с участием Китая, Индии, Пакистана, Ирана, стран СНГ и ряда других государств. Несмотря на то, что идея БЕП родилась на фоне продолжающегося полномасштабного кризиса в отношениях с Западом, Россия предпринимает ряд шагов по развитию данного мегапроекта, нацеленного на объединение или стратегическую консолидацию стран ЕАЭС, Европейского Союза, Китая, АТЭС, АСЕАН и других субъектов международных отношений. Неординарность российского политического посыла заключается в том, что призыв к мирному и созидательному сотрудничеству направлен на различные и порой антагонистичные по своей природе центры силы и тем самым подчеркивает многополярность мира. Вместе с тем создание БЕП имеет прежде всего приоритетное экономическое значение, если учесть возросшее внимание Москвы к опережающему развитию регионов Дальнего Востока и Заполярного Севера. В противовес трансатлантическому партнерству, в котором традиционно доминируют Соединенные Штаты, формирующийся проект ставит новые задачи по созданию «общего экономического пространства в мегарегионе от Лиссабона до Владивостока». По замыслу российского руководства, БЕП призван облегчить торговый обмен и кооперацию между странами Евразии и, возможно, всего АТР. По заявлению российского внешнеполитического ведомства, концепция БЕП «открыта для всех стран и объединений, в том числе Европейского Союза и других региональных интеграционных организаций».

влияние на геоэкономику целых макрорегионов. Эти процессы протекают параллельно снижению цен на сырьевые товары, сокращению торговых потоков, сохранению разрыва между финансовым и реальным секторами экономики, застою в инвестициях и росте производительности труда, росту протекционизма в международной торговле, попыткам снизить значение доллара в качестве основной резервной валюты, подвергая эрозии легитимность многих международных экономических и финансовых институтов, созданных на основе Бреттон-Вудских соглашений на исходе Второй мировой войны.

В-четвертых, происходят невидимые для простых граждан и жестокие схватки в виртуальном или киберпространстве с серьезными политическими последствиями для конфликтующих сторон; ведется подковерная борьба за доступ и обладание технологиями и научными знаниями между геополитическими соперниками, среди доселе партнеров и союзников, как ключевому в современном мире фактору силы в международных отношениях.

В-пятых, нарастает политико-идеологическое противостояние между глобальными и региональными центрами силы с использованием новейших средств стратегических коммуникаций, сравнимое по глубине и масштабу с пропагандистскими битвами времен «холодной войны». Например, в ответ на расширение глобального целеполагания российских и китайских стратегических коммуникаций и усиление их влияния в ущерб устоявшемуся американскому информационному доминированию администрация Белого дома предпринимает активные контрмеры. В частности, Госдепартамент США расширяет деятельность Глобального центра взаимодействия (ГЦВ – Global Engagement Center). Закон о создании центра был принят в конце 2016 г. при президенте Б. Обаме на фоне массированных обвинений в адрес России во вмешательстве в американские выборные процессы⁷².

В отношении России американские политтехнологи планируют сконцентрироваться на противодействии ее деятельности в «государствах, которые могли бы сблизиться с США, но наталкиваются на давление Москвы через подрывные социальные медиа и государственную пропаганду, замаскированную под новости». Центром осуществляются

⁷² ГЦВ является межведомственным подразделением при координирующей роли Госдепартамента, реализующим контрпропагандистскую деятельность министерства обороны, американского разведсообщества, ЮСЭЙД и ряда других причастных ведомств. В задачи центра входит руководство и осуществление мер федерального правительства по выявлению, разоблачению и противодействию пропаганде и дезинформации иностранных государств и негосударственных субъектов, которые «подрывают интересы национальной безопасности Соединенных Штатов». В 2019 г. его бюджет составлял порядка 100 млн долл.

25 инициатив в 21 стране по поддержке местных независимых новостных агентств и организаций гражданского общества, в первую очередь для обучения кадров.

Подобные операции проводятся в государствах Азиатско-Тихоокеанского региона против политико-идеологического влияния Китая. Ведется разъяснительная работа с журналистским и сетевым сообществом, лидерами общественного мнения. Одна из основных целей – нивелирование растущего китайского влияния не только на экономическом, но и политическом поле. Эксперты центра будут содействовать партнерам в странах Ближнего Востока в вопросах идентификации иранского нарратива, его блокирования с использованием новейших IT-технологий. В том же русле, особенно в социальных сетях, будет продолжена работа против угроз от различных джихадистских сил.

Реализация контрпропагандистских материалов осуществляется через международные и местные стратегические коммуникации, прежде всего через Интернет, спутниковое телевидение, радио, кинопродукцию и печатные издания, в форме анализа, разоблачений и инфографики, а также другие доступные для широкой аудитории средства и методы. Контент формируется на разных языках мира.

Интенсивная мобилизация сил и средств правительства США для информационно-идеологического сдерживания наиболее серьезных противников на международной арене связана с ужесточением общемирового геополитического противостояния. Наряду с возрастающей экономической и военной конкуренцией за сферы влияния и контроля, ведущие государства мира ведут борьбу за информационное пространство с постепенным формированием лояльных себе альянсов.

В-шестых, влиятельными акторами используются методы «цветных революций» для смены режимов в различных странах, в первую очередь в целях изменения в своих интересах геополитического расклада в том или ином регионе и получения долгосрочных экономических выгод.

Таким образом, **происходит гибридизация мировой и внешней политики** в виде реальных угроз и вызовов безопасности и стабильности на международном, региональном и национальном уровнях.

Еще одним свидетельством интенсификации противостояния великих держав можно считать активные усилия Вашингтона по созданию неформальной коалиции для стратегического сдерживания Пекина на мировых политических и экономических площадках.

Один из ключевых элементов данной политики – использование потенциала ведущего разведывательного альянса, называемого «Пять глаз», в составе специальных служб США, Великобритании, Канады,

Австралии и Новой Зеландии с подключением в этот процесс «государств-единомышленников» Германии и Японии. Отмечается вовлеченность в совместную работу Франции, но «на менее регулярной и всесторонней основе». Между членами альянса ведется интенсивный обмен информацией и анализом о внешней деятельности Китая в целях «расширения международного фронта против китайских операций влияния и инвестиций». Основной фокус внимания группы «Пяти глаз» сконцентрирован на пресечении попыток Пекина «вмешиваться во внутренние дела других стран» и поиске ответа на его «напористую международную стратегию», при этом дискуссии сторон также затрагивают российскую проблематику.

В свою очередь, для Китая, отрицающего политическую мотивированность инвестиций за рубежом, формирование единой международной коалиции может подорвать его позиции в развитых государствах и на емких рынках товаров и технологий. В Пекине на фоне роста всестороннего конфликтного потенциала в отношениях с США надеются убедить европейские страны дистанцироваться от нынешней стратегии Вашингтона в пользу поддержания достигнутого высокого уровня политического и экономического сотрудничества с Китаем.

Данные тренды лишь часть линий разлома на международной арене. К ним можно добавить тревожные транснациональные процессы, связанные с неравномерным распределением или разрывом в доходах как внутри государств, так и между странами мира, что вызывает усиление социальной напряженности со всеми вытекающими из этого политическими последствиями. Все больше разгораются дискуссии и конфликты вокруг проблем изменения климата и других феноменов глобализации типа миграции с Юга на Север, угроз терроризма и экстремизма.

Однако наиболее опасным представляется то, что открытые противоречия политического и экономического порядка выходят на поверхность как между традиционными соперниками или противниками, что было бы понятно и осмысляемо, так и прежними союзниками и партнерами. Как следствие этих далеко идущих и всеохватывающих негативных тенденций, в международных отношениях происходит нивелирование принципов взаимного доверия как непреложного фактора глобального мира и стабильности.

Одновременно, с одной стороны, все еще постулируются идеи защиты либеральных ценностей и демократии, либеральной модели глобализации и норм свободной рыночной экономики, доминирующих последние тридцать лет. С другой стороны, выдвигается множество альтернативных форм мироустройства или, вернее, мироправления – от исламской формы до

просвещенного авторитаризма, от «суверенной демократии» до авторитарного капитализма или либеральной диктатуры, от централизованного до децентрализованного типа государственного управления.

Китайские интеллектуалы, например, поддерживают идею о «гармоничном многообразии», обозначив необходимость учета культурно-цивилизационных различий при выстраивании взаимоотношений между великими державами в новых условиях.

Китай и в большей степени Россия противостоят нынешней западной интерпретации либеральных ценностей, традиционно проецируемых как на внутренние режимы государств, так и на внешнюю политику и международные отношения. «Из неготовности Запада принять сегодняшние реалии, когда он после столетий экономического, политического и военного доминирования утрачивает прерогативу единоличного формирования общемировой повестки дня, произросла концепция «порядка, основанного на правилах». Эти «правила» изобретаются и избирательно комбинируются в зависимости от текущих потребностей авторов указанного термина, который Запад настойчиво внедряет в обиход. Концепция отнюдь не умозрительна и активно реализуется. Ее цель – подменить универсально согласованные международно-правовые инструменты и механизмы узкими форматами, где вырабатываются альтернативные, неконсенсусные методы урегулирования тех или иных международных проблем в обход легитимных многосторонних рамок. Иными словами, расчет на то, чтобы узурпировать процесс выработки решений по ключевым вопросам»⁷³, – утверждает в своей статье министр иностранных дел России С. Лавров.

В свою очередь, новая китайская внешнеполитическая парадигма предполагает идеи «мирного возвышения», «великого возрождения китайской нации» и призывает к «стимулированию прогресса человечества» путем «формирования сообщества единой судьбы человечества», в частности, через глобальную инициативу «Один пояс, один путь» и создание международных отношений нового типа.

В подтверждение данных тезисов автора уместно привести мнение Генри Киссинджера, который, анализируя современное состояние мировой политики, приходит к неутешительному выводу о провале единой системы баланса сил и необходимости реконструкции международной системы. «Китай отвергает предположение, что международный порядок должен строиться на распространении либеральной демократии и что

⁷³ Лавров С. Мир на перепутье и система международных отношений будущего // Россия в глобальной политике. – М., 20 сентября 2019 г.

международное сообщество обязано навязывать всем данную концепцию и особенно идею прав человека. Соединенные Штаты вполне в состоянии толковать свои взгляды на права человека максимально широко – ради стратегических приоритетов. С учетом истории и убеждений ее народа Америка, конечно, никогда не отречется от этих принципов как таковых. Что касается Китая, точку зрения китайской элиты на этот вопрос высказал Дэн Сяопин: «На самом деле национальный суверенитет куда важнее прав человека, но Большая семерка (или восьмерка) часто нарушает суверенитет бедных и слабых стран третьего мира. Рассуждения о правах человека, свободе и демократии предназначены лишь для маскировки интересов сильных и богатых стран, которые используют эти лозунги, чтобы запугивать слабых, и которые добиваются гегемонии, проводя силовую политику»», – подчеркивает Г. Киссинджер⁷⁴.

Возможно, рассматривая современные внешнеполитические стратегии мировых держав, уместно оперировать упомянутыми терминами и категориями структурной теории «наступательного реализма» Дж. Миршаймера. Государства в анархической системе современных международных отношений ведут себя агрессивно, исходя из собственных национальных интересов.

Единственное, на что могут уповать средние и небольшие государства, наблюдая и иногда невольно участвуя в этой «битве титанов», так это на то, что великие державы, которые, бесспорно, регулируют основные векторы развития человеческой цивилизации и играют определяющую роль в формировании мирового порядка, останутся «рациональными» и при решении судьбоносных вопросов войны и мира, обеспечении пошатнувшейся стратегической стабильности, тем более, что в новой «горячей» мировой войне победителей не будет.

Думается, что период «турбулентности» по Дж. Розенау приведет не к коллапсу системы международных отношений, а будет использован различными акторами, государственными и негосударственными, для переосмысления устоявшихся ценностей, поиска разумных компромиссов и в целом вывода миропорядка на качественно новый уровень на основе солидарности в той степени, в которой она возможна, и взаимовыгодного сотрудничества.

Страны – участницы экстренного саммита G20 по коронавирусу, проходившему в конце марта 2020 г. по видео-конференцсвязи, приняли заявление, в котором высказали глубокую озабоченность сложившейся кризисной ситуацией. В частности, подчеркнуто, что «беспрецедентная

⁷⁴ Киссинджер Г. – Мировой порядок. – М.: АСТ, 2015. – С. 294.

пандемия COVID-19 является убедительным напоминанием о нашей взаимосвязанности и уязвимости. Этот вирус не признает границ. Борьба с этой пандемией требует принятия прозрачных, решительных, согласованных, масштабных и научно обоснованных глобальных мер в духе солидарности. Мы полны решимости выступить единым фронтом против этой общей угрозы»⁷⁵.

В то же время, несмотря на кратковременное «эпидемиологическое перемирие», локальные и международные латентные и горячие конфликты, несколько видоизменяясь, все же не останавливались даже в период пандемии, как это не раз случалось в истории человечества. У международного сообщества, которое укрылось от общей угрозы за границами национальных государств, пока не выработалось чувство единения или пребывания в «одной лодке».

Тем самым в мире складывается ситуация некой стратегической паузы для крупных игроков в преддверии еще более масштабных изменений в матрице международных отношений. Однако **не стоит ожидать радикального изменения природы международных отношений или конвергенции интересов**⁷⁶. Более того, на волне углубления соперничества есть риски применения различных форм силы, зачастую неприемлемых с точки зрения международного права, для отстаивания и расширения своего влияния.

На фоне драматичных событий, связанных с глобальным распространением коронавируса, многие политологи взялись за прогнозирование и выдвижение сценариев относительно будущего расклада сил, распределения мощи и влияния в мире после окончания пандемии. **Фактор неопределенности дает основание для разворачивания дискуссий о перспективах деглобализации в пользу регионализации и усиления влияния международных сетей.** Речь идет о возможном серьезном пересмотре многих общепризнанных норм и правил, устоявшихся десятилетиями традиций социального взаимодействия на межличностном, национальном и межгосударственном уровнях, экономического уклада и хода технологического развития в сторону ренационализации. Например, во многих странах и в рамках альянсов заговорили об экономическом суверенитете. По признанию французского министра экономики Бруно Ле Мэра, нет политического

⁷⁵ Итоговое заявление лидеров стран G20 по коронавирусу. Полный текст // <https://tass.ru/obschestvo/8088241>.

⁷⁶ В 1987 г. президент США Рональд Рейган заявил с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН: «Я порой думаю о том, как быстро испарились бы наши разногласия по всему миру, если бы мы столкнулись с инопланетной угрозой из-за пределов нашего мира». В 2014 г. и Билл Клинтон сказал, что такая угроза – «возможно, единственный способ сплотить наш все более разобщенный мир».

суверенитета без экономического и технологического суверенитета. Возникшее в Китае вирусное заболевание, распространившееся по всему миру, привело к введению всеобщего карантина, закрытию границ, дисфункции транспортного сообщения и драматичному сокращению политического, торгово-экономического и гуманитарного взаимодействия.

Опираясь на объективные условия *realpolitik*, политикоформирующие круги в различных странах задаются множеством вопросов: насколько последствия пандемии скажутся на экономическом росте и, как следствие, на потенциале и способности государств оказывать политическое влияние на события на внешнем треке; кто в большей мере будет формировать международную повестку, сохранив свою политическую и экономическую мощь и привлекательность; удастся ли удержать свою конкурентоспособность в борьбе идентичностей, соперничестве мировоззрений и ценностей, экономических моделей и политических систем управления; каким способом сохранить авторитет и влияние своей страны на мировой арене; как разумно использовать в собственных интересах «жесткую» и «мягкую» силу на фоне разрушительных последствий пандемии; кто лучше справится – так называемые либеральные или нелиберальные государства – с экстремальными социальными потрясениями после пандемии COVID – 19 и «сохранит лицо»?

Немаловажным остается собственно вопрос сохранения государствами потенциала «мягкой силы» – той притягательности модели и философии развития, которую испытывают на прочность современные угрозы. Действительно, идет борьба «за умы и сердца» людей по всему миру.

Понятно, что большинство исследователей международных отношений по ясным причинам фокусируются на внешней политике великих держав. Тем не менее одно из принципиальных преимуществ «мягкой силы» состоит в том, что государствам нет необходимости располагать огромной военной силой, опираться на методы «кнута и пряника» для изменения поведения других акторов и получения результатов на внешнем поле.

Даже на фоне сегодняшней волатильности международного политического контекста «мягкая сила» не теряет своей актуальности и востребованности, если учесть, что основные глобальные и частные региональные угрозы требуют всеобщего сотрудничества и коллективных действий.

Очевидно, что функционирование так называемых «глобальных объектов всеобщего достояния» непосредственно зависит от ответа на наиболее актуальные вызовы современности, к которым относятся противодействие изменению климата, преодоление опасных пандемий,

управление процессами миграции посредством глобального развития и структурирования мер безопасности, поддержание режима нераспространения, формирование режима использования космического пространства, создание международных правовых основ для киберпространства и в сфере кибербезопасности.

«Мягкая сила» предоставляет средним и малым странам, которые не в состоянии использовать методы принуждения для изменения поведения других акторов, возможность быть образцом для подражания и призывать участников международных отношений к принятию коллективных действий.

Именно поэтому в неизбежном процессе калибровки стратегий в сфере внешней политики инструменты и механизмы «мягкой силы» будут иметь важное значение. Те страны, которые наработали опыт использования ресурсов «мягкой силы», будут располагать преимуществами при преодолении сегодняшней геополитической нестабильности и, следовательно, иметь большее влияние на формирование региональной и глобальной повестки дня. К другим преимуществам можно отнести подчинение концепции «мягкой силы» целям создания благоприятного делового и инвестиционного климата.

В этой связи возникает закономерный вопрос о методах оценки потенциала политики «мягкой силы» и путях ее использования.

В современном мире, когда применение военной силы и жестких экономических рычагов давления становится затруднительным вследствие их чрезмерной затратности, укрепления механизмов международных институтов и юридических норм, необходимости обеспечения легитимности силовых мер, возможности «мягкой силы» становятся важным оружием в продвижении национальных интересов и завоевании внешнего авторитета.

«Жесткая сила» в международных отношениях традиционно определяется и оценивается в измеряемых параметрах и понимается в контексте военной и экономической мощи. Если «жесткая сила» разворачивается в форме принуждения, использования силы, угрозы применения силы, наложения экономических санкций, то «мягкая сила», напротив, использует методы позитивной привлекательности и убеждения для достижения целей внешней политики. Политика «мягкой силы» направлена на рост влияния через расширение стратегических коммуникаций, доведение выгодного идеологического и культурного нарратива, участие или формирование международных правил и в целом привлечение всех доступных ресурсов для естественного продвижения влияния какой-либо страны.

Применение потенциала «мягкой силы» и его результативность необходимо проецировать на долгосрочную перспективу. Не все ее инструменты полностью находятся в руках правительств, если учесть принадлежность таких из них, как культура и ценности, тем или иным обществам.

Еще одним аспектом применения «мягкой силы» следует считать способность государства внушать доверие перед лицом внешних акторов. Например, если правительство того или государства воспринимается на внешнем поле как субъект, прибегающий к манипуляциям, а распространяемая им информация в качестве пропаганды, то доверие к такому правительству будет неизбежно теряться. «Лучшая пропаганда – это отсутствие пропаганды», – считает Дж. Най.

Как и любая форма «силы», «мягкая сила» имеет свои ограничения. Например, ее инструментарий, возможно, был недостаточно актуален при разрешении сирийского или украинского кризисов. Когда задачи внешней политики включают в себя продвижение демократии, прав человека и другие компоненты «гуманитарной корзины», то политика «мягкой силы» представляется более долговечной и действенной, чем средства «жесткой силы».

За весь период разработки теоретических и практических аспектов «мягкой силы» остро стоял вопрос об использовании ее возможностей внешнеполитическим аппаратом государств. По признанию большинства исследователей, ключевой проблемой является, во-первых, понимание или определение ресурсов «мягкой силы», во-вторых, идентификация объектов приложения политики «мягкой силы».

До недавнего прошлого во многих случаях работа в данном направлении велась на базе догадок и политической интуиции политических субъектов, которая не позволяла государствам сравнить их ресурсы и способности в этом плане и тем более оценить результаты реализуемой политики «мягкой силы» на внешнем поле. Государства, особенно новые независимые страны, постоянно ощущают неспособность встроить «мягкую силу» в свои национальные стратегии. Для этого существует много причин, но главной представляется неспособность осознать и подсчитать ресурсы, имеющиеся в их распоряжении, и детерминирующие размеры «мягкой силы».

Без ясной картины относительно этих ресурсов трудно представить решение задач развертывания «мягкой силы» в стратегическом плане, координации действия и в конечном счете эффективного использования ее потенциала. В контексте реализации долгосрочной внешнеполитической стратегии каталогизация или упорядочение ресурсов и средств «мягкой силы» на национальном уровне представляется весьма актуальным.

И главное место в разработке доктрин «должны занять не только информационно-коммуникативные средства, а изучение ресурсной составляющей «мягкой силы», анализ тех стран, в которых желательно ее влияние»⁷⁷.

Дж.Най выделил лишь ряд показателей «мягкой силы» (например, число Нобелевских лауреатов, хорошая экология, оказание гуманитарной помощи, продолжительность жизни), а степень воздействия предложил оценивать по ее результату: сложился ли притягательный образ страны в глазах международного сообщества, является ли ее политика легитимной, а ценности разделяются всеми⁷⁸.

Однако бесспорным остается тот факт, что «мягкую силу» достаточно сложно измерить по следующим основным причинам.

Во-первых, она по своему существу является субъективной и ее влияние зачастую зависит от выбранной для ее применения цели. Например, позитивное восприятие религиозного (исламского) нарратива из Узбекистана в государствах и обществах арабо-мусульманского пояса может в корне отличаться от прогнозируемой неоднозначной реакции на него в странах христианского мира.

Во-вторых, трудность также представляет оценка эффективности применения ее инструментария. Как оценить в далекой от Узбекистана европейской стране эффект от культурно-гуманитарных акций наших артистов и художников (как инструмента «мягкой силы» нашей страны), представивших богатые и самобытные традиции нашего народа? Тем более сложность представляет последующая коррекция форм и методов культурной дипломатии для достижения максимального положительного результата в интересах внешней политики страны.

Во-третьих, она может быть недолговечной. Потенциал «мягкой силы», накопленный в течение десятилетий, может быть быстро утрачен вследствие неправильно принятых политических или иных шагов. Например, активная информационная политика российских международных СМИ (Russia Today, Sputnik), позиционирующих себя в качестве конкурентов для доминирующих англо-саксонских масс-медиа (CNN, BBC), вызывает негативную реакцию на Западе и затрудняет достижение поставленных российским руководством целей на международной арене. Поэтапные шаги Китая по расширению присутствия национальных телевизионных и интернет-источников за рубежом обеспечивают долгосрочное присутствие этого инструментария китайской «мягкой силы» на внешнем поле.

⁷⁷ Ганощенко А. «Мягкая сила»: добровольное взаимодействие и доступ к ресурсам // Международная жизнь. – М., 2014, №2(8). – С. 183.

⁷⁸ Nye J. Soft power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – P.36.

Категоризация и квантификация «мягкой силы» на национальном уровне представляет собой сложную задачу, тем более с учетом слабой разработанности методологических основ данной проблематики.

Предлагаемая Дж. Наем модель превращения «мягкой силы» в желаемый результат включает пять этапов (рис. 2).

Рис. 2. Пять этапов превращения «мягкой силы» в желаемый результат по модели Дж. Ная⁷⁹.

Первый этап в процессе преобразования «мягкой силы» в результат заключается в идентификации ресурсов, которые предполагается использовать в отношении конкретного объекта. Затем поэтапно следует конверсия «мягкой силы» путем использования инструментария, оцениваются реакция объекта и полученный (или не полученный) результат.

Использование привлекательности какой-либо страны начинается с четкой оценки ресурсов и понимания того, где их приложение будет эффективным. Это понятно, если учесть сложности в измерении «мягкой силы», о чем подробно изложено в работе американского аналитического центра корпорации RAND⁸⁰.

Первые попытки измерить потенциал «мягкой силы» осуществлялись путем международных опросов. Такие исследования, как Pew's Global Attitudes Project⁸¹, the BBC World Service's Country Ratings Poll⁸², the Anholt-GfK Roper Nation Brand Index⁸³, были направлены на оценку общей привлекательности и положительной оценки различных стран.

⁷⁹ Nye J. The Future of Power. – New York: Public Affairs, 2011. – P.100.

⁸⁰ Triverton G. and Jones S. Measuring National Power. – Santa Monica: RAND Corporation // www.rand.org.

⁸¹ Global Attitudes & Trends // <http://www.pewglobal.org>.

⁸² Globescan poll world views world service // <http://www.bbc.co.uk/mediacentre/latestnews/2017>.

⁸³ Anholt-GfK Nation Brands Index // <http://nation-brands.gfk.com>.

Корпорацией RAND при исследовании национальной силы (*national power*) предложено выделение одного субъективного параметра, а именно ответ на вопрос: «В какой стране, если не в вашей собственной, вы хотели бы жить?». На основе результатов опроса выстраивается рейтинг привлекательности государств⁸⁴.

Исследованию индекса «мягкой силы» был посвящен доклад «Мягкая сила в Азии: результаты опроса общественного мнения», опубликованного Чикагским Советом в 2008 г., с такими показателями потенциала «мягкой силы», как:

- экономическая привлекательность (*Economic Soft Power*), включая инвестиционную политику;

- гуманитарный капитал (*Human Capital Soft Power*), основанный на привлекательности системы общего и университетского образования, научной и технологической деятельности;

- культурное влияние (*Cultural Soft Power*), т.е. международное признание величия культурного наследия страны, политика популяризации национальной культуры, расширение межкультурных коммуникаций;

- политическое влияние (*Political Soft Power*) как показатель уровня развития институтов демократии и защиты прав человека;

- дипломатическая репутация страны (*Diplomatic Soft Power*) как показатель эффективности дипломатических усилий в сфере переговорного процесса, способность к предотвращению агрессии, способность к установлению глобальной повестки дня⁸⁵.

В 2010 г. был определен рейтинг «мягкой силы» (*Soft power index*) на основе объективных и субъективных показателей. Создатели рейтинга – журнал «Monocle» и The Institute for Government, британская благотворительная организация, взаимодействующая со всеми политическими партиями Великобритании (IfG-Monocle Soft Power Index).

Исследование основано на трех аспектах «мягкой силы» Дж.Ная – политические ценности, культура и внешняя политика.

В ходе оценок были представлены следующие пять объективных параметров «мягкой силы»⁸⁶:

- бизнес и инновации, или привлекательность экономики страны в плане открытости, способности к инновациям;

- культура, или влияние институтов и достижений культуры, распространенность языка, международный охват культурными продуктами;

⁸⁴ Measuring national power. RAND Corporation Research Paper. 2008 // www.rand.org.

⁸⁵ Holik G. Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia // Political Science Quarterly. Summer 2011. Vol. 126, № 2. – P. 232–241.

⁸⁶ The New Persuaders: An international ranking of soft power // Institute for government // www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications.

- правительство или привлекательность модели управления страны;
- дипломатия как способность формировать благоприятный национальный нарратив для международной аудитории;
- образование, или привлекательность системы вузовского образования, академическая мобильность.

На базе каждого объективного параметра «мягкой силы» формировались рейтинговые оценки и индексы. Индексы вычислялись на основе различных источников, аналитических докладов и отчетов международных и национальных организаций: ООН, Всемирного Банка, «Фридом Хауз», Всемирной организации интеллектуальной собственности.

Объективные подпараметры включали несколько характеристик: пропорция зарубежной помощи к ВВП страны, открытость визового режима, число дипломатических и культурных миссий за рубежом и в стране, членство и представительство в международных организациях, число подписанных конвенций в сфере охраны окружающей среды, развитие человеческого потенциала (ООН), оценка Всемирного банка качества системы госуправления и подотчетности правительства, политические и личные свободы (Freedom House Index), число аналитических структур в стране, объемы «теневой экономики», статистика убийств на 1000 человек, наличие смертной казни, уровень доверия к правительству, коэффициент Джинни (уровень неравенства доходов), общее количество принятых иностранных туристов и их расходы в стране, распространенность государственных СМИ и число работающих в стране иностранных корреспондентов, индекс распространенности национального языка в мире и регионе, число олимпийских наград атлетов, объем музыкального рынка и его международные рейтинги, посещаемость музеев, число включенных в список ЮНЕСКО культурных и исторических объектов, статус в списке ФИФА, представленность фильмов в престижных международных кинофестивалях.

Есть подпараметры относительно качества среднего и высшего образования, количества обучающихся в стране иностранных студентов, публикаций отечественных научных работ за рубежом.

Использованы также такие подпараметры, как индекс конкурентоспособности (Всемирный экономический форум), уровень коррупции («Трансперенси Интернешнл»), развитие инноваций, прямых иностранных инвестиций, количество пользователей Интернета на 100 человек.

Помимо упомянутых объективных параметров, авторы рейтинга путем опроса экспертов рассматривают для оценки «мягкосилового» потенциала 7 субъективных параметров, в том числе дизайн и архитектура,

культурные достижения, глобальное лидерство, известные персоналии, кухня, национальные авиалинии и основные аэропорты, коммерческие бренды.

Соотношение между объективными и субъективными параметрами составляло 70% к 30% и вычислялось на основе математических методов.

Таким образом, постепенно теоретический анализ начал переходить в практическую плоскость для разработки параметров и показателей, на основании которых можно измерять и сравнивать «мягкую силу» разных государств, сопоставлять национальные модели «мягкой силы», анализировать «мягкость» внешней и внутренней политики государств⁸⁷.

По предложению британского ученого Дж.МакКлори появился термин *RGMs*, который расшифровывается как индекс мягкой силы быстро растущих рынков (*Rapid-growth markets soft power index*). Его система индексов «мягкой силы» представляет собой совокупность следующих 13 параметров⁸⁸:

- экспорт медиа продукции (*Media export*);
- распространение государственного языка в качестве инструмента международного общения (*Language enrollment*);
- проведение Олимпийских игр (*Olympics*);
- влияние харизматических фигур, зафиксированных в рейтингах 100 наиболее влиятельных людей мира (*Power of icons* или «*star power*»);
- попадание в топ-лист наиболее влиятельных бизнес-компаний по журналу «Fortune» (*Most admired companies*);
- оценивание качества государственных институтов, рейтинг криминальности, уровень насилия и коррумпированности (*Rule of law*);
- уровень свобод в конкретной стране (*Freedom index*);
- степень электорального участия граждан в выборах (*Voter turnout*);
- уровень выделения в атмосферу углекислого газа и деятельность, направленная на его снижение (*CO² emissions*);
- рост числа иммигрантов (*Immigration*);
- туризм, понимаемый как индустрия (*Tourism*);
- мировой университетский рейтинг (*University ranking*);
- свободное владение английским языком (*English fluency*).

В результате проведения сводного анализа по 13 показателям «мягкой силы» вычислялся итоговый индекс.

По нашему мнению, одним из общепризнанных рейтингов «мягкой силы» является индекс The Soft Power 30 британского PR-агентства Portland Communication (см. приложение 1).

⁸⁷ Hunter A. Soft Power: China on the Global Stage // Chinese Journal of International Politics. 2009. Vol. 2. – P. 378–389.

⁸⁸ McClory Jornathan. The New Persuaders: An international ranking of soft power // Rapid-growth markets soft power index. Institute for Government GB in collaboration with Institute for Emerging Markets Studies. 2010.

Внутри основных принципов концепции «мягкой силы» – политические ценности, культура и внешняя политика, этой аналитической структурой используются 75 исходных подпараметров по 6 показателям объективных данных и 7 субъективным категориям нового международного опроса.

Методология вычисления рейтинга The Soft Power 30 включает три инновационных элемента, которые дают более ясную картину состояния «мягкой силы» в конкретных государствах в современных условиях:

- цифровой компонент, разработанный совместно со специалистами «Фейсбук» и включающий данные о «цифровой дипломатии» страны;
- международный опрос 11000 человек в 25 различных странах мира с покрытием всех основных геополитических регионов мира;
- обработка более 75 исходных подпараметров для сравнительного анализа каждого государства для более полного ранжирования имеющихся у них ресурсов «мягкой силы».

Упомянутые 6 объективных показателей включают в себя:

- «цифровой» показатель *(информационно-коммуникационная инфраструктура страны и ее потенциал в сфере «цифровой дипломатии»);*
- глобальный охват национальной культуры страны *(популярная и высокая культура);*
- предприимчивость *(привлекательность экономической модели страны, дружелюбность к бизнесу, способность к инновациям);*
- образование *(уровень человеческого капитала страны, вклад в образовательные проекты, привлекательность для иностранных студентов);*
- международные связи *(развитость дипломатической системы страны и ее вклад в глобальные программы и международное развитие);*
- правительство *(приверженность свободе, правам человека и демократии, качество политических институтов страны).*

Объективные исходные подпараметры схожи с вышеописанными подпараметрами рейтинга журнала «Monocle» и The Institute for Government (IfG-Monocle Soft Power Index), но несколько расширены и включают в себя активность и число зарубежных подписчиков главы государства, правительства и МИД в «Фейсбук», число пользователей Интернетом на 100 человек, число безопасных серверов на 1 млн жителей (Всемирный банк) и пользователей мобильных телефонов на 100 человек. Приведены показатели внедрения широкополосных каналов связи, государственных услуг электронного правительства и подобные индикаторы развитости телекоммуникаций.

В сфере образования использованы общепринятые индексы лучших университетов и количество публикаций ученых в научных журналах за рубежом, число иностранных студентов, показатели уровня расходов страны на образование в процентах к ВВП (Всемирный банк).

В экономической сфере рейтинг дополнен показателями индекса экономической свободы (Index of Economic Freedom), числа средних/малых предприятий и безработных в процентах к общему числу рабочей силы страны (Международная финансовая корпорация), высокотехнологического экспорта в процентах к промышленному экспорту, уровня бизнес-стартапов (Всемирный банк).

Заслуживают внимания такие впервые использованные показатели, как гендерное равенство (Программа развития ООН), развитость демократии, индекс свободы прессы («Репортеры без границ»).

Наряду с отмеченными подпараметрами присутствуют такие аспекты, как наличие уличного насилия, спортивные достижения, привлекательность для иностранных туристов, популярность национальной кухни (ресторанные звезды Мишлена), музейное дело и др.

Международный опрос проводился по 7 категориям: национальная кухня, высокотехнологичная продукция, дружелюбие жителей, культура, товары роскоши, внешняя политика, условия жизни в стране. Соотношение между объективными и субъективными показателями составляет 70% к 30%.

Как уже отмечено, объективная информация по всем указанным направлениям получена из таких источников, как специализированные агентства ООН (Всемирная туристская организация, ЮНЕСКО, Всемирная организация интеллектуальной собственности, Международный союз телекоммуникаций, МОК, Обзор ООН электронных правительств и т.д.), отраслевые доклады Всемирного банка, Международной финансовой корпорации, ОЭСР и Всемирного экономического форума, отчеты «Трансперенси интернешнл», «Эмнисти интернешнл», «Фридом Хауз», данные «Фейсбук», другие международные рейтинги.

В рейтинг традиционно входят государства из разных геополитических регионов мира, в том числе члены Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), БРИКС и несколько государств, которые, несмотря на свои малые размеры, имеют высокую международную репутацию. Информация собиралась по 61 стране, а рейтинг опубликован для 30 государств⁸⁹.

В результате исследования по упомянутой методике выявлено, что в 2017 г. и после рокировок в 2019 г. Франция возглавляет данный международный рейтинг. Этому способствовало избрание молодого французского президента Э.Макрона и приход к власти центристского правительства. После успешного преодоления внутреннего кризиса в 2018 г. Э.Макрон благодаря своей активной внешнеполитической

⁸⁹ What is soft power // <https://softpower30.com>.

позиции стал одним из популярных мировых политиков. В индексе «мягкой силы» Франция обошла таких мировых лидеров, как Великобритания, Соединенные Штаты, Германия и Канада. Париж располагает одной из самых мощных дипломатических структур в мире (163 посольства и 92 консульства), богатой и узнаваемой культурой, взял курс на «сотрудничество и интеграцию».

По оценкам британских экспертов, второе место в рейтинге Великобритании является нестабильным, основная причина – инициирование Лондоном выхода из ЕС и снижение ее влияния на Европейском континенте.

Германия, которая вынуждена решать внутренние проблемы по противодействию терроризму и массовой миграции, заняла третье место в индексе, несмотря на другие высокие результаты.

США теряют лидирующие позиции в рейтинге и заняли в 2019 г. пятое место. Причиной, по мнению британских экспертов, можно считать реализацию Д.Трампом изоляционистской политики под лозунгом «Америка прежде всего». В исследовании Portland Communication снижение рейтинга США обусловлено изменением доверия населения к курсу правительства США, «торговой войной» с Китаем и другими негативным факторами. В то же время Соединенные Штаты все еще обладают «непревзойденной» системой высшего образования, лидируя во всех мировых рейтингах вузов, являются крупнейшим источником «культурной продукции», технологий и инноваций.

Венгрия, Турция и Россия занимают последние строчки среди 30 представленных в индексе государств. Позиция Венгрии в группе лучших по «мягкой силе» государств мира продиктована огромным культурным потенциалом и историческими корнями, но несколько снижена из-за растущей националистической позиции руководства страны, что, согласно рейтингу, «отпугивает» туристов и многих мировых лидеров. Турция получила низкие оценки в свете международного восприятия, несмотря на готовность принять миллионы беженцев на своей территории. Положительному имиджу страны повредил неудавшийся военный переворот, рестрикции в отношении медиа, гражданского общества и академических кругов внутри страны.

Главный вывод доклада Portland Communication заключается в том, что европейская «мягкая сила» восстанавливается, а возможности США снижаются. Одновременно влияние Азии постепенно укрепляется. Еще одна общая тенденция – маятник «силы» постепенно отходит от традиционных институтов власти (например, правительств) и перемещается на уровень городских конгломераций, транснациональных субъектов (корпораций, организаций и неправительственных институтов) и личностей.

Из всех рассмотренных методов оценки «мягкой силы» наиболее достоверными с точки зрения практической конкретизации ее параметров на основе теоретических выкладок являются рейтинги PR-агентства Portland Communication для 30 государств различных регионов мира и упомянутого выше журнала «Monocle» и The Institute for Government (IfG-Monocle Soft Power Index)⁹⁰ (см. приложение 2).

Сопоставительный анализ этих двух авторитетных международных рейтинговых оценок дает основание для следующих выводов.

1. Содержание феномена «мягкой силы» определяется ссылкой на Дж. Ная, определяющего ее как способность акторов (стран) достигать своих целей, меняя поведение других в желательном направлении, опираясь на привлекательность и/или убеждение, а не на принуждение либо подкуп. Эта способность характеризуется имеющимися в распоряжении страны нематериальными ресурсами, к каковым относят ее культуру, политические ценности и внешнюю политику⁹¹.

В контексте «мягкой силы» Дж. Най определял культуру как «набор практик, которые создают смыслы для какого-либо общества»⁹². Это включает в себя высокую культуру – литературу, изобразительное искусство и театр, которая обращена больше к элитарной публике, а также телевидение, кино и популярную музыку, ориентированную на массовую публику. Политические ценности, законы и институты, управляющие государством, в значительной степени влияют на глобальное восприятие страны. Когда правительственные институты эффективно поддерживают такие ценности, как прозрачность деятельности, справедливость и равенство внутри страны, тогда они более привлекательны для общественности за рубежом.

Внешняя политика как ресурс «мягкой силы» покрывает пространство, в котором существует государство, имея моральный авторитет в реализации своих действий за рубежом, т.е. страна действует либо в благих, либо в злостных целях⁹³.

2. После внедрения в теорию и практику международных отношений концепта «мягкой силы» IfG-Monocle Soft Power Index и PR-агентством Portland Communication предпринята попытка ее измерения посредством анализа специфических ресурсов.

⁹⁰ McClory, J. The New Persuaders III. – London: Institute for Government // <https://www.instituteforgovernment.org.uk>.

⁹¹ Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – P. 86.

⁹² Nye J. 'Public Diplomacy and Soft Power' // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 616. March, 2008. – P. 96.

⁹³ Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – P.56.

В результате рейтинговой оценки идентифицированы и категоризованы различные источники «мягкой силы», детерминирующие потенциальные способности стран конвертировать ее во влияние во внешней политике. Новшеством можно считать комбинирование объективных индексов с субъективными данными в результате работы экспертной группы, которая оценила страны по упомянутым семи различным аспектам⁹⁴. Предпринята попытка эксплицитно квантифицировать «мягкую силу» и разработать методологию ее оценки.

До 2010 г. единственным показателем при оценке и сопоставлении «мягкой силы» государств было общественное восприятие, которое определялось посредством различных опросов. Такой подход не позволял обеспечить объективный анализ реальных ресурсов, ценностей и действий тех или иных стран, которые составляют «мягкую силу» конкретной страны. До этих исследований вопросы измерения «мягкой силы» не в полной мере давали представление о формирующих ее составных частях.

3. В дополнение к упомянутому в подпараметрах оценки данного потенциала прослеживаются три основных различия между рейтингами IfG-Monocle Soft Power Index и PR-агентства Portland Communication.

Во-первых, Portland Communication с учетом развития стратегических коммуникаций и их повсеместного использования во внешнеполитической деятельности государств включила в свой оценочный аппарат «цифровой» элемент и «цифровую дипломатию». Цифровые платформы и социальные медиа представляют из себя все более расширяющуюся часть двусторонней, многосторонней дипломатии и публичной дипломатии.

Во-вторых, Portland Communication в развитие методов IfG-Monocle Soft Power Index провела широкомасштабный международный опрос в 20 странах с охватом всех основных геополитических регионов мира.

В-третьих, принципиальное отличие состоит в методологии составления индекса, прежде всего в плане нормализации данных и дифференцированного анализа каждой категории международного опроса.

Следует сделать оговорку о том, что упомянутые методы позволяют лишь оценить потенциал «мягкой силы» того или иного актора, но не его возможности или способности этот потенциал реализовать. В современных условиях, особенно для новых независимых государств, оценка ресурсов «мягкой силы» является ключевым фактором в процессе ее реализации, однако не менее важным, а, может, и более решающим фактором остается разработка алгоритма или целостной модели конверсии этой силы во влияние в интересах актора-субъекта.

⁹⁴ McClory J. The New Persuaders III. – London: Institute for Government // <https://www.instituteforgovernment.org.uk>.

Тем самым предлагается не только формально декларировать наличие многофакторных внутренних и внешних детерминантов, которыми отличается актор в плане «мягкой силы», но суметь этот ресурс реализовать на внешнем поле.

Критики разработки подобных рейтингов и индексов, подвергнув сомнению их методологическую основу, недостаточную научность подходов и избирательность объектов исследования, могут задать достаточно простой вопрос: как можно измерить неизмеряемое? Ведь, собственно, «мягкая сила», как и само понятие «сила» в международных отношениях, не имеет однозначной дефиниции и не является устоявшимся научным термином, который можно употреблять без дополнительных пояснений. Если учесть это, то многие выводы и оценки будут зависеть от выбранных предпосылок исследований.

С точки зрения оценки и определения ресурсов «мягкой силы» Республики Узбекистан с учетом высокой объективности подходов упомянутых рейтинговых исследований целесообразно основываться на разработанных ими критериях.

Последующими задачами являются обозначение географии и объектов применения политики «мягкой силы» Республики Узбекистан, конверсия «мягкосилового» потенциала во внешнеполитическое влияние, определение инструментария, направлений и форм ее осуществления, оценка эффективности действий и их коррекция с учетом складывающейся конъюнктуры.

1.3. Использование инструментов «мягкой силы» во внешней политике

Ключевым фактором, увеличивающим вес и значимость «мягкой силы», является естественная необходимость адекватной реакции внешнеполитических аппаратов государств на стремительно меняющийся международный контекст.

Глобальная геополитика сегодня находится на пике своей фундаментальной трансформации, буквально «вбрасывая» все новые вызовы для многих государств мира. По мере роста значимости «мягкой силы» драйверами множественных изменений мирового политического ландшафта выступают два мегатренда. Первый – рост трансграничных сетей как двигатель в глобальных делах, второй – это цифровая революция, приведшая к тому, что мировые события, малые или большие, все больше происходят онлайн. Таким образом, глобальные отношения постепенно перемещаются от традиционной двусторонней дипломатии и иерархий к намного более сложному миру международных сетей.

Действительно, при принятии важных внешнеполитических решений правительства вынуждены реагировать не только на дружественные или недружественные действия в их отношении других государств в ближнем или дальнем окружении, просчитывать логику поведения партнеров в международной политике и соотношение сил, но и учитывать во внутреннем и внешнем треке мнение и позицию межгосударственных и международных неправительственных организаций, групп влияния, средств массовой информации, общественных институтов и других негосударственных игроков. Поведение многих из них, безусловно, в разной степени «дирижируется» правительствами в целях реализации национальных интересов, однако нельзя отрицать наличие действующих на международной арене субъектов, имплементирующих собственные, отличающиеся от государствоцентричных идеи и принципы.

Непреложной истиной остается и то, что устойчивая и надежная легитимность государства и его лидеров не в малой степени зависит от национального и международного общественного мнения, которое концентрированно артикулируется негосударственными акторами и все больше стекается в киберпространство – многочисленные социальные сети, большинство которых претендует на неагандированность со стороны правительств.

Наличие ресурсов «мягкой силы», будучи важнейшим условием в реализации данной концепции, все же малополезно без разработки и реализации эффективной стратегии для их доведения до целевой аудитории за рубежом. Мобилизация ресурсов «мягкой силы» преимущественно осуществляется посредством эффективных коммуникаций. При этом существует взаимозависимость между «мягкой силой», коммуникациями и влиянием. Эти факторы взаимно усиливают и дополняют друг друга.

Ресурсы «мягкой силы» формируют фундамент для внешней репутации государства, а коммуникационные стратегии выносят их на первый план. Представляется, что результатом эффективного использования ресурсов «мягкой силы» страны посредством коммуникационных стратегий является укрепление ее международного влияния. И наоборот, неспособность формирования убедительного нарратива на основе ресурсов «мягкой силы» и неумение их применения для достижения специфических целей с соответствующим анализом и определением объектов вводит эти ресурсы в «спящее состояние».

Специалисты британского аналитического центра Portland Communications после анализа взаимосвязи между «мягкой силой» и коммуникациями предлагают собственную модель процесса конверсии ресурсов «мягкой силы» во внешнее влияние⁹⁵ (рис. 3).

⁹⁵ What is soft power // <https://softpower30.com/>.

Рис. 3. Модель процесса конверсии ресурсов «мягкой силы» во внешнее влияние «Portland Communication»

Как и в классической модели конверсии Дж.Ная (см. рис. 2), измерение ресурсов «мягкой силы» страны является обязательным первым шагом, поскольку их предварительный анализ предоставляет правительству возможность оценить свои сильные и слабые стороны, а также создать объективную базу для выстраивания стратегии. На основе анализа ресурсов вторым шагом является развитие стратегии с целью формирования национальных приоритетов, координации действий в международном плане и развертывания «мягкосиловых» ресурсов для воздействия на определенные объекты.

Для большинства государств конверсия «мягкой силы» в международное влияние требует действий, подкрепленных коммуникациями, что подразумевает разработку и реализацию продуманной политики, инициатив и программ.

Если предварительный анализ ресурсов «мягкой силы» в соответствии с первым шагом выявляет значительные пробелы, то их требуется устранить, потому что, как показывают практические исследования британских аналитиков Portland Communication, способность внушать доверие и репутация на внешнем поле берут начало от реализуемой политики и действий как внутри страны, так и за рубежом.

Превращение «мягкой силы» во влияние часто зависит от способности инкорпорирования новых действий субъекта «мягкой силы» в стратегию, поэтому реальные действия больше, чем слова и заявления, становятся решающими условиями в этом процессе. Когда эти ресурсы

сконцентрированы, именно возможности коммуникаций обеспечивают их конверсию во внешнее влияние. Тем самым появляется возможность развертывания ресурсов и происходит вовлечение зарубежной аудитории с основной целью изменения ее восприятия и в конечном итоге поведения в отношении субъекта «мягкой силы».

По мнению британских политтехнологов, коммуникации, используемые через традиционные медиа, цифровые платформы или «цифровую дипломатию», составляют «момент истины» в процессе конверсии, явного или скрытого проявления целей субъекта в отношении реципиентов «мягкой силы». Этот процесс может реализовываться в форме прямого использования публичной дипломатии, специальных кампаний вокруг конкретной темы или дипломатических инициатив регионального или международного плана.

Последние два шага в конверсионном процессе – оценка и корректировка – являются взаимозависимыми, так как применение «мягкой силы» для получения международного влияния и авторитета должно базироваться на очевидных доказательствах или явных положительных проявлениях на основе анализа реакции объекта. Результаты данной работы используются для корректировки стратегии, действий и коммуникаций сообразно ситуации.

На современном этапе в академическом и практическом плане большую актуальность представляет изучение и эффективное использование инструментов «мягкой силы», которые с развитием коммуникаций приобретают разнообразные формы.

В последние десятилетия правительства и другие международные акторы вкладывают значительные финансовые средства и время в попытки эффективного использования «мягкой силы» в своей внешней политике, а также формирования благоприятного восприятия за рубежом через такие меры, как определение повестки дня, структурирование международных проблем, проведение мероприятий и публичная дипломатия⁹⁶. Хотя понятие «мягкой силы» возникло только в конце 90-х годов прошлого столетия, многие ученые подчеркивают, что ее ресурсы по улучшению имиджа через официальные средства коммуникаций правительствами или странами не являются новым феноменом⁹⁷.

«Традиционная» дипломатия имеет отношение к общей «практике взаимодействия между различными акторами в целях получения стратегического преимущества через проведение переговоров,

⁹⁶ Kristian Nielsen. EU Soft Power and the Capability-Expectations Gap // Journal of Contemporary European Research, №5, 2013. – P.8-9.

⁹⁷ Там же.

осуществляемых между представителями стран или организаций по таким вопросам, как достижение мира, торговля, война, экономика, культура, окружающая среда и права человека» и, следовательно, обращается в целом к взаимоотношениям между международными акторами⁹⁸.

В то же время **публичная дипломатия** фокусируется на «влиянии общественного мнения на формирование и реализацию внешней политики» и выходит за пределы действия традиционной дипломатии. Публичная дипломатия как один из основных инструментов «мягкой силы» и ее реализации на внешнем поле нацелена на попытку правительств сформировать общественное мнение посредством глобальных коммуникаций в отношении целевой аудитории⁹⁹.

Профессор Ян Мелиссен утверждает: «Продвижение имиджа, пропаганда и деятельность, которая сегодня называется «публичной дипломатией», являются столь же древними, как и дипломатия. Развитие коммуникационных и транспортных технологий, например, изобретение печатной прессы в 15-м веке, привнесло фундаментальное изменение и повлияло на международные общественные отношения. В течение всей истории национальные государства и страны делают значительные вложения в свой имидж на международной арене, однако лишь в конце 20-го века эта деятельность оказалась в фокусе внимания академических кругов, что совпало с возрастающим осознанием «мягкой силы»¹⁰⁰.

Термин «публичная дипломатия» был введен в научный оборот бывшим дипломатом и деканом Флетчерской школы права и дипломатии Тафтского университета (США) Эдмундом Гуллионом в 1965 г. и получил широкое распространение среди ученых и практиков. Публичная дипломатия – это дипломатия, осуществляемая правительством одной страны в отношении населения другой страны¹⁰¹.

Публичная дипломатия частично получила развитие для дистанцирования деятельности правительств по распространению зарубежной информации от термина «пропаганда»¹⁰². По мнению Э.Гуллиона, публичная дипломатия – это дисциплина, которая «имеет дело с влиянием общественного мнения на формирование и реализацию внешней политики, охватывая измерения внешней политики вне

⁹⁸ Diplomacy // In Cultural Diplomacy Dictionary of the Academy for Cultural Diplomacy. – Berlin: The Institute for Cultural Diplomacy. Edited by Kishore Chakraborty, 2013. – P. 38.

⁹⁹ Public Diplomacy // In Cultural Diplomacy Dictionary of the Academy for Cultural Diplomacy. – Berlin: The Institute for Cultural Diplomacy. Edited by Kishore Chakraborty, 2013. – P. 78.

¹⁰⁰ Melissen Jan. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice // In The New Public Diplomacy. Soft Power in International Relations, 2005. – P. 3-6.

¹⁰¹ Файзуллаев А. Публичная дипломатия на службе национальных интересов // Gazeta.uz. от 5 августа 2017 г.

¹⁰² What is public diplomacy? // USC Center on Public Diplomacy at the Annenberg School // http://uscpublicdiplomacy.org/index.php/about/what_is_pd.

традиционной дипломатии; культивированием правительствами общественного мнения в других государствах; взаимодействием частных групп и интересов в одной стране с аналогичными кругами в другой стране; межкультурной коммуникацией». Центральным для публичной дипломатии является трансформационное течение информации и идей¹⁰³.

Ханс Так определял публичную дипломатию как процесс коммуникации правительства с иностранной общественностью в попытке добиться понимания своей национальной идеи и идеалов, своих институтов и культуры, а также национальных целей и политики¹⁰⁴. С тех пор восприятие этого понятия немного изменилось и уже можно считать, что публичная дипломатия является процессом, через который осуществляются прямые отношения с народом того или иного государства с целью продвижения интересов и распространения ценностей тех, кто их проводит и несет в себе. Это деятельность государства и неправительственных организаций в целях коммуникации с населением зарубежных стран для разъяснения культурных отличий, идеалов и осуществляемой политики.

Публичная дипломатия развивается как реакция на появление новых акторов в международных отношениях – неправительственных организаций, транснациональных корпораций, межгосударственных институтов, которые ранее были вне рамок традиционной дипломатии¹⁰⁵.

Западные ученые дают различные дефиниции публичной дипломатии. Например, Н. Кал рассматривает ее как попытку международных акторов осуществлять свою внешнюю политику через вовлечение в этот процесс зарубежной общественности. Публичная дипломатия традиционно рассматривается как контакты в формате «правительство – народ»¹⁰⁶.

Б. Грегори определяет публичную дипломатию «как инструмент, используемый государствами, некоторыми полугосударственными и негосударственными акторами для разъяснения своей культуры, взглядов и поведения; формирования и управления отношениями; влияния на мышление и мобилизации действий для продвижения своих интересов и ценностей»¹⁰⁷. Данный посыл появился в силу интенсивного развития «горизонтальных структур», в которых народы начали контактировать друг с другом при помощи новых технологий.

¹⁰³ Crocker Snow. Public diplomacy practitioners: a changing cast of characters // The Journal of Business Strategy. Vol.27. No.3, 2006. – P.19.

¹⁰⁴ The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations // Studies in diplomacy and international relations. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – P. 11.

¹⁰⁵ Langhorne Richard. The Diplomacy of Non-State Actors // Diplomacy and Statecraft. Vol.16. No.2, 2005. – P.332.

¹⁰⁶ Cull N. J. The Cold War and the United States Information Agency: American propaganda and public diplomacy, 1945–1989. – New York: Cambridge University Press, 2008. – P.15.

¹⁰⁷ Gregory B. American public diplomacy: Enduring characteristics, elusive transformation // The Hague Journal of Diplomacy, 2011. – P.353.

По мнению Э. Гилбао, инструменты публичной дипломатии включают в себя общественную деятельность и вещание (реактивная или прямая форма деятельности через СМИ от имени внешнеполитического или иного органа власти субъекта на внешнюю аудиторию на всемирных языках), пиар, культурную дипломатию, обмены и национальный брендинг¹⁰⁸.

Зарубежные политологи подчеркивают, что необходимо отличать публичную дипломатию от пропаганды, создания странового имиджа и международных культурных отношений. По мнению голландского ученого Я.Мелиссена, публичная дипломатия строго учитывает мнение народа, другими словами, это двустороннее движение¹⁰⁹. Более того, основная задача публичной дипломатии не самореклама. Напротив, она была разработана для демонстрации и разъяснения национальной политики или культуры народу другой страны. Что касается культурных связей, то они осуществляются на уровне неправительственных организаций и гражданского общества, но не на уровне государства.

Как отмечает Дж. Най, существует великая опасность перепутать публичную дипломатию с пропагандой, но данное понятие имеет отрицательную коннотацию, и поэтому пропаганда не может формировать «мягкую силу»¹¹⁰.

В своей книге о «новой публичной дипломатии» Я.Мелиссен отмечает, что она действует в сетевой среде, где существует множество других акторов (помимо государств), чем в иерархической, государствоцентричной среде¹¹¹. По его мнению, публичная дипломатия включает в себя специализированную литературу и электронные издания, блоги и интернет-ресурсы, что наилучшим образом соответствует современному миру с его глобальной коммуникацией, нежели другие виды дипломатии¹¹².

Российские политологи уделяют большое внимание проблематике публичной дипломатии как в силу установок руководства на расширение сфер влияния за счет невоенных и неэкономических ресурсов, так и с точки зрения отстаивания интересов в условиях идеологических и культурно-цивилизационных трений с Западом. Ее цель – продвижение интересов государства с помощью формирования положительного образа в зарубежном общественном сознании. Этот вид дипломатии подразумевает

¹⁰⁸ Gilboa E. Searching for a theory of public diplomacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science, 616(1), 2008. – P.55–77.

¹⁰⁹ The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations // Studies in diplomacy and international relations. Edited by Jan Melissen. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – P. 12-15.

¹¹⁰ On “The American century” and the future of smart power. An interview with Joseph Nye // URL://publicdiplomacymagazine.com/wp-content/uploads/2015/06/Smart-Power-PD-Mag.pdf.

¹¹¹ Melissen J. The New Public Diplomacy. Soft Power in International Relations. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. – P.12.

¹¹² Melissen J. Beyond the New Public Diplomacy // Clingendael Papers, Oct. 2011, №3. – P. 1-2.

диалог с обществом, в котором могут принимать участие не только представители стран, бизнес-сообществ, правительственных и неправительственных, научных и культурных организаций, но и самые разные категории граждан.

Нетривиальной в этом плане представляется российская оценка того, что если в английском варианте публичная дипломатия включает в себя общественную, народную дипломатию (people-to-people diplomacy), то в России эти понятия различаются. Самым высоким уровнем международного взаимодействия считается классическая дипломатия, межправительственное сотрудничество, следующим – публичная дипломатия, экспертное сотрудничество, а фундаментальным – общественная дипломатия, направленная на работу с представителями гражданского общества, творческой интеллигенцией, молодыми лидерами (к примеру, культурные форумы стран-участниц СНГ). При этом задачами публичной дипломатии являются выведение страны из условной «периферии» в «центр» с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, знание портрета людей, являющихся потенциальными получателями информации, проведение социологических опросов, направленных на выявление запросов зарубежной аудитории¹¹³.

Дж. Най в контексте публичной дипломатии выделяет роль информации и контроля над ней¹¹⁴. Он отмечает три основных измерения публичной дипломатии (применимых для США, но и полезных для других государств): каждодневное информирование о внешнеполитических действиях; точечное обсуждение наиболее важных политических событий; развитие контактов с зарубежной аудиторией через обмены и научные гранты. По мнению Дж.Най, в этом процессе необходимо помнить, что недостаточно просто запустить информацию или выдвинуть идею, которые определенное государство или негосударственный актор хотели бы довести. Напротив, эффективная дипломатия и успешное формирование «мягкой силы» «предусматривают строительство долгосрочных отношений, которые создают благоприятную атмосферу для реализации государственной политики». Важно также выстраивать дружественные отношения на межгосударственном уровне и среди граждан соответствующих государств. Эффективным механизмом для развития «мягкой силы» является создание площадок для диалога граждан различных стран, а также программ для расширения двустороннего и многостороннего культурного обмена.

¹¹³ Великая А. Публичная дипломатия как инструмент международного диалога // Международная жизнь. М., 2016. – С.156-157.

¹¹⁴ Nye Joseph. Jr. Soft Power: The means to success in world politics. – New York: Public Affairs, 2004. – P. 112, 20-40.

Ресурс привлекательности политической модели можно реализовать посредством инструментов официальной дипломатии, в рамках которой иницируются создание международных и региональных организаций, формирование политических, экономических и гуманитарных многосторонних государственных и общественных переговорных площадок, различного рода форумов, клубов.

Наряду с этим, по мнению Дж.Най, следует иметь в виду, что «мягкая сила» может работать только при условии продвижения «благоприятной» для других государственной политики. Негодная политика не может быть «закреплена» или «спрятана» за «мягкой силой». По этому поводу Дж. Най говорил, что ««мягкая сила» не должна быть игрой с нулевым результатом, в которой достижение одной страны обязательно означало бы потери для другой»¹¹⁵.

Таким образом, проявляется четкая связь между понятиями «мягкой силы» и «публичной дипломатией». Суммируя различия и одновременно взаимосвязь этих двух понятий, исследователь международной теории и дипломатии Стефен Бей Расмуссен пришел к выводу, что ценности и идеи не перемещают сами себя, а требуют определенного контакта между двумя акторами. Он подчеркивает: «Идея «мягкой силы» о притягательности предполагает, что это происходит автоматически, тогда как публичная дипломатия рассматривается как попытка, через которую актор пытается передать мысли и убеждения, оказывая влияние на зарубежный политический дискурс, через управление и участие в политических дебатах. Публичная дипломатия нацелена на структурированную среду, в которой акторы определяют себя, свои интересы и свою правду о мире»¹¹⁶.

По нашему мнению, при правильном планировании и оптимальном выборе субъектов публичная дипломатия может рассматриваться как серьезное подспорье для государств в их постоянном стремлении реализовать конкретные краткосрочные и долгосрочные внешнеполитические и внешнеэкономические цели. Государства Запада и многие азиатские страны накопили богатый опыт применения возможностей публичной дипломатии, тогда как на постсоветском пространстве только закладываются ее традиции¹¹⁷, апробируются инструменты и механизмы, формируются национальные субъекты и определяются объекты применения.

¹¹⁵ Най Дж. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. – М., 2014. – С.162.

¹¹⁶ Steffen Bay Rasmussen. Discourse Analysis of EU Public Diplomacy. Messages and Practices. – The Netherlands: Institute of International Relations Clingendael and Antwerp University, 2009. – P. 20-23.

¹¹⁷ Автор имеет в виду не советское понимание участия общественности во внешних связях, которое носило селективный и зачастую элитарный характер, подвергалось тотальному контролю коммунистической партии и органов госбезопасности и тем самым не могло считаться публичной дипломатией в современном ее понимании. Вовлечение общественности – деятелей культуры, ученых, религиозных деятелей или спортсменов во внешнюю политику СССР во многом преследовало цели

Публичная дипломатия в Узбекистане с первых лет его независимого развития формировалась и развивалась в параллельной с классической или государственной дипломатией плоскости. Современная узбекская публичная дипломатия постепенно вбирает в себя новейшие формы и методы, опираясь на глубокие исторические традиции неформальной дипломатии времен Великого Шелкового пути и последующих периодов.

Национальные имиджевые стратегии и программы позволяют привлечь иностранные инвестиции и расширить туристический потенциал, повышают авторитет и влияние государства на международной арене, тем самым наращивая его «мягкую силу». **Страновой брендинг** становится важнейшим инструментом в этом новейшем процессе, апробированным и дающим практический результат во многих странах.

Термин «страновой брендинг» введен в 1996 г. С. Анхольтом, который считает, что репутация стран (регионов и городов) формируется по тем же схемам, что и товарные знаки компаний и их продукции¹¹⁸. По его мнению, правильно управляемый бренд – это одна из основных задач, которые нужно решать, чтобы установить международные связи и получить конкурентное преимущество, используя его как реальный актив для всех заинтересованных сторон, магнит для привлечения инвестиций и талантов, двигатель всемирного культурного обмена, мощное конкурентное преимущество для экспортеров и источник вдохновения для жителей страны.

Под страной-брендом понимают комплексную комбинацию элементов, которые предоставляют нации основанную на культуре уникальность и актуальность для целевой аудитории¹¹⁹. Брендинг страны – это формирование и продвижение ее привлекательного и узнаваемого имиджа. Бренд страны должен быть понятен людям, представлять значимость для общества, быть отличным от других стран-брендов и нести в себе определенные ценности. Бренд страны должен представлять значимость современного общества, быть уникальным и нести в себе культурные ценности. Формирование бренда требует государственного подхода, большого профессионализма, времени и средств.

идеологического характера и было подчинено задачам пропаганды советского образа жизни и достижений социалистического строя в условиях конкурентной борьбы биполярного мира. Хотя следует признать, что в тех исторических реалиях и Запад, и Восток использовали в идеологическом противостоянии сопоставимые методы, которые характеризуются на современном этапе как «пропагандистская война», «конфликт ценностей» и в целом «холодная война». В этом конфликте негосударственные акторы, которые считаются основными действующими лицами нынешней публичной дипломатии, все же играли определенную роль.

¹¹⁸ Anholt S. Beyond the Nation Brand: The Role of Image and Identity in International Relations // The Journal of Public Diplomacy, 2012, № 2. – P. 6-7.

¹¹⁹ Dinnie K. Nation branding: concepts, issues, practice. – Oxford: Butterworth-Heinemann. 2008. – P. 15.

Брендовая стратегия включает в себя и определение платформы (или платформ) брендинга. Такими платформами могут служить культура, искусство, традиции, история, наука, образование, известные люди, национальная кухня, мифология, природные или архитектурные достопримечательности, спорт и др.¹²⁰. В качестве примеров странового брендинга в сфере культуры А. Файзуллаев называет японскую чайную церемонию, корейское таэквондо, китайское ушу, испанское фламенко, бразильский футбол, итальянскую оперу, русский балет. Для некоторых стран самой эффективной брендовой платформой является промышленное производство: немецкие автомобили, итальянская опера, французское вино и др. Среди важных направлений продвижения национального имиджа выступает брендинг городов и регионов, в первую очередь привлечение туристов и инвестиций.

С. Анхольтом в сотрудничестве с аналитическими центрами разработаны специальные методики для определения брендовых рейтингов стран и городов, которые регулярно публикуются и привлекают внимание и интерес широкого круга политиков, специалистов и бизнес-структур¹²¹. С учетом значительной отдачи от успешно проведенного брендинга страны, города и района эта сфера достаточно коммерциализирована и основывается на определенных финансовых вложениях субъекта «мягкой силы».

В контексте идентификации и практического использования инструментов «мягкой силы» актуальным представляется используемый в международной науке и практике термин **«умная сила»** (smart power), когда государства применяют традиционно рассматриваемые в качестве инструмента «жесткой силы» институты (прежде всего военную мощь и экономическое давление) для достижения целей политики «мягкой силы». Налицо комбинация двух «сил»¹²². Это форма политической власти и, согласно Дж.Наю, способность сочетать «жесткую» и «мягкую» силу. Например, этот феномен наглядно проявляется в сотрудничестве военных одной страны с военными другой страны в пользу укрепления отношений дружбы и поддержания положительной национальной репутации. Государство может использовать военное ведомство для транслирования своей позиции и интересов.

С целью «противопоставить неверному восприятию того, что только «мягкая сила» может выдавать эффективную внешнюю политику», Дж. Най использовал термин «умная сила», который ввел американский политолог Фен Хемпсон. Речь идет «о способности соединить «жесткую» и «мягкую» силу в эффективную стратегию, применяемую при различных обстоятельствах»¹²³.

¹²⁰ Файзуллаев А. Страна как бренд // Gazeta.uz от 19 апреля 2017 г.

¹²¹ Anholt S. Place Branding Research // The Anholt-GfK Roper Nation Brands Index website; Anholt S. The Good Country Party // The Good Country Index website.

¹²² Wilson E.J. Hard Power, Soft Power, Smart Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 616. – P.110-123.

¹²³ Най Дж. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XII век. – М., 2014. – С.19.

В стремлении использовать «стратагему умной силы» в реализации геополитических целей Соединенных Штатов Хиллари Клинтон, будучи Государственным секретарем США, призвала «использовать то, что получило название «умная сила», то есть набор инструментов, которыми располагает страна, – дипломатических, экономических, политических, правовых и культурных, выбирая, соразмерно каждой ситуации, одно из них или их комбинацию»¹²⁴. Стратагема легла в основу деятельности двухпартийной комиссии по «умной силе» в Центре стратегических и международных исследований, которую Дж. Най возглавил вместе с известным американским политиком Ричардом Армитиджем.

Действительно, Соединенные Штаты, располагая огромными внутренними и внешними ресурсами «мягкой» и «жесткой» силы, имеют возможности умело варьировать и комбинировать их инструментами для достижения разноректорных и многоуровневых целей на международной арене. Например, на политико-дипломатическом уровне Вашингтон поддерживает стабильные и открытые отношения с Узбекистаном, применяя инструменты и механизмы политических консультаций различных форматов, публичной дипломатии, оказания технической и гуманитарной помощи (яркой иллюстрацией чего стали поставки медицинской и продовольственной помощи Узбекистану в период борьбы с пандемией коронавируса в 2020 г.), содействия национальным политическим и социальным институтам.

США создают благоприятные условия в рамках международных политических и финансово-экономических институтов, где их представители имеют решающий голос при формировании и реализации государственных стратегий, оказывая содействие в имплементации общественно-политических и социально-экономических реформ в Узбекистане.

В то же время американская сторона поддерживает и методы «жесткой силы», когда речь идет, например, об ограничительных мерах в отношении экспорта узбекского хлопка как результат деятельности международной коалиции «Cotton Campaign». При этом «Cotton Campaign» – это формально не государственная политика или инициатива конкретных правительств, а «международная коалиция трудовых и правозащитных организаций, инвесторов и бизнес-организаций, целью которой является искоренение детского и принудительного труда при производстве хлопка».

Интересными с точки зрения изучения зарубежного опыта использования инструментов и механизмов данной стратагемы являются приведенные Дж. Наем примеры в работе «Умная сила: Эссе»¹²⁵. По его мысли,

¹²⁴ Сайт Госдепартамента США // <http://www.state.gov/secretary/rm/2009a/115196.htm>.

¹²⁵ Най Дж. Умная сила: Эссе // <https://cyberleninka.ru/article/n/umnaya-sila-esse>.

стратегию «умной силы» довольно часто умело применяют небольшие государства. Например, Сингапур сделал довольно значительные вложения в военные ресурсы, чтобы выглядеть как «отравленная креветка» в глазах тех из своих соседей, которых им хотелось бы попридержать. Но в то же время правительство соединило этот подход с активной дипломатической деятельностью в Ассоциации стран Юго-Восточной Азии, а также с усилиями по превращению своих университетов в настоящие центры неправительственной активности в регионе.

По нашим наблюдениям, Сингапур использует и такой инструмент «умной силы», как создание международных диалоговых площадок для обсуждения злободневных проблем военно-стратегического характера. В частности, в Сингапуре регулярно проходят форумы по проблемам безопасности в пространстве Индийского и Тихого океанов «Диалог Шангри-Ла» с участием представителей около 60 государств и территорий. Большинство правительственных делегаций возглавляют министры обороны, в числе которых главы оборонных ведомств США, Китая, Японии, Франции, Великобритании, Швеции, Австралии, Индонезии и Малайзии и других государств макрорегиона¹²⁶.

В последние годы в ходе форумов на передний план выходит проблема отношений между двумя ведущими мировыми державами США и КНР в продолжение острых дебатов сторон о стратегическом раскладе сил в Индо-Тихоокеанском регионе, выходящих далеко за пределы «торговых войн» и «технологического противостояния».

На 18-й встрече данного форума в июне 2019 г. выступления и.о. министра обороны Соединенных Штатов Патрика Шанахана и члена Госсовета Китая, министра обороны Вэй Фэнхэ стали центральными во время дискуссий, и их содержание свидетельствует о заметном возрастании американо-китайского противостояния по большинству проблем геостратегического плана и в целом о возникновении новых разделительных линий в Азии. Пекин впервые направил на данное ежегодное мероприятие делегацию на уровне главы оборонного ведомства, прогнозируя традиционную широкую антикитайскую фронду Вашингтона и его азиатских союзников.

П. Шанахан в своем докладе изложил положения доклада Пентагона «Новая стратегия Министерства обороны в регионе Индийского и Тихого океанов», в котором звучал настойчивый призыв к Пекину как «основной

¹²⁶ «Диалог Шангри-Ла» проводится с 2002 г. под эгидой британского Международного института стратегических исследований для обсуждения вопросов глобальной и региональной военно-политической стабильности. Каждое заседание форума отличается присутствием значимых политических деятелей, выступления которых отражают важнейшие тенденции в международной ситуации. Свое название формат получил от сингапурского отеля «Шангри-Ла».

ревизионистской силе» отказаться от «репрессивного мировоззрения» и «стремления перестроить регион в свою пользу путем военной модернизации, операций по установлению собственного влияния и через экономику с целью принуждения других стран». Речь шла о якобы подрыве Китаем суверенитета соседей, «использовании экономических инструментов в качестве операций влияния, кибератаках с ведома Китая, поощрении краж интеллектуальной собственности, увеличении военной мощи за пределами границ посредством создания военных объектов». США показали, что намерены прибегнуть к стратегии «эффективного сдерживания Китая на основе силы» с использованием действующих и новых «альянсов и партнерств, изначально готовых к победе в любом конфликте»¹²⁷.

В контексте процессов в данном регионе Вашингтон оценивает Россию как «актора, стремящегося перезапустить свое присутствие в Индо-Тихоокеанском регионе и проводить там акции глобального влияния, чтобы подорвать лидерство США и международный правовой порядок». В ответ замминистра обороны России Александр Фомин, принявший участие в диалоге, отметил, что «некоторые международные игроки под видом новых схем региональной конфигурации пытаются продвигать блоковые построения военно-политического толка».

Милитаризация спорных островов и рифов в Южно-Китайском море, которая представляется Пекином как самооборона и свершившийся факт, воспринимается американцами как территориальная экспансия и опасный прецедент для подобных действий в будущем. Обвинения Вэй Фэнхэ в адрес США как главной «причины войн, конфликтов и беспорядков» были расценены как попытка Пекина вытеснить американцев из данной геополитически важной зоны мира, при этом Китай намерен «вести «торговую войну» с США до последнего».

Политическую реакцию государств региона выразил на форуме премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун, который отметил опасность сложившейся в АТР ситуации, когда значительное число государств, прежде всего членов АСЕАН, фактически оказались в заложниках американско-китайских противоречий. Большинство стран региона воздерживаются от вступления в текущую конфронтацию, предпочитают тактику балансирования и реализацию своих интересов через

¹²⁷ На фоне расширения военно-политических конфликтных зон в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, вокруг Тайваньского пролива и других спорных точках Вашингтон предлагает новую концепцию «открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона» с опорой на традиционных союзников в лице Японии, Кореи и Австралии и подключением к этой конфигурации китайского антагониста в лице Индии. Примечательна в этом плане трехсторонняя встреча в рамках форума министров обороны США, Японии и Южной Кореи с принятием совместного заявления о сотрудничестве в сфере безопасности, проведении консультаций и совместных военных учений.

сотрудничество с обеими ведущими экономиками мира как в рамках китайских инициатив, так и американской «индо-тихоокеанской концепции».

Таким образом, прошедший в Сингапуре форум 2019г. вновь выявил серьезные конфликтные точки в американо-китайских отношениях, которые постепенно оформляются на доктринальном уровне и будут иметь далеко идущие негативные последствия для мировой политики и экономики. Нарастание напряженности в двусторонних отношениях может также нарушить работу всего механизма «АСЕАН плюс», что окажет неблагоприятное воздействие на торгово-экономическую повестку и решение проблем безопасности в Азии.

Подробным анализом итогов работы площадки «Шангри-Ла» в 2019 г. можно проиллюстрировать возможности «умной силы» в международных отношениях, в рамках которых руководители оборонных ведомств ведущих государств мира – носители и символы «жесткой силы» используют дипломатическую риторику для демонстрации силы, формулирования своих позиций и концепций. Основной целью демонстрации такой «умной силы» представляется предупреждение «горячих» конфликтов и некая амортизация геополитической напряженности. Как говорил великий итальянский мыслитель Никколо Макиавелли, «к оружию следует прибегать в последнюю очередь – когда другие средства окажутся недостаточны».

В работе «Умная сила: Эссе» Дж.Най отмечает, что Швейцария также долго использовала комбинацию обязательной воинской повинности и особенностей своей горной местности как средство сдерживания, в то же время привлекая к себе партнеров своими банковскими, торговыми и культурными связями.

Катар, государство рядом с Саудовской Аравией, позволил американским Вооруженным силам использовать свою территорию как плацдарм для вторжения в Ирак и в то же время он спонсировал «Аль Джазиру», самую популярную в регионе телевизионную станцию, относящуюся крайне критически к действиям американцев.

Норвегия стала членом НАТО, чтобы защитить себя, но в то же время развивала прогрессивную внешнеполитическую активность, направленную на развитие помощи зарубежным странам, и выступала посредником в мирных переговорах, чтобы наращивать свою «мягкую силу» и сбалансировать обратный эффект¹²⁸.

¹²⁸ Най Дж. Умная сила: Эссе // <https://cyberleninka.ru/article/n/umnaya-sila-esse>.

Таким образом, «умная сила» – это взаимосвязанная целостность различных компонентов в их синергетической концептуальной и практико-политической соотнесенности – культурно-гуманитарных, цивилизационных, социально-политических, экономических, военных и т.д., задействованных с учетом их умелого системного взаимодействия в беспрецедентно усложняющихся условиях развития мирополитических процессов, разнонаправленность которых усиливается по нарастающей¹²⁹.

Если ресурсный потенциал и смысловой стержень «мягкой силы» – это общее воздействие на население демонстрационными методами – через культуру, образ жизни, спорт и т.п. – на основе привлекательных для объекта воздействия социокультурных и идеологических ценностей, то «умная сила», как считает В. Швыдко, имеет более узкий, специализированный характер, ее определяют нацеленность на процесс принятия решений через внедрение в политический класс идей, которые на практике «движут миром». В конкретном плане – это разработка и продвижение тех или иных идей и концепций в экспертное и политическое сообщество с целью влиять на политические элиты и политическое руководство и побуждать их к принятию соответствующих решений¹³⁰.

Все изложенное позволяет сделать вывод о том, что **умение создать под патронажем конкретной страны или группы солидаризировавшихся государств региональных или международных институтов, структур и правил на основе общих привлекательных целей и ценностей** также может рассматриваться **в качестве механизма «мягкой силы»**.

Создание в 1993 г. пятью государствами Центральной Азии Международного фонда спасения Арала (МФСА), который крайне востребован и на современном этапе, не только позволяет коллективно решать стратегические задачи и текущие проблемы, связанные с одной из крупнейших в новейшей истории глобальных экологических катастроф, но и мобилизовать усилия мирового сообщества для смягчения ее трагических последствий.

В ходе участия в саммите глав государств-учредителей Международного фонда по спасению Арала в г. Туркменбаши в августе 2018 г. Президент Узбекистана Ш.М. Мирзиёев выступил с важными инициативами по улучшению социально-экономической и экологической ситуации в регионе Арала, в том числе предложил объявить Приаралье зоной экологических инноваций и технологий. В результате в ноябре 2018 г. в штаб-квартире ООН в г. Нью-Йорке на мероприятии высокого уровня правительствами Узбекистана, Японии и Норвегии в

¹²⁹ Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. – М.: ИТК Дашков и К., 2019. – С. 56.

¹³⁰ Швыдко В.Г. «Умная сила» на транстихоокеанском пространстве // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2014, – № 9. – С.5.

сотрудничестве с Отделом ООН по человеческой безопасности, страновой группой ООН в Узбекистане и Офисом многопартнерского Трастового Фонда ООН был запущен Трастовый Фонд по человеческой безопасности для региона Приаралья (МПТФЧБ). Его задачей является обеспечение интегрированной помощи процессу развития Приаралья посредством объединения усилий правительства Узбекистана, агентств ООН и донорского сообщества, мобилизации технических и финансовых ресурсов для развития региона и привлечения новых знаний, инновационных технологий и подходов в регион в целях его устойчивого развития.

Ожидается, что созданный Фонд для региона Приаралья значительно повысит эффективность предпринимаемых усилий по улучшению жизнедеятельности местного населения, совершенствованию инфраструктуры, созданию благоприятных условий для развития предпринимательства и частного сектора, будет способствовать социально-экономическому, экологическому развитию региона¹³¹. Для финансирования проектов Трастового фонда по человеческой безопасности для региона Приаралья под эгидой ООН Норвегией выделено 1,2 млн евро, Европейским Союзом – 5,2 млн евро¹³².

Функционирование МФСА подчеркивает и геополитическую идентичность Центральноазиатского региона, повышает его значимость и влияние в качестве коллективного субъекта международных отношений.

В том же направлении работает широко распространенное **оказание экономической, технической, гуманитарной и иной помощи зарубежным странам** вкупе с продуманной дипломатией, что в комбинации играет в пользу субъекта внешней политики.

На базе парадигмы открытой и конструктивной внешней политики Узбекистан активно подключился к современному тренду, при котором оказание гуманитарной помощи становится важным ресурсом «мягкой силы». Одновременно следует учитывать ту очевидную истину, что помощь ближнему в трудную минуту, традиции сопереживания и взаимовыручки – это глубоко укоренившиеся черты национального характера узбекского народа и важная составная его идентичности.

Оказание Узбекистаном гуманитарной помощи ближним и дальним соседям в общем и целом не преследует узкокорыстных внешнеполитических целей, а полностью соответствует философии и

¹³¹ Многопартнерский трастовый фонд для региона Приаралья // <https://www.uz.undp.org/content/uzbekistan/ru/home/media/infographics/multi-partner-human-security-trust-fund-for-the-aral-sea-region.html>.

¹³² Камиллов А. Каких успехов добивается Узбекистан во внешней политике во главе с Шавкатом Мирзиёевым // Народное слово от 30 декабря 2019 г. // <http://xs.uz/ru/post/kakikh-uspekhev-dobivaetsya-uzbekistan-vo-vneshnej-politike-vo-glave-s-shavkatom-mirziyoevym>.

глубинным морально-нравственным качествам нашего народа и его лидера как выразителя общественной воли. Именно такое проявление «мягкой силы» представляется долгим и устойчивым, укрепляет притягательность и влияние ее субъекта, хотя в современных условиях конфликтов, обострения конкурентной борьбы и государственного эгоцентризма может неоднозначно рассматриваться политологами-реалистами.

Взаимное оказание гуманитарной помощи между Узбекистаном и Китаем, Узбекистаном и Россией во время кризиса, вызванного глобальным распространением коронавируса в первой половине 2020 г., вынесло на поверхность глубокие по своему характеру проблемы иерархичности мировой политической системы. До всеохватывающей пандемии считалось, что только определенные государства, имеющие превосходную экономическую и военную мощь, имеют морально-политическое право на оказание внешней гуманитарной помощи и предоставлялась она в основном развивающимся государствам. Признавалось, что каждая страна «обязана занимать четко закрепленное за ней место и не смеет даже думать изменить его»¹³³. Получение гуманитарной помощи в обратном направлении считалось проявлением слабости великой державы и ее унижением. Однако ситуация изменилась, ныне коллективные подходы, прагматизм и солидарность берут верх в процессе противостояния общим угрозам. В то же время «большое видится на расстоянии», подобные феномены международной политики требуют дополнительных исследований и осмысления.

Каналы неправительственных организаций, транснациональных корпораций и частных лиц стали мощнейшим инструментом «мягкой силы» для многих государств в реализации их внешнеполитических задач. Например, в основном западные неправительственные организации в сфере правозащиты и развития содействуют укреплению международного доверия и в выгодном свете представляют осуществляющие эту деятельность государства. Такие институты налаживают в других странах тесные связи с гражданами и даже политическими партиями. Государство может оказывать им непосредственное содействие, а может дистанцироваться, исходя из того, что негосударственные акторы обычно вызывают большее доверие¹³⁴.

Кроме того, деятельность офисов транснациональных компаний и международные торговые бренды напрямую затрагивают жизнедеятельность людей в различных государствах по сравнению с воздействием правительств,

¹³³ Алкснис И. Гуманитарная помощь разрушает мировой политический порядок // <https://ria.ru/20200420/1570266671.html>.

¹³⁴ Natsios A.S. An NGO Perspective // *Peacemaking in International Conflicts: Methods and Techniques*. Edited by I.W. Zartman and J.L. Rasmussen. – Washington D.C.: United States Institute of Peace. 1997. – P. 337-361.

что, естественно, в позитивном плане ассоциируется с тем государством, которое они представляют¹³⁵. Например, коммерческий бренд «Кока-Кола» ассоциируется с США и даже в недружественных для них странах «работает» в пользу положительного имиджа этой страны.

Воздействие на зарубежную аудиторию влиятельных политических лидеров, известных ученых, знаменитых актеров или спортсменов, а также живших ранее исторических личностей укрепляет привлекательность страны, содействует формированию ее «мягкосилового» потенциала.

Наряду с национальными естественными и материальными ценностями (живописная природа и ландшафты, облик городов, музейные, фольклорные и иные культурно-исторические ценности) каждая страна мира ассоциируется за рубежом с выдающимися личностями из прошлого и современности. Германия – это родина Гете, Бетховена, Коля и Меркель. Франция отождествляется с Наполеоном Бонапартом, Шарлем де Голлем, Макроном, Коко Шанель и Зейниддином Зиданом и многими другими знаменитыми французами. Миллионы молодых людей и фанатов спорта ассоциируют Бразилию или Аргентину со знаменитыми футболистами из этих латиноамериканских стран с их яркой культурой и темпераментом, тем самым на психологическом уровне проникаются симпатией и уважением к их народам.

Таким образом, каждая социальная страта в той или иной стране по-своему рисует образы других стран и находит «собственные» привлекательные для представления образы. Умение правильно проецировать этот ресурс «мягкой силы», безусловно, играет в пользу ее субъекта.

Например, международная научная общественность высоко оценила усилия Международного Фонда имени Бобура (Узбекистан) по восстановлению мест захоронения исторических личностей – предков узбекского народа. В 2018 г. была организована экспедиция в г. Герат для обустройства мест захоронения А.Навои, мавлоно Лутфий, Камаледдина Бехзода. Подобные акции способствуют расширению культурных связей между Узбекистаном и Афганистаном, в определенной степени создают важную позитивную атмосферу для умиротворения этой многострадальной страны и являются свидетельством стремления узбекской общественности продолжить кропотливую работу по увековечиванию имен и наследия великих предков, проживавших на территории Центральной Азии. Это еще одно свидетельство сопряжения двух процессов – наращивания «мягкой силы» Узбекистана и укрепления национальной идентичности.

¹³⁵ Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. 2004. – P. 14.

Со стремительным ростом информационно-коммуникационных технологий так называемая «цифровая дипломатия» и все стратегические коммуникации (в том числе традиционные СМИ) как один из инструментов «мягкой силы» имеют исключительное значение в продвижении национального имиджа, реализации задач внешнеполитических аппаратов и, самое важное, доведении до широкой национальной и мировой общественности выгодной информации и, наоборот, в целях противостояния политическим и идеологическим нападкам соперничающих сил. Например, после прихода в Белый дом Д.Трампа его посты в «Твиттере» стали восприниматься как принципиальные установки в политической жизни американского общества и как свидетельство открытости деятельности главы государства.

Главы государств, правительственные органы и их руководители, политические партии и негосударственные акторы используют такие популярные социальные сети, как «Фейсбук», «Твиттер», «Ютуб», «Вейбо» (Китай), «ВКонтакте» (Россия). В «Твиттере» активный диалог ведут более 4000 посольств и главы дипмиссий 190 государств мира¹³⁶.

Фундаментальной основой этого тренда является то, что в мире насчитывается более 3 млрд пользователей сети Интернет, что составляет практически половину населения планеты. Только в государствах «Большой двадцатки» объем интернет-экономики достиг в 2016 г. 4,2 трлн долл. США¹³⁷. Действуют более 2 млрд активных медиа-аккаунтов.

Демократизация доступа к информации привела к возникновению все более активной и хорошо информированной глобальной общественности. Стремительная передача информации через границы и распространение платформ для ее обмена сделали индивидуумов намного сильнее, чем они были когда-либо в истории¹³⁸. Данные комплексные и динамичные тренды привели к эрозии традиционных методов пропаганды, используемой правительствами и государственными ведомствами, актуализируя более изощренные и тонкие методы работы в этом плане для защиты и продвижения внешнеполитических интересов и замыслов. Примером могут быть события «арабской весны», «оккупай уолл-стрит», череда «цветных революций» в различных регионах, когда определенные силы для достижения своих далеко идущих целей широко использовали возможности соцсетей.

¹³⁶ Twiplomacy. Twiplomacy 2015 Study. – New York: Burson Marsteller // twiplomacy.com/blog/twiplomacy-study-2015.

¹³⁷ Dean D. The Internet Economy of the G-20. – Boston: The Boston Consulting Group // www.bcg.com. 2012.

¹³⁸ Cull N. Wikileaks, public diplomacy 2.0 and the state of digital public diplomacy // Place Branding and Public Diplomacy, 7 (1), 2011. – P. 1-8.

Тем не менее, следует напомнить, что на нынешнем этапе, как и во времена искусственной информационной изоляции, при реализации «мягкосиловых» концепций невозможно давать один информационный контент внутри страны и другой, отличный от него, – за рубежом. В сетевом мире мгновенной информации «глобальная публика стала сообразительнее и более вовлеченной и скорее отвергает пропаганду, когда она замечает ее»¹³⁹. Одновременно нельзя не отметить то, что наряду с позитивными аспектами этих процессов, в первую очередь для расширения международного диалога и взаимопонимания, правительства в ответ на угрозы пропагандистских атак извне формируют при государственной поддержке «армию троллей» для создания фейковых аккаунтов в соцсетях¹⁴⁰. Таким образом, все еще наблюдаемое пропагандистское противостояние, реализуемое через обычные средства массовой информации, перемещается в виртуальную среду.

Еще одним заметным инструментом «мягкой силы», широко используемым в нынешних условиях, стала так называемая **парадипломатия, или региональная дипломатия**: она связана с участием регионов разных стран в международных организациях и других объединениях, а также их вовлечением в приграничное, межрегиональное и трансрегиональное сотрудничество¹⁴¹. Такая дипломатия характерна для стран СНГ ввиду ряда исторических, экономических и традиционных факторов. На европейском континенте сотрудничество регионов формировалось с 1960-х годов, и они уже имеют не только развитые сетевые связи, но и немалый экономический и политический вес¹⁴².

Этот процесс также связан с растущей массовой урбанизацией мирового населения, так как в последние несколько лет «человеческая история достигла точки, когда большинство народов мира проживает в городах»¹⁴³. Глобальная урбанизация влияет на формы и методы обмена информацией, распространение технологий, перекрестное внедрение идей и инноваций, а также развитие политических движений¹⁴⁴. Эти обстоятельства создают благоприятную основу для продвижения партнерских (или побратимских) связей между городами мира. Подобный тренд является еще одним вызовом доминированию правительств национальных государств как традиционных международных акторов.

¹³⁹ Van Staden A. Power and legitimacy: The quest for order in a unipolar world // Clingendael Diplomacy Papers. April, 2005.

¹⁴⁰ Chen A. The Agency // New York Times // <http://www.nytimes.com/2015/06/07>.

¹⁴¹ Еремин Н.В. Парадипломатия: новый голос регионов в современном дипломатическом концерте? // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2012, №6. – С.42.

¹⁴² Сербина А.С. Еврорегионы как новые акторы мировой политики. Конфигурация нового миропорядка: проекты и реальность. – Новосибирск: НГУЭУ, 2015. – С.167-195.

¹⁴³ Tacoli C. Urbanization, gender and urban poverty: Paid work and unpaid carework in the city. – London: UNFPA. 2012.

¹⁴⁴ Lefevre M. The mighty metropolis // The World Today. – London, Chatham House. (2015) // www.chathamhouse.org.

Политика «мягкой силы» включает в себя такие возможности позиционирования страны на международной арене, как **экспорт образования, взаимодействие с зарубежными аналитическими центрами и распространение национальных культурно-духовных ценностей**.

Предоставление образовательных услуг иностранным студентам является одним из ключевых инструментов «мягкой силы» государства¹⁴⁵. В мире идет жесткая борьба между государствами за иностранных студентов, поскольку это престижно, экономически выгодно и служит долгосрочным интересам государств, позволяя им решать различные стратегические задачи.

Полноценная система образования привлекает в страну талантливую молодежь, лучшие умы и, несомненно, способствует формированию привлекательного имиджа государства. Люди, получив в молодости образование в какой-то стране, обычно на всю жизнь сохраняют теплые чувства по отношению к ней¹⁴⁶. Речь может идти не только о светском, но и о теологическом образовании, если учесть, например, авторитет и влияние египетской мусульманской религиозной школы «Аль-Азхар». В студенческие годы у молодых людей формируются определенные ценности и взгляды, которые можно направить в нужное и выгодное для интересов субъекта «мягкой силы» русло.

К примеру, концепция дальнейшего развития национальной культуры в Республике Узбекистан предусматривает организацию и развитие международных отношений в сфере культуры, рассмотрение национальной культуры как неотъемлемой части мировой, уделяя при этом особое внимание равноправию и уважению прав человека. В этом плане интересным представляется инициатива Узбекистана по внесению в Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО в рамках межгосударственного совместного проекта части Великого Шелкового пути, проходившего по территории нашей страны под названиями «Шелковый путь: оазис реки Зарафшан» и «Шелковый путь: Фергана – бассейн реки Сырдарья». Еще одним перспективным культурно-гуманитарным проектом Узбекистана должно стать внесение образца древнего и неповторимого искусства узбекского народа хорезмского лазги под названием «Хорезмский танец – лазги» в Репрезентативный список ЮНЕСКО нематериального культурного наследия человечества¹⁴⁷.

¹⁴⁵ Торкунов А. Внешняя политика России, образование и наука // <http://russiancouncil.ru>.

¹⁴⁶ Файзуллаев А. Страна как бренд // Gazeta.uz от 19 апреля 2017г.

¹⁴⁷ Постановление Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Концепции дальнейшего развития национальной культуры в Республике Узбекистан» // <http://uza.uz/ru/documents/ob-utverzhdanii-kontseptsii-dalneyshego-razvitiya-natsionaln-29-11-2018>.

Иллюстрацией использования аналитических структур в расширении «мягкосилового» поля Узбекистана стала резонансная международная конференция в 2019 г. на тему «Взаимосвязанность в Центральной Азии: вызовы и новые возможности», в которой приняли участие более ста политологов и официальных лиц из 30 стран.

Крупные спортивные мероприятия международного уровня являются инструментом культурно-ценностной привлекательности. Многие государства остро соперничают за право организации Олимпийских игр, чемпионатов мира по футболу и других престижных соревнований на своей территории, если учесть их политические и коммерческие выгоды, положительное влияние на международный престиж страны-организатора.

Продвижение вовне национального языка и литературы посредством специально созданных для этого структур (международные организации языкового сотрудничества, общественные организации, культурно-образовательные центры, неправительственные организации и др.), способствует данному процессу¹⁴⁸.

Тот факт, что в мире на узбекском языке говорят почти 50 млн человек, свидетельствует о том, что он становится одним из распространенных языков мира. В настоящее время неуклонно повышается авторитет Узбекистана на международной арене, и в этом велика роль нашего родного языка. Узбекский язык изучают в почти 60 университетах и более чем 100 школах в таких странах, как США, Великобритания, Германия, Франция, Швеция, Россия, Украина, Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Турция, Афганистан, Азербайджан, Таджикистан, Казахстан, Туркменистан, Кыргызстан. С каждым годом растет число зарубежных ученых и исследователей, ведущих научные изыскания в области узбекского языка и литературы. При посольствах и дипломатических представительствах страны за рубежом открываются клубы «Друзья узбекского языка»¹⁴⁹.

Ярким примером широкого потенциала узбекского языка и литературы как важного элемента «мягкой силы» Узбекистана стала презентация в январе 2020 г. в Посольстве Узбекистана в г. Лондоне впервые изданного на английском языке романа одного из основоположников современной узбекской поэзии и литературы Абдулхамида Сулаймон угли Чулпона «Night and Day» («Кеча ва кундуз»). Автор перевода – молодой ученый, лектор кафедры славянских языков и

¹⁴⁸ Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Свободная мысль – XXI. – М., 2004. – № 10 // http://www.situation.ru/app/j_art_1165.htm.

¹⁴⁹ Выступление Президента Шавката Мирзиёева на торжественном собрании, посвященном 30-летию придания узбекскому языку статуса государственного языка // <https://mfa.uz/ru/press/news/2019/10/21544>.

литератур Университета Мичигана (США) Кристофер Форт, который почти год прожил в Узбекистане, собирая материалы для своей научно-исследовательской работы по узбекской литературе XX в. и изучая узбекский язык. В 2019 г. он успешно защитил диссертацию, в которой доказывал уникальность литературы узбекского соцреализма начала XX в., которая одновременно воплотила в себе культурно-исторические традиции народа и прогрессивные идеи узбекских мусульманских реформаторов. Как считает Кристофер Форт, Чулпон внес особый вклад в развитие узбекской литературы, так как смог в полной мере отразить эстетические ценности мировоззрения джадидизма, не ограничиваясь жанрами сатиры и элегии. В ближайшее время он планирует перевести отрывки из повести Гафура Гуляма «Озорник», а также повесть Абдуллы Каххара «Сказка о былом». Книга пользуется большой популярностью среди читателей и активно продается на торговой платформе «Amazon». Ряд зарубежных университетов планирует включить произведение Чулпона в свои учебные программы по истории и литературе стран Центральной Азии¹⁵⁰.

В советский период, на фоне напряженных идеологических баталий биполярного мира г.Ташкент не раз становился центром крупнейших культурно-гуманитарных мероприятий международного уровня. Так, в октябре 1958 г. под эгидой ЮНЕСКО здесь прошла Конференция писателей стран Азии и Африки, которая обозначила общее наследие культуры и истории народов этого обширного пространства.

Перспективными инструментами «мягкой силы» являются **продвижение культуры, науки, рост морального авторитета и международного престижа государства, согласно концепции «производства смыслов», имеющих общемировое значение**¹⁵¹. При сравнительно небольших затратах эти действия обеспечивают длительный интерес к стране и ее устойчивое позитивное влияние.

Развитая национальная культура при наличии значимых международных связей в области кинематографии, музыки, литературы, театра, изобразительных искусств и других сферах творческой деятельности позволяет решать проблемы преодоления негативных образов и этнических стереотипов, сохранять международное влияние даже в периоды обострения экономических проблем, политических конфликтов и действия иных негативных факторов¹⁵².

¹⁵⁰ В г. Лондоне состоялась презентация впервые переведенного на английский язык романа «Кеча ва кундуз» // <https://mfa.uz/ru/press/news/2020/01/22964>.

¹⁵¹ Панова Е.П. «Мягкая сила» как способ воздействия в мировой политике: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – М.: МГИМО, 2012.

¹⁵² Федотова К.Е. «Мягкая сила» российской культуры – инструмент внешней политики // Обозреватель. – М., 2017, №3. – С.56-57.

В этом плане уместно привести пример трансляции по узбекскому телевидению многочисленных корейских, турецких, бразильских, индийских и других сериалов, в которых в положительном ракурсе и выпукло представляются менталитет, национальный характер, образ жизни и быт других народов. Зрители на психологическом уровне абсорбируют социальное поведение героев, адаптируют их линию поведения в обществе, проникаются симпатией и, более того, стараются быть похожими на них, иногда отказываясь от привычных и устоявшихся в собственном обществе норм и правил. Именно этот аспект «мягкой силы» видится достаточно эффективным с точки зрения ее субъекта, так как подобная адаптация норм поведения других обществ вызывает к ним симпатию и уважение, которые со временем перерастают во влияние и вероятное изменение поведения объекта по отношению к субъекту. Тем самым, возможно, проявляется аффективный вид социального действия по концепции немецкого социолога М.Вебера, связанный исключительно с эмоционально-чувственной мотивацией.

Показателен в этом плане опыт Южной Кореи. На базе бурного экономического и технологического роста после Второй мировой войны Республика Корея значительно нарастила свою «мягкую силу» как за счет рациональной промышленной брендовой политики, так и посредством распространения во всем мире популярной культуры. В конце 1990-х годов наблюдалось так называемое «халлю», или «корейская волна», – растущая популярность всего корейского: от моды и фильмов до музыки и кухни. Традиции корейского искусства, ремесел и кухни распространились по всему миру. «Мягкосиловая» и имиджевая политика Сеула реализуется правительством и находится под постоянным контролем и опекой главы государства. Именно такой подход можно отнести к концепции «производства смыслов», когда объективные источники или внутренние детерминанты силы умело адаптируются к современным требованиям, комбинируются с технологиями их искусственного культивирования и «выносятся» на внешний трек.

Еще одним заметным трендом во внешнеполитическом дискурсе стало **использование государствами своих соотечественников и диаспор за рубежом** в качестве инструмента «мягкой силы» и публичной дипломатии, прежде всего в целях реализации международной политики¹⁵³. Наряду с решением социально-экономических проблем (защита прав работающих за рубежом граждан, пенсионное обеспечение по их возвращении из-за рубежа и др.) цельная эмиграционная и

¹⁵³ Baser B. Turkey's diaspora engagement policy under the Justice and Development Party // www.imi.ox.ac.uk.

диаспоральная политика таких государств, как Китай, Россия, Индия, Турция и других, имеющих значительное число соотечественников за рубежом, направлена на выстраивание структурированной и институционализированной стратегии в данной сфере. В рамках такой государственной политики ставятся задачи продвижения политических, экономических, идеологических и культурно-гуманитарных интересов субъекта «мягкой силы» в странах – реципиентах мигрантов.

Немаловажным представляется внутренний аспект диаспоральной политики, если учесть большое число неформальных, в основном родственных связей соотечественников за рубежом на своей родине. В некоторых странах это может иметь исключительно важное значение с точки зрения обеспечения общественной безопасности, межнационального и религиозного мира и согласия. Например, число турецких эмигрантов составляет 5 млн человек, из которых 4 млн постоянно проживают в Европе¹⁵⁴. Турецкая диаспора в Германии, которая начала формироваться в послевоенные годы, стала важнейшей частью социума в этой стране вплоть до избрания турков в германский Бундестаг.

Китай и Индия предпринимают активные шаги на государственном уровне для мобилизации и управления своими диаспорами в более развитых государствах, используют их для продвижения политики «мягкой силы» и влияния, реализации выгодной для страны экономической и инвестиционной повестки, внедрения своих культурно-цивилизационных установок. Китайские диаспоры за рубежом (хуацяо) играют решающую роль в продвижении интересов Китая практически во всем мире и являются, по статистическим данным, одним из важнейших источников иностранных инвестиций в национальную экономику. Можно привести пример распространенности представителей Индии в качестве высококлассных хирургов в Западной Европе и США.

Еще одним примером значимой роли диаспор за рубежом является заявление российского руководства о том, что русскоязычные жители Крыма активно поддержали «воссоединение» полуострова с Россией¹⁵⁵.

В США обширная узбекская диаспора, частично объединенная в Туркестано-Американскую ассоциацию, Ассоциацию «Узбекистан-Америка», Ассоциацию «Ватандош» и Конгресс бухарских евреев США и Канады, насчитывает около 200 тыс. человек. Названные организации могли бы внести заметный вклад в повышение имиджа и авторитета Узбекистана в США, привлечение иностранных инвестиций и современных технологий.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Kureev A. Russian Diaspora: A tool of soft power? // www.russia-direct.org. 2015.

Инструментарий «мягкой силы» является разнообразным, однако его применение представляется сложным ввиду необходимости детальной разработки общенациональной программы действий и координации усилий широкого круга как государственных, так и негосударственных акторов.

Рассмотренные инструменты и механизмы «мягкой силы» в основном направлены на внешнее поле, однако существует ряд показателей внутренних ресурсов «мягкой силы» на основе общепризнанных международных рейтингов. К ним относят качество государственного управления, привлекательная экономическая и социальная модель развития страны, уровень человеческого и культурного потенциала и другие, оказывающие непосредственное влияние на привлекательность, авторитет, имидж, репутацию и влияние страны на международной арене.

Умелое сочетание внутренних и внешних ресурсов «мягкой силы» через применение описанного выше инструментария позволяет эффективнее задействовать внешнеполитический потенциал страны.

* * *

Таким образом, разработка в начале 90-х годов XX в. Дж.Наем концепции «мягкой силы» была во многом продиктована не только фундаментальными историческими подвижками на мировой арене вследствие завершения эпохи устойчивого биполярного мира и отхода большинства ведущих держав от исключительного использования «жесткой силы» для решения глобальных проблем. Теоретическое и научно-практическое осмысление новых подходов к пониманию категории «силы» в международных отношениях также обусловлено ростом влияния новых центров силы, бурным развитием информационно-коммуникационных технологий, появлением на авансцене влиятельных негосударственных акторов и стремлением многих государств к применению несиловых методов продвижения своих интересов во внешнем поле.

В условиях Узбекистана предстоит выработать собственную модель конверсии ресурсов «мягкой силы» во влияние с учетом национальных особенностей.

Ключевой проблемой в деле использования «мягкой силы» является измерение ее ресурсов, определение приоритетных целей и направлений, а также ее реализация и оценка эффективности воздействия. Как показывают исследования, наиболее достоверным и всеобъемлющим методом оценки «мягкой силы» на современном этапе является общепризнанный рейтинг британской структуры «Portland Communication». При оценке и определении

ресурсов «мягкой силы» Республики Узбекистан с учетом высокой объективности подходов данной рейтинговой структуры представляется целесообразным частично пользоваться разработанными ею критериями, проанализированным в данной главе.

Наличие ресурса «мягкой силы» само по себе не гарантирует ее автоматического проецирования на внешнее поле или превращение во влияние на международной арене. Для ее трансляции вовне необходим набор инструментария, который может иметь различные формы в зависимости от исторически сложившихся возможностей и актуального потенциала страны. В контексте применения «мягкосиловой» политики научно обоснованное выявление и классификация ее инструментария через призму возможностей и интересов Республики Узбекистан представляются актуальными.

Системный анализ международного опыта указывает на необходимость использования Узбекистаном таких инструментов и механизмов концепции «мягкой силы», как *публичная и народная дипломатия, цифровая дипломатия, парадипломатия, национальный, региональный и отраслевой брендинг, контакты с соотечественниками, возможности негосударственных акторов в лице общественных организаций и бизнес-сообщества, культура, язык и другие.*

Феномен «мягкой силы» формируется не только за счет умелого применения внешнеполитических ресурсов страны и исторически обусловленного потенциала в сфере культуры и иных гуманитарных категорий. «Мягкая сила» государства, его авторитет, притягательность и влияние в значительной степени определяются качеством государственного управления, привлекательностью экономической и социальной модели развития страны, уровнем человеческого и культурного потенциала, другими показателями внутригосударственного плана.

В Узбекистане представляется возможным сочетание внутренних и внешних источников «мягкой силы» через применение рассмотренного в настоящей главе инструментария, что позволит продуктивно использовать и укрепить его внешнеполитический потенциал (см. приложение 3).

В условиях Узбекистана, как относительно нового независимого государства, формирование «мягкой силы» протекает во взаимозависимости с процессом укрепления национальной идентичности.

ГЛАВА 2. ПОТЕНЦИАЛ И ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

2.1. Становление и развитие потенциала и ресурсов «мягкой силы» Республики Узбекистан

С момента обретения государственной независимости и суверенитета перед Республикой Узбекистан остро встал вопрос устойчивого позиционирования на региональной и международной арене в качестве самостоятельного и авторитетного члена мирового сообщества. Помимо решения вопросов государственного и общественного строительства, формирования системы внутренней и внешней безопасности, создания национальной экономики, налаживания равноправных связей с членами мирового сообщества и других стратегических задач, республике было жизненно необходимо утвердиться в качестве ответственного партнера, закрепить на базе осмысления исторических, культурно-цивилизационных, социально-политических, геополитических и иных детерминантов собственный уникальный имидж на основе разноплановых источников силы.

Эти процессы протекали в сложных условиях жесткой конкуренции, внешнего давления и внутренних противоречий. Формулирование естественных и искусственно созданных положительных образов о стране, выбор механизмов, инструментария их проецирования и объектов целеполагания большей частью зависели от потребностей конкретного исторического этапа, решаемых в определенный период наиболее важных задач внутреннего развития и с учетом складывающейся обстановки на внешнем поле.

Мы предприняли попытку периодизации этапов формирования «мягкосиловой» политики Республики Узбекистан с первых лет независимости до современности с тем, чтобы проанализировать истоки ее возникновения и проследить генезис имиджевых установок республики. При этом мы не ставили перед собой цели представить всеобъемлющий исторический обзор многогранной внешнеполитической деятельности страны за почти тридцатилетний период ее интенсивного развития.

С учетом многоплановости и взаимозависимости источников «мягкой силы», которые охватывают широкий спектр внутренних и внешних источников, остановимся лишь на наиболее знаковых моментах, могущих пролить свет на некоторые ее аспекты.

Первый этап концентрации ресурсов «мягкой силы» приходится на период с 1991 по 2001 г. и характеризуется широкими процессами становления государственности, создания ее институтов, определения приоритетов внешне- и внутривладеической стратегий, укрепления основ национальной идентичности. В тот период на базе парадигмы «проведения самостоятельной внутренней и внешней политики» решались вопросы «обустройства республики», исходя из «ее национальных интересов, на основе всемерного учета сложившегося уклада жизни, традиций, обычаев и навыков народа, имеющегося огромного ресурсного потенциала»¹⁵⁶.

Следует учесть, что в первые годы независимости над государством, обществом и личностью все еще довлели рудименты советского прошлого, шла динамичная ломка старых общественно-политических и социально-экономических устоев, прокладывался тернистый путь к долгосрочному и надежному региональному, международному и культурно-цивилизационному позиционированию, разрабатывалась глубокая философия и востребованная практика самостоятельного развития.

В те годы Узбекистан широко представлял на международной арене свой богатейший ресурсный, человеческий и интеллектуальный потенциал, использовал методы экономической дипломатии. Устанавливались контакты с политическими и бизнес-элитами многих развитых стран мира, налаживались связи с ведущими международными финансово-экономическими структурами.

Узбекистан, как и большинство государств постсоветского пространства, вовлекался в острые международные дискуссии относительно укрепления демократических норм и традиций, соблюдения прав и свобод человека. Посредством использования всего имеющегося на тот момент внешнеполитического инструментария до зарубежных партнеров доводилась собственная позиция Узбекистана о нецелесообразности и даже пагубности форсирования процесса внедрения ценностей и стандартов либеральной демократии и рыночных отношений по западным лекалам, если учесть транзитный характер политической системы, остатки советского мышления, неустойчивость и особенности социального и демографического положения, а также все больше довлеющий на государство и общество исламский фактор.

Политической канвой, своеобразным политическим брендом для представления Узбекистана за рубежом стали пять принципов реформирования государства и общества, выдвинутые Первым Президентом И.А. Каримовым в качестве «фундамента концепции преодоления переходного периода»¹⁵⁷.

¹⁵⁶ Каримов И.А. Узбекистан: свой путь обновления и прогресса // Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология. Т. 1. – Ташкент: «Узбекистон», 1996. – С. 39.

¹⁵⁷ Каримов И.А. Выступление на четвертой сессии Международной экономической организации «Форум фонд» в Швейцарии. 18 июня 1993 г. // Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология. Т. 1. – Ташкент: «Узбекистон», 1996. – С. 236.

Наряду с налаживанием многоплановых отношений с государствами дальнего зарубежья, куда выносился новый образ Узбекистана как независимого государства с богатой историей и самобытной культурой, наиболее важным направлением внешней политики выступала Центральная Азия. Одной из концептуальных инициатив, поддержанных Узбекистаном в тот период, являлась идея регионального сотрудничества под лозунгом «Туркестан – наш общий дом»¹⁵⁸. Данное движение, получившее поддержку соседних государств, позволило добиться устойчиво лидирующих позиций в регионе, создать политико-идеологическую основу для выстраивания дружественных связей и осуществления влияния на близлежащие страны.

На тот же период приходится создание дипломатических представительств за рубежом¹⁵⁹. Формировалась сеть Обществ дружбы Узбекистана со многими странами, заложившая основу «народной дипломатии»¹⁶⁰, востребованную и в наше время. В те годы на взаимной основе начали проводиться Дни культуры стран региона¹⁶¹.

Историческое и культурное наследие начало превращаться в ресурс внешней политики. Тогда же состоялись открытия памятников Амиру Темуру в г. Ташкенте, Самарканде и Шахрисабзе, проведена выставка «Расцвет науки, культуры и образования в эпоху Темуридов» в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже (апрель 1996 г.) с участием Президента Франции Жака Ширака¹⁶², прошли праздничные торжества в честь 600-летнего юбилея Мирзо Улугбека (октябрь 1994 г.) и ряд других резонансных мероприятий, имевших ключевое значение с точки зрения формирования «мягкой силы» Узбекистана и ее проецирования на международной арене. Такие мероприятия способствовали укреплению «чувства единства и общей истории»¹⁶³ нашего народа в период укрепления национальной идентичности, консолидации внутренних ресурсов «мягкой силы».

¹⁵⁸ Каримов И.А. «Манас» – это древняя и бессмертная энциклопедия кыргызов. Выступление в Бишкеке на торжествах, посвященных 1000-летию эпоса «Манас». 28 августа 1995 г. // Родина священна для каждого. Т. 3. – Ташкент: «Узбекистон», 1995. – С. 157.

¹⁵⁹ По информации МИД, к 2020 г. Республика Узбекистан установила дипломатические отношения с более чем 130 странами мира. В Ташкенте осуществляют свою деятельность 45 посольств зарубежных государств, 8 почетных консулов, 19 представительств международных организаций, 18 представительств международных межправительственных и правительственных организаций иностранных государств, 1 торговое представительство с дипломатическим статусом. В зарубежных странах и при международных организациях функционируют 47 дипломатических и консульских представительств Республики Узбекистан. Узбекистан является членом свыше 100 международных организаций и развивает взаимодействие с различными структурами многостороннего сотрудничества.

¹⁶⁰ Указ Президента Республики Узбекистан №УП-1785 от 26 мая 1997 г. «О мерах по поддержке Совета обществ дружбы и культурно-просветительских связей Узбекистана с зарубежными странами» // <https://nbu.uz>.

¹⁶¹ Одними из первых состоялись Дни культуры Казахстана в Узбекистане (май 1994 г.) и Дни культуры Узбекистана в Казахстане (май 1995 г.).

¹⁶² Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 19 от 11 января 1996 г. «О проведении недели «Расцвет науки, культуры и образования в эпоху Темуридов» в Париже» // <https://lex.uz>.

¹⁶³ Starr F.S., Cornell S.E. The long game on the Silk Road. US and EU strategy for Central Asia and the Caucasus. – New York: Rowman and Littlefield, 2018. – P. 81.

Подобные акции, имевшие ярко выраженное внутреннее звучание и одновременно открывшие Узбекистан для внешнего мира в качестве самостоятельного субъекта международных отношений, в последующем приобрели процессный характер, последовательно и настойчиво формируя политико-идеологические константы и в историческом разрезе на долгие годы вперед определяя место и роль страны в региональной и глобальной политической системе. В тот период Узбекистан сделал серьезную заявку на самостоятельную геополитическую субъектность, отметил «красные линии» для ведущих внерегиональных держав в плане независимости в выборе своей внешнеполитической стратегии.

В зарубежном политологическом дискурсе четко восприняли такие твердые сигналы из Ташкента. «Наиважнейшее значение при толковании истории, – пишет в своей диссертационной работе на соискание ученой степени кандидата политических наук российский эксперт С.Х. Петров в 1997 г., – отводится личности и делу Амира Темура. Если до него земли нынешнего Узбекистана находились на окраинах различных мировых империй, то Амир Темура создал великое государство со столицей в Самарканде, превратив, пусть и на исторически краткий период, его в один из центров мировой политики».

Отдельное место в наращивании потенциала «мягкой силы» заняли такие крупнейшие имиджевые мероприятия международного масштаба под эгидой ЮНЕСКО, как торжества в честь 2500-летия Бухары и 2500-летия Хивы осенью 1997 г.; открытие памятного комплекса Имама аль-Бухари и памятника Ахмаду аль-Фаргони осенью 1998 г.; проведение торжественных церемоний в честь 800-летия юбилея Джалолиддина Мангуберды и 1000-летия дастана «Алпомыш» осенью 1999 г.; организация торжеств по случаю 910-летия Бурхониддина Маргинони и 1130-летия Имама Мотуриди осенью 2000 г.

26 августа 1997 г. в Самарканде прошел первый Международный музыкальный фестиваль «Шарк тароналари», ставший традиционным, до сих пор служащий эффективным инструментом «мягкой силы» Узбекистана¹⁶⁴.

В том же ряду стоит ежегодное празднование Навруза как важного элемента национальной идентичности, имеющего глубокие доисламские корни¹⁶⁵.

¹⁶⁴ В 2019 г. в конкурсной программе фестиваля участвовали музыкальные коллективы, исполнители и музыканты из 32 стран мира. Представители Аргентины, Мьянмы и островов Фиджи участвовали в «Шарк тароналари» впервые // <https://www.gazeta.uz/ru/2019/08/31/sharq-taronalari>.

¹⁶⁵ Слово Навруз (Новруз, Нооруз, Невруз, Наурыз) означает «новый день». Навруз, день весеннего равноденствия, отмечается как начало нового года более чем 300 млн жителей во всем мире и празднуется более 3000 лет на Балканах, на Ближнем Востоке, на Кавказе, в Центральной Азии, в бассейне Черного моря и в других регионах. Праздник Навруз, включенный в 2009 г. в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества как культурная традиция многих народов,

В этот период началось возрождение международно-признанных образов, ассоциируемых с нашей страной: «древний Узбекистан как центральное связующее звено Великого Шелкового пути», «место активного соприкосновения Востока и Запада». С международных трибун начали звучать имена великих предков узбекского народа – мыслителей древнего Востока, названия всемирно известных исторических городов Узбекистана, что можно рассматривать в качестве продвижения «культурной дипломатии»¹⁶⁶.

Интересным опытом стала организация Центральноазиатских спортивных игр в январе 1995 г. Проводились международные теннисные турниры на Кубок Президента, а в мае 1999 г. – Первый чемпионат мира по курашу.

Одними из признаков открытости внешнеполитического курса страны и новых форм общественных связей стали регулярные встречи главы государства с представителями аккредитованного в г. Ташкенте дипломатического корпуса и зарубежных СМИ.

Узбекистан с первых лет независимости вынес на международную площадку проблемы афганского и таджикского урегулирования, Аральской экологической катастрофы, региональной экономической интеграции, создания зоны, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии, тем самым обеспечив свое преимущество во внешнеполитическом аспекте «мягкой силы» через определение региональной повестки.

Внутренние вооруженные конфликты в соседних Таджикистане и Афганистане не могли не иметь негативного воздействия на обстановку в Узбекистане, отвлекали значительные политические и материальные ресурсы страны в целях нейтрализации и купирования исходящих из конфликтных зон реальных угроз и вызовов. В тот период и в наше время, что признается большинством зарубежных экспертов, Узбекистан играл и продолжает играть ключевую стратегическую роль в качестве стабилизатора региональной системы безопасности.

В середине 1990-х годов Совещание-семинар по безопасности и сотрудничеству в Центральной Азии, «имеющий консультативный характер», стал важной политической диалоговой площадкой для стран региона с участием иностранных представителей. Проведение в июле

знаменует первый день весны и обновление природы. Навруз играет значительную роль в укреплении связей между народами на основе взаимного уважения и идеалов мира и добрососедства. Его традиции и ритуалы отражают культурные и древние обычаи цивилизаций Востока и Запада, получившие распространение в контексте взаимообмена человеческими ценностями. 23 февраля 2010 г. Генеральная Ассамблея признала 21 марта как Международный день Навруз // <https://www.un.org/ru/observances/international-nowruz-day>.

¹⁶⁶ Каримов И.А. Выступление на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 28 сентября 1993 г.; Речь на официальном приеме от имени Президента Франции. 27 октября 1993 г. // Наша цель: свободная и процветающая Родина. – Т.2. – Ташкент: «Узбекистон», 1996. – С.46, 69.

1999 г. широкоформатной Ташкентской встречи группы «6 плюс 2» по Афганистану следует рассматривать как проявление дипломатической компоненты «мягкой силы» в целях оказания влияния на повестку афганского урегулирования¹⁶⁷.

Важным политическим событием стало подписание в итальянском городе Флоренции в 1996 г. Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с Европейским Союзом, которое значительно расширило масштабы культурно-гуманитарного взаимопроникновения, формализовало рамки для восстановления и развития культурных и интеллектуальных связей между исторически ведущими центрами мировой цивилизации в принципиально новых условиях.

Ярким примером *странового целеполагания «мягкой силы»* в изучаемый период являются многолетние отношения с Японией. Анализ накопленного опыта взаимных контактов свидетельствует о том, что среди японской политической элиты как старшего поколения (Императорский дом, Й. Мори – политический патриарх, председатель Организационного комитета по проведению Олимпиады-2021, Т. Асо – заместитель премьер-министра, министр финансов, Т. Никкай – генеральный секретарь Либерально-демократической партии Японии (ЛДПЯ), Н. Накаяма – депутат парламента), так и нынешнего поколения (С. Абэ – премьер-министр, С. Мураками – депутат парламента, М. Ямагучи – лидер партии «Комейто» в правящей коалиции, К. Накаяма – член верхней палаты парламента, К. Юрико – мэр г. Токио) превалирует искренняя симпатия к Узбекистану и его народу, в первую очередь обусловленная *общностью традиционных общественных мировоззренческих установок, схожестью национального менталитета и взглядов на духовно-нравственные и культурные ценности*. Уважение к старшему поколению и почитание памяти предков, бережное отношение к семейным устоям и национальным традициям – все это составляет морально-психологическую основу для развития двусторонних отношений на долгосрочной основе.

Политические руководители и многие простые японцы с благодарностью воспринимают бережное отношение к памяти захороненных в Узбекистане интернированных после Второй мировой войны граждан Японии. Данное обстоятельство с учетом японского менталитета создает благоприятные условия для выстраивания более тесных и доверительных многоплановых политических, взаимовыгодных экономических и широких гуманитарных связей. Позитивный имидж

¹⁶⁷ Князев А. Новое афганское урегулирование не исключает повторения пройденного // <https://ozodandishon.org/2018/03/31>.

Узбекистана устойчиво сохраняется до сих пор как среди японской элиты, так и широкой общественности. Символы этой связи народов – Большой театр оперы и балета им. А. Навои, новый «Японский сад», научно-творческий центр «Караван-сарай культуры» в г. Ташкенте, а также памятник А. Навои в Университете Сока в г. Токио.

В Японии с симпатией воспринимают узбекскую культуру и язык, высоко ценят историческую роль народа Узбекистана в распространении буддизма из Индии вглубь Азии и вплоть до Дальнего Востока. Ученые двух стран многие годы ведут совместные археологические раскопки в Сурхандарье¹⁶⁸.

Япония и Узбекистан, достигшие в отношениях уровня стратегического партнерства, имеют схожие или совпадающие позиции и оценки относительно многих проблем регионального и международного характера. Узбекистан последовательно поддерживает включение Японии в состав постоянных членов Совета Безопасности ООН. Япония, в свою очередь, занимает конструктивную позицию в международных организациях по вопросам, затрагивающим интересы Узбекистана. В частности, японская сторона, имея влиятельную позицию в Азиатском банке развития и других ведущих международных финансовых институтах, содействует решению вопросов выделения солидных льготных долгосрочных кредитов для нашей страны.

В г. Ташкенте функционируют региональные офисы Японского агентства по международному сотрудничеству (ДЖАЙКА)¹⁶⁹ и Японской организации внешней торговли (ДЖЕТРО), а также Узбекско-Японский центр по содействию проектам безвозмездной и технической помощи. В свою очередь, Узбекистан оказал гуманитарную помощь Японии после трагической аварии на АЭС «Фукусима».

Вклад в подготовку кадров вносит Узбекско-Японский центр в Узбекистане, в котором проводятся бизнес-тренинги, курсы японского языка и культурные мероприятия (с 2001 г. их посетило более 700 тысяч человек). Примером заинтересованности японской стороны в углублении гуманитарных отношений стал визит в Узбекистан в августе 2016 г. деятелей культуры и искусства Японии во главе с супругой премьер-министра Акиэ Абэ.

¹⁶⁸ Книга «Край, приютивший японцев», издана на узбекском // <http://mg.uz/print/publish/doc/text91807>.

¹⁶⁹ По информации МИД Республики Узбекистан, всего с 1993 по 2019 г. по линии ДЖАЙКА предоставлено: льготных кредитов на 2,52 млрд долл., грантов 169,7 млн долл., технического содействия на 62,2 млн долл. Свыше 2,4 тыс. специалистов Узбекистана прошли стажировки в Японии по линии ДЖАЙКА по развитию бизнеса, банковско-финансовому сектору, сельскому хозяйству, транспорту, телекоммуникации, менеджменту, здравоохранению, юриспруденции и туризму. В рамках правительственного гранта Японии ежегодно 15 представителей республики обучаются в лучших японских вузах (за период 1993–2019 гг. направлено свыше 329 человек). Благодаря финансово-техническому содействию Японии в Узбекистане реализован целый ряд социальнозначимых и инфраструктурных проектов в сферах энергетики, транспорта, телекоммуникаций, здравоохранения, образования и др.

Помимо интенсивных связей по линии дипломатических ведомств, создающих благоприятный политический фон в двусторонних отношениях, ведется активная работа в рамках *парламентской дипломатии* по линии действующих механизмов – «Японская парламентская лига дружбы с Узбекистаном» и лига дружбы «Демократическая партия Японии – Узбекистан», узбекская межпарламентская группа «Олий Мажлис – Парламент Японии». Их работа является примером взаимного проецирования «мягкой силы».

С учетом высокого экономического и технологического потенциала регионов Японии и их богатого опыта в вопросах территориального управления и инфраструктурного обустройства разрабатываются проекты в формате *парадипломатии*, в том числе через использование перспективных возможностей партнерских связей между г.Ташкентом и Нагоя (префектура Аичи), Самаркандом и Нара (префектура Нара), а также между Самаркандской областью и префектурой Нара. Активизируется деятельность Узбекско-Японской конференции по развитию городской инфраструктуры.

Таким образом, широкое *взаимное применение* инструментов и механизмов «мягкой силы» между Узбекистаном и Японией, которое на высоком уровне продолжается и на современном этапе, заполняет весь спектр межгосударственных отношений.

Итоги декабрьского 2019 г. официального визита Президента Узбекистана в Страну восходящего солнца открыли новую страницу в укреплении взаимного доверия между лидерами двух стран и взаимовыгодного межгосударственного сотрудничества. Насыщенность программы и подписание в ходе визита 48 соглашений и контрактов на общую сумму 6,5 млрд долл. продемонстрировали успех открытой и глубоко продуманной внешнеполитической деятельности нашей страны, ее нацеленность на достижение национальных интересов республики¹⁷⁰.

В ходе рассматриваемого этапа основным посылом международному сообществу относительно места и роли Узбекистана в мировой культурно-цивилизационной матрице стало стремление «расширять и укреплять международное духовное сотрудничество, широко интегрироваться в мировое интеллектуальное пространство»¹⁷¹.

¹⁷⁰ Камиллов А. Каких успехов добивается Узбекистан во внешней политике во главе с Шавкатом Мирзиёевым // Народное слово, 30 декабря 2019 г. // <http://xs.uz/ru/post/kakikh-uspekhev-dobivaetsya-uzbekistan-vo-vneshnej-politike-vo-glave-s-shavkatom-mirziyoevym>.

¹⁷¹ Каримов И.А. Выступление на заключительном заседании 155-й Сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО. 6 ноября 1998 г., Ташкент // Свое будущее мы строим своими руками. Т.7. – Ташкент: «Узбекистон», 1999. – С.201.

Второй этап использования потенциала «мягкой силы» Узбекистана с 2001 по 2012 г. характеризуется противодействием вызовам и угрозам.

Конец 90-х – начало 2000-х годов отмечены серьезным обострением региональной ситуации в Центральной Азии, в целом изменением баланса сил на международной арене, в первую очередь в связи с началом военной кампании международной коалиции в Афганистане после масштабных террористических актов в США 11 сентября 2001 г.¹⁷². Фактически в результате антитеррористической операции в Афганистане «изменился геополитический расклад сил в регионе»¹⁷³.

Военное присутствие США в Афганистане и приграничных с ним Узбекистане и Кыргызстане, создание международной антитеррористической коалиции, в том числе при поддержке и участии России и других государств Центральной Азии, привели к коренному переустройству системы региональной безопасности. Эти события дали толчок к «трансформации внешних параметров стратегических отношений в Центральной Азии», при этом «Вашингтон стал оказывать значительное влияние на региональную систему. С разворачиванием американского военного присутствия в Центральной Азии осложнилось стратегическое положение Китая», «возникли новые стимулы к активизации Китаем многосторонней дипломатии в регионе и двусторонних связей с местными странами в сфере безопасности и энергетического сотрудничества». «Возникновение военного присутствия США на южных рубежах Центральной Азии резко увеличило конкурентность региональной среды для российских интересов»¹⁷⁴.

В тот период не менее важное значение имел заметный рост политико-дипломатической активности, расширение влияния на государства Центральной Азии таких региональных держав, как Индия, Пакистан, Иран, а также стран Персидского залива.

Регион на волне значительных геополитических флуктуаций переместился и по сути до сих пор находится в центре глобальных процессов в качестве важного субъекта мировой политики. Начало 2000-х годов отмечено динамичным процессом диффузии силы в регионе, характеризующимся активным вовлечением нетрадиционных для этого пространства акторов во внутрирегиональные дела, прежде всего через факторы Афганистана и борьбы с терроризмом.

¹⁷² Каримов И.А. Заявление Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова // За безопасность и мир надо бороться. – Ташкент: «Узбекистон», 2002. – С. 107.

¹⁷³ Алимов Р.М. Центральная Азия: общность интересов. – Ташкент: «Шарк», 2005. – С.159.

¹⁷⁴ Богатуров А., Дундич А., Троицкий Е. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах. Очерки текущей политики. – М.: НОФМО, 2010. – С. 31-32 // <http://www.obraforum.ru/pdf/broshura4.pdf>.

Есть определенные основания утверждать, что в Центральной Азии в тот период начали наиболее ярко проявляться признаки геополитического плюрализма, концепцию которого признанный классик современной политологии Зб.Бжезинский выдвинул еще в 1994 г. в своей работе «Преждевременное партнерство» как долгосрочную стратегию США на постсоветском пространстве. Более того, по нашему мнению, влиятельные внерегиональные центры силы в лице США и европейских держав под эгидой НАТО получили военно-стратегический доступ к ранее практически закрытому для них континентальному массиву Евразии и, что необходимо констатировать, до сих пор сохраняют присутствие «жесткой силы» на афганской территории.

В одном из интервью в рамках посещения региона в 2003 г. Зб.Бжезинский высказался относительно высокой культурно-цивилизационной роли и места Узбекистана: «В США мы знаем, каких горизонтов знаний на протяжении многих веков достигала эта страна и регион в целом, являясь центром мысли и инноваций, и это отразилось в постоянном освоении новых сфер. Узбекистан является ярчайшим примером источника знаний – не важно, в какой сфере, будь то математика или астрономия, философия или теология». Зб. Бжезинский подчеркивал «отличительную атмосферу», сильное развитие «чувства национального самосознания и достоинства» у народа Узбекистана и стремление к «самоутверждению» даже в годы советской власти, и именно эти качества придают силу Узбекистану и привели к независимости. Поразившись масштабом новостроек в Узбекистане, особенно в Ташкенте, политолог отмечал, что столица страны «приобретает монументальный величественный облик, что придает новый имидж и статус столице республики». По мнению Зб. Бжезинского, «американская поддержка геополитического плюрализма обрела форму политической поддержки, в частности Украины, Грузии, Узбекистана, Казахстана...»¹⁷⁵.

Глубокое переформатирование международных отношений, особенно в связи с усилением внимания великих держав к региону Центральной Азии, беспрецедентный всплеск террористической активности и экстремизма внутри страны и на сопредельных территориях вызвали ответную реакцию Узбекистана, который в складывающихся обстоятельствах был вынужден пойти на секьюритизацию внутренней и внешней политики, формирование необходимых условий для достойного ответа новым угрозам и вызовам.

¹⁷⁵ Зб. Бжезинский: «Узбекистан рассматривается США как стратегически важный друг» // <https://www.fergananews.com/articles/2301>.

Более того, на международное позиционирование Узбекистана серьезно повлияла череда «цветных революций» в Грузии (2003 г.), Украине (2004 г.) и Кыргызстане (2005 г.), вызванных множественными факторами внутреннего и внешнего порядка, с учетом принадлежности нашей страны к общему постсоветскому пространству¹⁷⁶.

Трагические события в г.Андижане в мае 2005 г., последовавшая за ними информационная война ряда государств Запада против Узбекистана по надуманным причинам¹⁷⁷, введение ограничительных мер Евросоюза и массированная критика США¹⁷⁸ по вопросам соблюдения прав человека и демократии имели негативное влияние на авторитет и имидж страны, препятствовали продвижению «мягкой силы» на региональной и международной арене и сковывали ее потенциал. По признанию американских ученых Ф. Старра и С. Корнелла, в 2005 г. отношения Узбекистана, который был и является геостратегической сердцевиной Центральной Азии, с Западом были близки к коллапсу¹⁷⁹.

Важно отметить ключевую роль дипломатического компонента «мягкой силы», когда путем формального и неформального общения и диалога с однозначно поддерживавшими Узбекистан союзниками и партнерами, с одной стороны, и тогдашними внешними политическими оппонентами – с другой были постепенно выравнены отношения с государствами Запада. Безусловно, это было результатом кропотливой и системной работы всего внешнеполитического аппарата страны, негосударственных акторов, стремившихся путем применения традиционных методов и возможностей публичной дипломатии довести до политикоформирующих кругов и широкой международной общественности объективную картину происходивших в то время внутренних процессов.

В тот же период, а именно в июне 2004 г. в г.Ташкенте лидеры Республики Узбекистан и Российской Федерации подписали Договор о стратегическом партнерстве, в котором, помимо пунктов о совместном противодействии вызовам и угрозам и расширении сотрудничества в различных областях, особое место занимает взаимодействие в гуманитарной сфере с отдельным акцентом на «сближение национальных систем образования и науки» и «подготовку профессиональных кадров»¹⁸⁰.

¹⁷⁶ Несмотря на достаточно негативное отношение к понятию «постсоветское пространство» многих политиков и ученых, мы используем его за неимением альтернативных терминов, охватывающих все разнородное и фрагментированное пространство бывшего Союза.

¹⁷⁷ Каримов И.А. Правда всегда должна быть незыблемым условием журналистики // Узбекский народ никогда и ни от кого не будет зависеть. Т.13. – Ташкент: «Узбекистон», 2005. – С. 203.

¹⁷⁸ Starr F.S., Cornell S.E. The long game on the Silk Road. US and EU strategy for Central Asia and the Caucasus. – New York: Rowman and Littlefield, 2018. – P. 85.

¹⁷⁹ Там же. – P. 43.

¹⁸⁰ Договор между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией о стратегическом партнерстве, г. Ташкент, 16 июня 2004 г. // <https://lex.uz/docs/1307741>.

В 2005 г. в г. Москве подписан Договор о союзнических отношениях, где стороны обязались предоставлять необходимую взаимную помощь, включая военную, в случае совершения акта агрессии против одной из сторон; одновременно стороны договорились создавать «благоприятные условия для поддержания и развития прямых контактов между людьми» и содействовать «совершенствованию договорно-правовой базы сотрудничества в гуманитарной сфере»¹⁸¹.

Знаменательным событием в узбекско-российском интеллектуальном взаимообмене стал приезд в июне 2005 г. в Узбекистан делегации российских политологов и журналистов во главе с президентом Фонда «Политика» Вячеславом Никоновым¹⁸². В данном контексте нельзя не упомянуть многогранную академическую и общественную деятельность покойной Ширин Акинер – британского профессора, ведущего эксперта по Центральной Азии, которая «не страдала западноцентричной позицией и смотрела на регион с точки зрения широкой стратегической парадигмы». Она, будучи выдающимся ученым, «переживала вместе с нашей страной хорошие и трудные времена», своей активной позицией пыталась доводить до мировой общественности сбалансированную аналитику и видение событий в Узбекистане и Центральной Азии¹⁸³. Ш. Акинер по сути выступала в роли медиатора между Узбекистаном и политикоформирующими кругами Запада.

Узбекистан в те годы под давлением обстоятельств в значительной степени переориентировал свои внешнеполитические и внешнеэкономические ресурсы на российское направление, пространство СНГ и азиатский вектор, получил неоспоримые положительные дивиденды от этой скорректированной стратегии, если учесть общепризнанное смещение баланса силы на Восток.

В тот же период последовательный и конструктивный внешнеполитический курс вкупе со сдержанной и продуманной позицией Узбекистана относительно событий на юге Кыргызстана в 2010 г., прием на территории республики более 100 тыс. беженцев из Ошской и Джалалабадской областей получили позитивную оценку международного сообщества. Фактически в тот период посредством демонстрации «мягкой силы» удалось предотвратить непредсказуемое скатывание ситуации к серьезному межгосударственному конфликту, принимая во внимание масштабность и трагичность гуманитарной ситуации, трансграничную специфику конфликта и наличие сотен тысяч невидимых социальных сетей, связывающих приграничные зоны двух соседних государств. Таким образом, Узбекистан в очередной раз проявил миролюбивость и конструктивность своей внешней политики, укрепив образ ответственного дальновидного

¹⁸¹ Договор между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией о союзнических отношениях, г.Москва, 14 ноября 2005 г. // <https://lex.uz/docs/1345957>.

¹⁸² <https://ria.ru/20050611/40508141.html>.

¹⁸³ Памяти Ширин Акинер (1942-2019) // *Международные отношения*. – Ташкент, 2019. – №1 (75). – С. 96-98.

регионального и международного партнера. Тем самым совместно с партнерами по Центральной Азии и при участии международных институтов была сохранена стабильность региональной системы безопасности.

Рассматриваемый период стал одним из поворотных для Узбекистана с точки зрения отстаивания национальных интересов, сохранения мира и стабильности, дальнейшей диверсификации внешних связей. На данном историческом этапе «взаимное доверие, близость позиций, долгосрочная природа взаимных отношений государств региона в совокупности выступают необходимыми предпосылками создания действенной системы безопасности Центральной Азии»¹⁸⁴. *Благоприятный имидж страны стал важнейшим аспектом обеспечения ее безопасности.*

В русле многостороннего межгосударственного сотрудничества Узбекистан стал соучредителем ШОС (2001 г.) и принял в г. Ташкенте штаб-квартиру РАТС ШОС (2004 г.), восстановил участие в ОДКБ (2006 г.), что говорит в пользу акцента на парадигму «умной силы» во внешней политике в этот период. В том же ключе следует рассматривать выдвинутую первым главой государства в рамках саммита НАТО/СЕАП в г.Бухаресте (апрель 2008 г.) инициативу по созданию контактной группы по Афганистану «6 плюс 3», которая стала одной из реальных дипломатических попыток достижения международного консенсуса по данной застарелой проблеме¹⁸⁵.

В связи с тесной взаимосвязью между религиозной ситуацией, или религиозным фоном, состоянием системы национальной безопасности в республике и выстраиванием сбалансированных отношений с государствами арабо-мусульманского пояса Узбекистаном в этот период предприняты активные шаги по продвижению «мягкосиловой» политики в этой части мира по принципу *регионального целеполагания*. Тем самым был достигнут определенный стратегический баланс с точки зрения диверсификации внешней политики и внешнеэкономических связей.

В странах данной геополитической зоны существовало двойное отношение к Узбекистану в связи с советским наследием преследования ислама. После серии визитов в страны Персидского залива на высшем уровне (Кувейт¹⁸⁶, ОАЭ¹⁸⁷, Оман¹⁸⁸, Катар¹⁸⁹) и ряда ранее указанных

¹⁸⁴ Бобокулов И.И. Международно-правовые аспекты обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии: вопросы теории и практики: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – Ташкент: УМЭД, 2010. – С.28.

¹⁸⁵ Каримов И.А. Выступление на саммите НАТО/СЕАП 2 апреля 2008 г. // По пути модернизации и устойчивого развития экономики. Т.16. – Ташкент: «Узбекистон», 2008. – С.244.

¹⁸⁶ Сотрудничество Республики Узбекистан со странами Среднего, Ближнего Востока и Африки // <https://mfa.uz/ru/cooperation/countries/59>.

¹⁸⁷ СМИ Объединенных Арабских Эмиратов широко освещают визит Ислама Каримова // <http://uza.uz/ru/programs/17.03.2008>.

¹⁸⁸ Узбекистан-Оман: новые возможности сотрудничества // <http://www.uza.uz/ru/politics>. 05.10.2009.

¹⁸⁹ Начался официальный визит Ислама Каримова в Катар // <http://www.uza.uz/ru/politics>. 23.11.2010.

международных мероприятий по религиозной тематике Узбекистан начинает восприниматься мусульманской уммой как международный центр исламского просвещения, родина великих теологов, что открывает возможности для укрепления авторитета и роста притягательности страны в этой стратегически важной части мира.

Особое значение имеет позиционирование Узбекистана в качестве светского государства с прогрессивной внутренней и внешней политикой, одновременно глубоко уважающего и сохраняющего национальные и духовно-религиозные ценности. В этом отношении показательно установление памятника уроженцу Ферганской долины и автору знаменитого ниломера ал-Фергани в Каире¹⁹⁰.

Такие же цели преследовало проведение в августе 2007 г. Международной научно-практической конференции «Вклад Узбекистана в развитие исламской цивилизации»¹⁹¹. В том же году Организация Исламская Конференция (после 2011 г. Организация исламского сотрудничества) за большие заслуги в сохранении наследия ислама избрала город Ташкент в качестве столицы исламской культуры.

В это время продолжалась работа по укреплению международного имиджа на основе продвижения культурно-исторических ценностей узбекского народа. Под эгидой ЮНЕСКО прошли международные мероприятия по случаю 2700-летия Шахрисабза (ноябрь 2002 г.), 2700-летия города Карши (август 2006 г.), 2750-летия города Самарканда (август 2007 г.), 2000-летия города Маргилана (сентябрь 2007 г.), 2200-летия города Ташкента (сентября 2009 г.). В ноябре 2003 г. состоялось открытие мемориального комплекса Бахоуддина Накшбанда, а в ноябре 2006 г. – торжества, посвященные 1000-летию Хорезмской Академии Маъмуна. Эти мероприятия способствовали значительному укреплению национальной идентичности. Эти знаковые точки на культурной карте страны остаются полюсами притяжения для граждан страны, иностранных паломников и туристов.

С учетом нерешенности водно-энергетических и экологических вопросов в Центральной Азии, как одной из главных угроз национальной безопасности, возникновения ряда конфликтов с Таджикистаном и Кыргызстаном на этой почве Узбекистан предпринял ряд мер для закрепления собственной политико-дипломатической площадки по данной проблематике¹⁹². В марте 2008 г. проведена Международная

¹⁹⁰ Каримов А. Узбекистан – Египет: открываются новые возможности для сотрудничества // <http://www.isrs.uz/ru/page/pdf/uzbekiston-misr-amkorlikning-angi-boskici>.

¹⁹¹ Конференция «Вклад Узбекистана в развитие исламской цивилизации» вызвала большой общественный резонанс // <http://uza.uz/ru/politics/16.08.2007>.

¹⁹² Центральная Азия: вода и конфликт. Report 34. Europe & Central Asia. 30 May, 2002 // <https://www.crisisgroup.org/ru>.

конференция «Проблемы Арала, их влияние на генофонд населения, растительный и животный мир и меры международного сотрудничества для смягчения их последствий»; в ноябре 2010 г. организована Международная конференция «Трансграничные экологические проблемы Средней Азии: применение международных правовых механизмов для их решения»; в мае 2011 г. прошла Региональная конференция по подготовке 6-го Всемирного водного форума. Использование многосторонних форматов в качестве механизмов «мягкой силы» предоставляет субъектам конфликтов возможность довести до партнеров свою позицию, самортизировать напряженность в отношениях и найти разумные пути решения общих проблем.

Во внутриполитическом поле произошли важные подвижки в сферах государственного управления (создание двухпалатного парламента, расширение полномочий правительства), реформирования судебно-правовой системы (внедрение института хабеас-корпус, отмена смертной казни) и многое другое. Следует признать, что, несмотря на последовательные реформы в сфере демократизации и укрепления прав и свобод граждан, Узбекистан продолжал оставаться объектом критики ряда международных правозащитных организаций и правительств западных государств, что оказывало неблагоприятное влияние на репутацию страны за рубежом. Исследователи называют различные мотивы таких политических подходов в отношении Узбекистана, которые, возможно, в последующем станут темой для объективного исторического анализа.

По нашему мнению, это тот случай, когда внутренние детерминанты «мягкой силы» (речь идет, во-первых, о собственно недостатках общественно-политических реформ, во-вторых, об изъянах в формировании эффективной системы коммуникации достигнутых позитивных изменений до зарубежной профессиональной и широкой общественности) имеют влияние на создание благоприятного образа государства на внешнем треке.

Рассматриваемый период формирования и применения «мягкой силы» связан с конкретной исторической фазой развития Узбекистана, которая характеризуется осложнением региональной и международной обстановки, усилением угроз и вызовов безопасности страны, негативными последствиями мирового финансово-экономического кризиса 2008 г., а также *преимущественным применением дипломатических и военно-политических инструментов во внешней политике.*

Во многом благодаря комплексному подходу к вопросам сохранения международного имиджа и авторитета, который предусматривает принятие широких внутри- и внешнеполитических мер, Узбекистан

успешно скорректировал отношение к себе международного сообщества и создал максимально благоприятные внешние условия для устойчивого развития государства и общества¹⁹³.

По оценке Ф.Старра и С.Корнелла, «государства Центральной Азии и Кавказа заняли свое место на мировой арене, добились развития глубоких и всесторонних отношений с зарубежными государствами в экономической, политической и военной сферах»¹⁹⁴.

Третий этап с 2012 по 2016 г. характеризуется **концептуальным закреплением основ и развитием «мягкой силы» Узбекистана**. В 2012 г. была принята Концепция внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан¹⁹⁵. В документе дана оценка трансформации современной системы международных отношений в контексте интересов Республики Узбекистан, определены основная цель, принципы, задачи, а также приоритеты внешней политики государства. Раскрыты процессы формирования и механизмы реализации внешнеполитической деятельности Узбекистана. Положения Концепции базируются на Конституции Республики Узбекистан, Законе «О международных договорах Республики Узбекистан» и других нормативно-правовых актах государства и соответствуют общепризнанным нормам и принципам международного права, включая Устав ООН, Всеобщую Декларацию прав человека, Декларацию о принципах международного права и Хельсинский Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

С учетом складывающейся ситуации в мире и регионе, а также в соответствии с принципиальной позицией Республики Узбекистан по актуальным вопросам международного и регионального развития в Концепции были сформулированы следующие основные положения.

Республика Узбекистан оставляет за собой право заключать союзы, входить в содружества и другие межгосударственные образования, а также выходить из них, руководствуясь высшими интересами государства, народа, его благосостояния и безопасности, приоритетными направлениями модернизации страны, действующим национальным законодательством и принятыми международными обязательствами.

¹⁹³ Международная научно-практическая конференция по книге Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова «Мировой финансово-экономический кризис, пути и меры по его преодолению в условиях Узбекистана». 22 мая 2009 г., г. Ташкент. Международное признание узбекской модели реформ // <http://uza.uz/ru/laws>. 22.05.2009-6575.

¹⁹⁴ Starr F.S., Cornell S.E. The long game on the Silk Road. US and EU strategy for Central Asia and the Caucasus. – New York: Rowman and Littlefield, 2018. – P. 23.

¹⁹⁵ Концепция внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан. Утверждена Законом Республики Узбекистан № ЗРУз-330 от 10 сентября 2012 г.

Узбекистан проводит миролюбивую политику и не принимает участия в военно-политических блоках, оставляет за собой право выхода из любого межгосударственного образования в случае его трансформации в военно-политический блок.

Республика Узбекистан принимает политические, экономические и иные меры по предотвращению своего вовлечения в вооруженные конфликты и очаги напряженности в сопредельных государствах, а также не допускает на своей территории размещения иностранных военных баз и объектов.

В соответствии с Конституцией, Законом «Об обороне», Военной доктриной Вооруженные Силы Республики Узбекистан создаются исключительно для защиты государственного суверенитета и территориальной целостности страны, мирной жизни и безопасности ее населения и не принимают участия в миротворческих операциях за рубежом.

Впервые в истории Узбекистана в разделе «II. Основная цель, принципы и задачи внешней политики Узбекистана» нормативного документа утверждено положение об «укреплении международного имиджа страны в качестве надежного и ответственного политического и торгово-экономического партнера, доведении до мирового сообщества объективной и достоверной информации» о внешней и внутренней политике республики, поставлена задача «усиления инвестиционной, туристической, культурно-исторической привлекательности страны за рубежом».

В качестве механизмов внешней политики нормативно обозначено применение методов «народной дипломатии», международного взаимодействия в гуманитарной сфере, в области культуры, искусства, науки, спорта и туризма.

Таким образом, изложенные в Концепции доктринальные установки формировались с опорой на опыт прошедших лет независимого развития, с учетом динамично меняющихся международно-политических реалий и накопленного опыта осуществления сбалансированного и конструктивного внешнеполитического курса на базе императива обеспечения благоприятных внешних условий для устойчивого развития и обеспечения внутренней стабильности.

Концептуальный документ в полной мере соответствует классическому пониманию «внешней политики как инструмента достижения реальных результатов в процессе защиты национально-государственных интересов и обеспечения национальной безопасности»¹⁹⁶.

Рассматриваемый период отличается последовательным укреплением внутренних источников «мягкой силы». Международные мероприятия с участием авторитетных зарубежных представителей по

¹⁹⁶ Гаджиев К. Слово в защиту верховенства Вестфальских принципов // Международная жизнь. – М., 2018 – Ноябрь. – С.165.

таким темам, как образование, здравоохранение, историческое наследие народа, экология, социальное и экономическое развитие, энергетика и др., придали мощный импульс для развертывания внутренних и внешних источников «мягкой силы», в первую очередь в целях доведения до мирового сообщества информации о социально-экономических достижениях и национально-культурном наследии страны¹⁹⁷. Тем самым Узбекистан создавал собственную международную площадку для продвижения «мягкой силы», одновременно используя весь арсенал внешнеполитической системы. До зарубежных политических кругов и экспертного сообщества на высоком уровне доводилась информация и аналитика относительно внутренних процессов в стране.

Рассмотрим опыт применения методов «мягкой силы» Узбекистана на платформе приоритетного в тот период двустороннего сотрудничества с ключевыми зарубежными партнерами.

В *российских политических и интеллектуальных кругах* позитивно воспринимается бережное отношение в Узбекистане к русской культуре и искусству, в том числе создание музея им. А. Савицкого¹⁹⁸, установка памятника А.С. Пушкину в новом месте в г. Ташкенте, сеть изучения русского языка, открытие филиалов ряда российских вузов в Узбекистане и многое другое.

Данное обстоятельство выносит на передний план необходимость разработки мер по расширению «мягкой силы» Республики Узбекистан на российском поле с использованием всего апробированного инструментария и новых форм, методов ее продвижения.

Большинство доступной научной литературы и аналитики по данной теме посвящено реализации политики «мягкой силы» России в отношении Центральной Азии и Узбекистана. Существуют работы по компаративному анализу «мягкосилового» воздействия на регион со стороны ведущих мировых держав. Однако в политологическом дискурсе существует заметный дефицит обобщенных материалов о возможностях «мягкой силы» Узбекистана для ее применения на пространстве СНГ. В то же время

¹⁹⁷ Международная конференция «Подготовка образованного и интеллектуально развитого поколения – как важнейшее условие устойчивого развития и модернизации страны» (февраль 2012 г.); Международная конференция «Роль и значение малого бизнеса и частного предпринимательства в реализации социально-экономической политики в Узбекистане» (сентябрь 2012 г.); Международная конференция «Современное жилищное строительство как локомотив комплексного развития и преобразования села, улучшения качества жизни населения» (апрель 2013 г.); Международная научно-практическая конференция «Здоровое поколение – будущее нации» (апрель 2013 г.); Шестое заседание Азиатского форума по солнечной энергии (ноябрь 2013 г.); Международная конференция «Историческое наследие ученых и мыслителей средневекового Востока, его роль и значение для современной цивилизации» (май 2014 г.); Международная конференция «Развитие сотрудничества в регионе бассейна Аральского моря по смягчению последствий экологической катастрофы» (октябрь 2014 г.).

¹⁹⁸ Государственный музей искусств имени И.В. Савицкого // <http://mice-uzbekistan.uz>.

недостаток таких разработок ни в коей мере не исключает реального существования этого интересного феномена, требующего всесторонних теоретических и прикладных исследований с позиций политологии и на междисциплинарном уровне.

В этой связи возникают вопросы: каково восприятие образа Узбекистана в России? Как Узбекистан мог бы воспользоваться накопленным позитивным активом и потенциалом «мягкой силы» на российском направлении в своих национальных интересах и в пользу дальнейшего развития многогранных узбекско-российских отношений?

Определяя самые общие подходы к изучению данных непростых вопросов, следует учесть следующие ключевые факторы:

- многослойность и историческая обусловленность традиционно тесных политико-дипломатических связей между двумя государствами, наличие общей истории и в целом цивилизационного пространства;

- очевидная масштабность и глубина социальных и экономических связей между двумя дружественными народами, формировавшихся столетиями и накладывающих заметный отпечаток на характере взаимного восприятия; неразрывность и устойчивость такого перекрестного движения огромных масс людей, обусловленного географической близостью, открытостью границ и естественным обоюдным интересом в поддержании и развитии этого процесса;

- общность и различие культурно-ценностных ориентиров двух стран, когнитивные особенности культурно-гуманитарного взаимодействия и их подверженность политической конъюнктуре;

- проживание на территории Узбекистана и России большого числа соотечественников и диаспор;

- множественные внешние факторы, оказывающие влияние на разворачивание «мягкой силы» с одной и другой стороны.

Перечисленное, по нашему убеждению, является лишь частью факторов, способствующих или препятствующих взаимному проецированию Узбекистаном и Россией своей «мягкой силы». Представители различных научных дисциплин, в том числе политологи, экономисты, историки, социологи, психологи, антропологи, этнографы и культурологи, могут продолжить этот перечень факторов. Это еще раз подчеркивает актуальность данной темы, тщательная разработка которой весьма востребована и может способствовать научному осмыслению динамики узбекско-российских отношений на современном этапе.

Говоря о феномене «мягкой силы» в контексте двусторонних связей, мы исходим из принципа ее *взаимного проецирования* не в ущерб, а в интересах сотрудничества, если принять в качестве константы их де-факто и де-юре союзнический и партнерский характер.

Анализируя потенциальные возможности проецирования «мягкой силы» Узбекистана на российском треке, предлагаем стратифицировать объекты ее целеполагания на основе рассмотрения вопроса о специфике и различиях восприятия Узбекистана в российском обществе.

Во-первых, политикоформирующие круги в России рассматривают Узбекистан в качестве ключевого и надежного партнера и союзника в Центральной Азии – стратегически важном для долгосрочных российских интересов регионе, признают историко-цивилизационные ценности и с уважением относятся к уникальным культурным и историческим традициям его народа. Узбекско-российские отношения представляют собой несущий элемент в системе обеспечения стратегической стабильности на евразийском пространстве. Такие условия создают широкие возможности для укрепления политико-дипломатических, торгово-экономических и культурно-гуманитарных отношений на равноправной и взаимовыгодной основе.

Ключевым фактором высокого уровня отношений являются доверительные и постоянные контакты между лидерами двух стран. Стороны эффективно используют разноуровневую и разветвленную инфраструктуру межгосударственного взаимодействия – от межмидовских консультаций до межправительственных институтов кооперации; действуют инструменты межпарламентских связей, публичной дипломатии, механизмы культурно-гуманитарных мероприятий в формате министерств и ведомств.

Межгосударственное взаимодействие опирается на солидную двустороннюю и многостороннюю договорно-правовую основу, которая систематически анализируется и совершенствуется.

Неизбежные различия в подходах к решению ряда международных проблем являются преодолимыми, открыто доводятся до партнера, не препятствуя магистральным направлениям взаимодействия.

Таким образом, налицо сбалансированное распределение силы и отработанная система сдержек и противовесов во взаимоотношениях, которые позволяют выносить и решать самые масштабные вопросы сотрудничества, на обоудовыгодной и одновременно доверительной основе обсуждать весьма деликатные проблемы региональной и международной безопасности и стабильности.

Во-вторых, на уровне интеллектуальных и региональных элит, малых и крупных экономических субъектов, неправительственных организаций созданы продуктивные сетевые связи, формирующие фундамент двусторонних отношений. Именно на этой площадке субъекты «мягкой силы» Узбекистана могли бы усилить свою активность в целях более

эффективного доведения выгодного нарратива о потенциале и возможностях страны, формирования ее благоприятного имиджа и укрепления авторитета. Сквозной идеологемой в этом процессе является раскрытие преимуществ сотрудничества с Узбекистаном, правильное доведение до российских партнеров информации о происходящих в стране позитивных изменениях, культурных и иных традициях народа для укрепления влияния в российском обществе. Подобное поведение вызывает симпатию, а симпатия вызывает уступки, что в конечном итоге способствует развитию продуктивного сотрудничества. К сожалению, в рассматриваемый период этому сегменту проецирования «мягкой силы» уделялось недостаточное внимание.

В-третьих, наиболее обширной социальной стратой, на которую можно было опереться, является широкая общественность. В российском обществе, не считая маргинальную ее часть, существующую практически в любой стране, мнение людей играет ключевую роль в формировании образа какой-либо страны и ее народа. Решающее значение в выстраивании политики «мягкой силы» Узбекистана на российском поле имеет то, насколько позитивно воспринимают нашу страну лидеры общественного мнения – политики, деятели науки, культуры и искусства, аналитики, авторитетные представители средств массовой информации. Культивирование на этом социальном уровне притягательных образов и позитивных символов о настоящем и прошлом Узбекистана может иметь долгосрочный и устойчивый эффект.

Особое место в этом процессе занимают трудовые мигранты из Узбекистана, которые в различных социальных слоях российского общества воспринимаются в положительном ключе и несут в себе лучшие качества узбекского народа – трудолюбие, порядочность, открытость, толерантность и щедрость.

Такую же немаловажную нагрузку несут диаспоры и соотечественники как в Узбекистане, так и в России. В этой связи структурированная и грамотно выстроенная публичная и народная дипломатия Узбекистана могла бы реализовать свой потенциал в российском направлении, укрепить традиции узбекско-российского культурного взаимодействия.

В этом контексте весьма показательна многогранная деятельность предпринимателя и мецената Алишера Усманова по реализации различных крупных проектов на его исторической Родине, в первую очередь в рамках Фонда «Искусство, наука и спорт».

Полезен опыт Сталика Ханкишиева – выходца из Ферганы, писателя, телеведущего и кулинара, который вносит вклад в популяризацию узбекской кухни и культуры. Поэтому целесообразно максимально

использовать потенциал Узбекистана в дальнейшем продвижении *гастродипломатии*, если принять во внимание, что национальная кухня – это мультиаспектный феномен, выполняющий «духовно-моральную, культурную, социальную, дипломатическую и экономическую функции»¹⁹⁹.

В рассматриваемый период укреплялись и *узбекско-китайские отношения*. Узбекистан и Китай унаследовали давние традиции межкультурного и межцивилизационного взаимодействия. Узбекистан начал ассоциироваться у китайского общества как одно из государств-наследников Великого Шелкового пути, ветви которого брали начало в китайском Сиане (родине председателя КНР Си Цзиньпина) и проходили через Самарканд далее на Запад²⁰⁰. Этот образ имеет перспективу для разработки с учетом реализуемого Пекином проекта «Один пояс, один путь». Взаимное уважение к культурно-историческим и духовным ценностям двух народов, признание национальной идентичности и моделей общественно-политического развития уже многие годы рассматриваются несущим фундаментом узбекско-китайских отношений.

В рамках динамично развивающегося стратегического партнерства между Узбекистаном и Китаем активно развиваются отношения в сферах культуры, науки и техники. Например, важную роль играют Общество дружбы «Узбекистан-Китай» и Общество дружбы «КНР – страны Центральной Азии». Развитию сотрудничества в сфере культуры способствовала Программа о сотрудничестве между Министерством по делам культуры и спорта Узбекистана и Министерством культуры Китая на 2011–2013 годы. Так, в 2011 г. в городах Пекине и Сиань прошла Неделя культуры Узбекистана, а в 2012 г. в Ташкенте и Самарканде – Неделя культуры Китая. В ряде крупных городов Китая была организована художественная выставка «Работы известных художников Узбекистана». В городе Чанчунь провинции Цзилинь в рамках 6-го Форума мировой скульптуры открыт первый в Китае памятник представителю узбекской культуры – великому миниатюристу Камолиддину Бехзоду.

В мае 2013 г. в Шанхае состоялось открытие первого в КНР Центра исследований Узбекистана и образовательных обменов на базе НИИ публичной дипломатии ШОС при Шанхайском университете.

В области образования увеличивается обмен студентами и стажерами по государственной и межведомственным линиям, в том числе в рамках изучения китайского и узбекского языков. В Институте имени Конфуция в

¹⁹⁹ Абдуазимов М. Гастродипломатия: мировой опыт и потенциал Республики Узбекистан // Международные отношения. – Ташкент, 2017, №2 (68). – С. 5.

²⁰⁰ «Один пояс, один путь»: полный текст речи Си Цзиньпина на Форуме ОПОП, г.Пекин, май 2017 г. <https://inosmi.ru/politic/20170519/239391693.html>.

г. Ташкенте ежегодно обучаются более 350 слушателей. В Центральном университете национальностей Китая с июня 2010 г. отделение узбекского языка вошло в созданный факультет русского языка и языков стран Центральной Азии. С 2012/2013 учебного года узбекский язык начал факультативно преподаваться в Пекинском университете иностранных языков.

Согласно двустороннему соглашению и в рамках ШОС, правительство КНР предоставляет сотни грантов узбекским студентам и стажерам. По линии Института имени Конфуция в Ланчжоуском университете обучаются десятки студентов из Узбекистана. Созданы институты Конфуция в городах Ташкенте и Самарканде.

Представители Узбекистана в КНР проводят десятки мероприятий, посвященных культуре, истории и искусству. Состоялся ряд взаимных визитов делегаций представителей культуры и искусства, в том числе для участия в международном музыкальном фестивале «Шарк тароналари», фестивалях традиционной культуры и искусства.

Стороны уделяют особое внимание сотрудничеству в сфере туризма. С 2010 г. начался процесс предоставления Республике Узбекистан статуса страны туристического назначения для групповых поездок граждан Китая. Туристический потенциал нашей страны был представлен на крупной ярмарке «China Outbound Travel & Tourism Market-2013» (апрель, Пекин), а также на международной профессиональной туристической ярмарке «WTF – 2013» (май, Шанхай)²⁰¹.

Инструменты и механизмы взаимного проецирования «мягкой силы» между Узбекистаном и Китаем достаточно разнообразны и не ограничены временными рамками.

Рассмотрим исторические аспекты культурно-цивилизационного взаимопроникновения народов двух стран, которое служит надежной основой для продвижения разноаспектных интересов Узбекистана в китайском направлении.

Новаторским в этом плане представляется подход Ш.Ф. Нуруллаевой, заместителя директора Института стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан, которая в своей статье «Развитие сотрудничества между Узбекистаном и Китаем через призму укрепления культурно-гуманитарных основ взаимопонимания между народами двух стран: история и современность» подробно и убедительно (на основе обширной эмпирики) раскрыла исторические, культурно-психологические и иные аспекты узбекско-китайских

²⁰¹ Узбекистан-Китай: Новые горизонты стратегического партнерства // <http://uza.uz/ru/politics/uzbekistan-kitai-novye-gorizonty-strategicheskogo-partnerstva-09.09.2013-25180>.

отношений в контексте текущего состояния и перспектив их развития посредством использования таких инструментов и механизмов «мягкой силы», как образование и наука, культурный туризм, публичная, народная и парадипломатия (установление побратимских связей между городами) и других²⁰². Автор приводит сведения о том, что китайский город Шанхай, ставший с 1994 г. городом-побратимом Ташкента, играет весьма заметную роль в развитии узбекско-китайских отношений, в том числе в торгово-экономическом сотрудничестве и культурно-гуманитарном обмене. Побратимские соглашения заключены между городом Сиань и Самаркандом, между провинцией Шаньси и Самаркандской областью. Район Олхай провинции Чжэцзян и Сырдарьинская область заключили соглашение об установлении отношений областей-побратимов благодаря китайскому промышленному парку Пэншэн. Таким образом, между нашими странами образовались четыре пары городов и областей-побратимов.

Ш.Ф. Нуруллаева отмечает, что в Узбекистане созданы все правовые и организационные условия для сохранения и развития самобытной культуры и образа жизни представителей всех диаспор, проживающих в нашей стране. Функционируют 138 национально-культурных центров, в том числе китайский и дунганский.

За годы своего существования (с 2001 г.) Китайским культурным центром проведено немало мероприятий, оставивших заметный след в культурной жизни г.Ташкента и всего Узбекистана, в сердцах представителей различных наций и народностей, принимавших в них участие.

Проживающие в Узбекистане представители дунган, как и представители других диаспор, закономерно имеют желание сохранить свою культурную самобытность. Возрождение дунганской культуры, сохранение и развитие родного языка – важные цели, для достижения которых в ноябре 1990 г. в Ташкенте был создан Дунганский культурный центр. Можно отметить внимательное отношение общества к нуждам дунган, компактно проживающих в так называемых «дунган-махаллях». К примеру, со стороны хокимията – местной администрации Урта-Чирчикского района (Ташкентская область) и Карасувского сельского махаллинского схода граждан (Андижанская область) оказывается посильная помощь в возрождении и развитии самобытной культуры дунган Узбекистана. В рамках образовательной программы в средней школе №42, расположенной в махалле «Карасув», где компактно проживает самая большая диаспора дунган, в 1997 г. было внедрено в практику преподавание на дунганском языке.

²⁰² Нуруллаева Ш. Развитие сотрудничества между Узбекистаном и Китаем через призму укрепления культурно-гуманитарных основ взаимопонимания между народами двух стран: история и современность // <http://www.isrs.uz/ru/maqolalar/razvitie-sotrudnicestva-mezdu-uzbekistanom-i-kitaem-cerez-prizmu-ukrepleniakulturno-gumanitarnyh-osnov-vzaimoponimania-mezdu-narodami-dvuh-stran-istoria-i-sovremennost>.

Ш.Ф. Нуруллаева правомерно делает вывод, что благодаря открытой и конструктивной внешней политике Узбекистана укрепляется обстановка доверия, взаимовыгодные связи со многими странами мира, прежде всего с соседними странами Центральной Азии и близлежащими государствами, в том числе с Китаем.

Основу нарастающей динамики в отношениях с Республикой Корея составляют исторически сложившиеся между узбекским и корейским народами тесные дружеские связи. В VII в. послы корейской династии Когурё побывали на узбекской земле. Наглядные свидетельства об этом сохранены на стенных фресках древнего городища Афросиаб в г.Самарканде, где изображена церемония вручения верительных грамот зарубежных послов правителю Вархуману.

Заслуживает внимания и наличие схожих черт в культуре и менталитете узбекского и корейского народов, в том числе преданность своей стране, бережное отношение к наследию и ценностям предков, доброта и милосердие, щедрость и великодушие, трудолюбие и самоотверженность, искренность и чистота помыслов, уважение к старшим и забота о младших.

Опираясь на такой мощный фундамент, Узбекистан и Южная Корея поддерживают регулярный политический диалог, развивают равноправную и взаимовыгодную кооперацию во многих направлениях на основе принципов особого стратегического партнерства.

Своеобразным мостом между двумя странами является 180-тысячная корейская диаспора, вот уже около 80 лет проживающая в нашей республике в атмосфере мира и согласия. Представители корейской национальности заседают в парламенте Узбекистана, местных Кенгашах народных депутатов, работают в органах государственного управления и во всех социально-экономических отраслях. За годы независимости около 300 представителей корейской диаспоры были удостоены высоких государственных наград.

По мнению Президента Республики Корея Мун Чжэ Ина, «благодаря длительным взаимным контактам сложилось много общего в наших языках и культуре. Традиции отношений взаимопомощи и совместной работы жителей махаллей в Узбекистане и сельских общин «маиль» в Корее во многом очень похожи и наглядно показывают, насколько близки две страны»²⁰³.

²⁰³ Президент Мун Чжэ Ин: «В основе быстрого сближения Республики Корея и Республики Узбекистан лежат отношения дружбы и доверия» // <https://mfa.uz/ru/press/smi/2019/04/18645>.

«Народ Узбекистана тепло принял граждан корейского происхождения, которые более 80 лет назад лишились своего дома. Когда мы вспоминаем о том, что в то время Узбекистан и его население переживали сложные времена, связанные с началом Второй мировой войны, то наша благодарность становится еще больше. Республика Корея испытывает глубокое чувство уважения и дружбы к узбекскому народу, который оказал бескорыстную помощь в трудное время», – заявил Мун Чжэ Ин в своем интервью узбекским журналистам в преддверии своего государственного визита в Узбекистан в апреле 2019 г.²⁰⁴.

Из многолетнего опыта работы с корейскими партнерами мы сделали достаточно важный вывод: корейские деловые круги в больших объемах инвестируют в экономику Узбекистана не только исходя из коммерческого интереса, но и во многом благодаря подчеркнuto внимательному отношению в нашей стране к многочисленной корейской диаспоре. Представители корейского капитала, помимо экономических расчетов, опираются на фактор доверия к Узбекистану и его представителям. Такой притягательный образ не зависит от череды внутривнутриполитических изменений в этой стране.

В узбекско-корейских отношениях с первых лет независимого развития важное значение имел когнитивный фактор, когда философия отношений формировалась под воздействием межличностного фактора, причем не только на высшем уровне, но и в формате торгово-экономических субъектов и культурно-гуманитарных контактов. Любое упоминание о корейцах вызывает положительные эмоции у граждан Узбекистана, а большинство корейцев имеют полное представление о бескорыстном и добросердечном образе нашего народа и страны – второй родине их соотечественников. В двусторонний обиход вошел термин «узбекский кореец» как образ корейца-гражданина Узбекистана, воплощающего лучшие качества обоих народов.

Немного забегаая вперед и отступая от выдерживаемой хронологии этапов становления «мягкой силы» страны, обратим внимание читателя на один важный момент.

Проецированию «мягкой силы» Узбекистана в политикоформирующих кругах Южной Кореи способствует сходство взглядов сторон на мировоззренческом уровне. Президент Республики Корея Мун Чжэ Ин заявил: «Мы с Президентом Шавкатом Мирзиёевым разделяем философию государственного управления, которая ставит на первое место народ и его интересы, и на личном уровне мы также строим отношения тесной братской

²⁰⁴ См.: Там же.

дружбы». Далее он подчеркивал «свое глубокое уважение Президенту Узбекистана – страны, к которой сегодня приковано внимание всего мира и заявлял, что «Шавкат Мирзиёев своими реформами во всех сферах – политике, экономике, социальной жизни – ведет Узбекистан к новой эре развития»²⁰⁵. Заявления корейского лидера – это, без преувеличения, яркое подтверждение притягательности философии и модели государственного управления Президента Ш. Мирзиёева, формирующее принципиально новый образ Узбекистана за рубежом, особенно среди нового поколения лидеров ведущих государств Азии.

По нашему мнению, заявлением о том, что «Республика Узбекистан и Республика Корея будут работать вместе, чтобы открыть эпоху мира и общего процветания в Евразии», глава Республики Корея определяет ключевую системообразующую роль Узбекистана в макрорегионе в качестве ответственного партнера в условиях стремительного изменения глобального и евразийского геополитического ландшафта.

Таким образом, краткий *case-study* использования «мягкой силы» Узбекистана в отношении Республики Корея еще раз подтверждает перспективность и плодотворность этой концепции как нового инструмента во внешнеполитическом арсенале страны.

Следует подчеркнуть, что нынешнее, по сути образцовое состояние узбекско-корейских отношений практически во всех сферах жизнедеятельности – это итог последовательной и планомерной деятельности внешнеполитических и внешнеэкономических структур Узбекистана, многолетнего поиска точек соприкосновения с корейскими партнерами. Это результат кропотливого интеллектуального труда экспертов и дипломатов, участия широкого круга негосударственных акторов, а также политической воли и масштабной организационной и координационной работы руководителя государства.

По признанию части *этнических, религиозных и региональных лидеров Афганистана*, с точки зрения национальной идентичности афганский народ в большей мере относит себя к среднеазиатской, нежели южно-азиатской цивилизации. Большинству людей в Афганистане присущи черты истории, культуры и традиций, характеризующие народы Центральной Азии. На протяжении тысячелетий народы Узбекистана и Афганистана развивались в одном культурно-цивилизационном пространстве²⁰⁶. Это обстоятельство обуславливает широкие возможности для

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на Международной конференции по Афганистану «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие», г. Ташкент, 27 марта 2018 г. // <https://mfa.uz/ru/press/news/2018/03/14321>.

продвижения притягательности Узбекистана на афганском треке с целью «разворота» общественного сознания в этой многострадальной стране в мирное созидательное русло.

С первых лет независимого развития Узбекистана афганское урегулирование оставалось приоритетом внешней политики. Организованная по инициативе главы Узбекистана Международная конференция высокого уровня по Афганистану, которая прошла в Ташкенте в марте 2018 г., стала историческим событием, способствующим консолидации международных усилий по урегулированию афганской проблемы и обеспечению стабильности в ИРА, важным шагом к достижению мира через диалог между правительством и основными внутривнутриполитическими силами. Тем самым Республика Узбекистан еще раз подтвердила свою миролюбивую политику в регионе и ставку на дипломатические и «мягкосиловые» методы решения проблем. Внутриафганские силы и все международные участники урегулирования в Афганистане высоко ценят беспристрастное и нейтральное участие узбекской стороны в процессе умиротворения и в деле оказания разнообразной помощи, содействия в социально-экономической реабилитации этой страны.

В израильском общественном сознании из поколения в поколение передается толерантный образ узбекского народа как одного из спасителей еврейства в годы Холокоста²⁰⁷. Немаловажную роль играют общины бухарских евреев²⁰⁸, столетиями проживавших на территории Мавераннахры. Учитывая влияние еврейских кругов Израиля и США на мировые политические и экономические процессы, внешнеполитический аппарат республики мог бы эффективнее использовать это преимущество.

В Индии и Пакистане среди широкого круга общественности и элиты сохраняется добрая память об исторической эпохе правления Бобуридов (архитектура, традиции, религия, культура)²⁰⁹. В Пакистане почитают наследников родов барласов и чигатаев, выходцев из Бухары, Самарканда и Андижана. Наблюдается живой интерес политикоформирующих кругов этих стран к происходящим в Узбекистане коренным изменениям. Исторические параллели и совпадающие интересы на современном политическом треке могут составить основу для выстраивания политики «мягкой силы» в отношении этих стран.

²⁰⁷ Бабаев Б. Лев Леваев: В Узбекистане теперь есть все возможности для взаимовыгодного бизнеса // <https://icc.uz/archives/3794>.

²⁰⁸ Термин «бухарские евреи» означает «евреи города Бухары» и «евреи Бухарского эмирата». Евреи жили не только в Бухарском эмирате, но и в соседних с ним Хивинском и Кокандском ханствах. Использовался также общий термин по отношению к евреям Средней Азии – «среднеазиатские евреи». Самоназвания евреев Средней Азии было яхуди (иудей), исроил (израиль) и дживут. Окружающее население использовало также существовавшие со времён зороастрийской Сасанидской Персии термины: джугут/джухуд/джууд/джээт/джут (от johūd и jahūd) // <http://www.iranicaonline.org/articles/bukhara-vii>.

²⁰⁹ Хасанов С. Захириддин Мухаммад Бабур: неизгладимый след в истории человечества // <https://mfa.uz/ru/press/news/2018/02/13908>.

Этому процессу призван способствовать запущенный в 2019 г. новый механизм расширенного регионального сотрудничества в формате «Индия плюс Центральная Азия», первая встреча которого успешно прошла с участием Афганистана на уровне министров иностранных дел в г. Самарканде.

В рамках одной монографии сложно охватить всю палитру «мягкосилового» воздействия Узбекистана, описать все процессы и нюансы, связанные с использованием его инструментов и механизмов для достижения конкретных и долгосрочных внешнеполитических целей. Мы ставим перед собой лишь цель вынести данную проблему в политологический дискурс для осмысления прошлого «мягкой силы» страны и для определения перспектив ее применения в национальных интересах.

Активизация на современном этапе **(с сентября 2016 г. начался четвертый этап активного применения «мягкой силы»)** внешнеполитического курса Узбекистана и принятие действенных мер по широкому продвижению национальных интересов на международной и региональной арене на основе принципов открытости, взаимной выгоды и прагматизма актуализируют дискуссию по вопросу использования нового инструментария реализации поставленных долгосрочных целей в этой сфере и задействования для этого всего имеющегося потенциала и ресурсов государства и общества.

В данном контексте эффективным инструментом реализации приоритетов внешней политики Узбекистана представляется использование концепции «мягкой силы», роль которой в практике международных отношений неуклонно возрастает. Более того, этот тезис идет в унисон с п.5.2 «Приоритетные направления в сфере осуществления взвешенной, взаимовыгодной и конструктивной внешней политики» Стратегии действий по развитию Республики Узбекистан на 2017–2021 гг., в которой обозначены следующие приоритетные задачи:

– укрепление независимости и суверенитета государства, повышение роли страны в качестве полноправного субъекта международных отношений, вхождение в число развитых демократических государств, создание вокруг Узбекистана пояса безопасности, стабильности и добрососедства;

– укрепление международного имиджа Республики Узбекистан, доведение до мирового сообщества объективной информации о проводимых в стране реформах²¹⁰.

Применение новейшего инструментария внешней политики нашло отражение в Указе Президента Республики Узбекистан № УП-5400 от 5 апреля 2018 г. «О мерах по коренному совершенствованию системы

²¹⁰ Указ Президента Республики Узбекистан № 4947 от 17 февраля 2017 г. «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан на 2017-2021 гг.» // www.lex.uz/ru/docs/3107042.

Министерства иностранных дел Республики Узбекистан и усилению его ответственности за реализацию приоритетных направлений внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности». Среди важнейших направлений реформирования системы Министерства иностранных дел определены *внедрение новых подходов и методов в деятельность МИД и заграничных учреждений; активное использование инструментов публичной дипломатии* в продвижении позитивного международного имиджа Узбекистана, прежде всего через усиление работы по системному и адресному информационному взаимодействию с национальными и зарубежными экспертными сообществами, средствами массовой информации, общественными и научными кругами; *продвижение интересов страны в глобальном информационном пространстве*.

Таким образом, задачей концептуальной значимости становится использование всех имеющихся сил и средств «для формирования нового облика страны»²¹¹.

Благодаря глубоко продуманному политическому курсу за последние три с лишним года внешняя политика Узбекистана значительно активизировалась, стала нацеленной на решение конкретных задач, обогатилась новыми подходами. Значительно укрепились международное положение, имидж и авторитет республики на мировой арене²¹². Знаковым является заявление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 19 сентября 2017 г. о том, что «сохраняя внеблоковый статус, Узбекистан открыт для диалога ... заинтересован в расширении сотрудничества со всеми партнерами во имя мира, прогресса и процветания»²¹³.

За годы независимого развития страна сделала серьезные шаги для расширения своего международного влияния благодаря взвешенной и продуманной внешнеполитической стратегии, реализовала ряд важнейших инициатив на региональном и мировом уровнях. Среди них назовем установление зоны, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии, урегулирование таджикского и афганского конфликтов, решение проблем экологической катастрофы вокруг Арала, создание специального контртеррористического органа ООН и др.

Можно утверждать, что на новом этапе своего развития Узбекистан совместно с соседними государствами формирует практически новую систему взаимоотношений в Центральной Азии, последовательно укрепляет

²¹¹ Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, г.Нью-Йорк, 19 сентября 2017 г. // <http://president.uz/ru/lists/view/1063>.

²¹² Информация Министерства иностранных дел Республики Узбекистан о своей деятельности по выполнению возложенных задач (г.Ташкент, 14 декабря 2018 г., 17-е пленарное заседание Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан) // <https://mfa.uz/ru/about/activity/17073>.

²¹³ Там же.

региональную безопасность и стабильность, вносит вклад в развитие торгово-экономических связей и транспортно-коммуникационных коридоров²¹⁴. Внешнеполитическая система государства и его общественная компонента имеют высокий авторитет и влияние на международной арене и наращивают многоплановые отношения.

Динамично реализуемые в Узбекистане глубокие и всесторонние реформы получают широкую поддержку со стороны мирового сообщества, что закладывает благоприятную основу для продвижения позитивного национального имиджа страны за рубежом.

Новые тенденции в международных отношениях, связанные с усилением роли «мягкой силы» в реализации национальных интересов и внешней политики, обуславливают необходимость выработки комплексного и системного подхода к продвижению привлекательного образа страны. Узбекистан, находясь в сердце стратегически важного евразийского макрорегиона и имея границы со всеми государствами Центральной Азии, **обладает исторически обусловленным уникальным потенциалом для реализации собственного концепта «мягкой силы» на региональном и международном уровнях.**

Продвижение «мягкой силы» и формирование благоприятного восприятия за рубежом внутренней и внешней политики и общего притягательного облика нашей страны имеют важное значение не только с репутационной и имиджевой точек зрения, но и влияют на создание привлекательного инвестиционного климата. Тем самым потенциал «мягкой силы» страны может рассматриваться в качестве необходимой надстройки для развития внешнеэкономического базиса.

Обратимся к такому аспекту «мягкой силы» Узбекистана, как **политические ценности**, т.е. общественно-политические и социально-экономические реформы, осуществляемые в Узбекистане и получающие высокую оценку за рубежом. С 2016 г. в республике «проводятся глубокие реформы во всех сферах», цель которых «построение демократического государства и справедливого общества, где приоритетом является реализация простого и ясного принципа – «интересы человека превыше всего»»²¹⁵.

Озвученные с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН заявления лидера Узбекистана о том, что «не народ должен служить государственным органам, а государственные органы должны служить народу», о разработке программы мер по укреплению гарантий защиты прав человека, отмене выездных виз, активизации открытого диалога с национальными и

²¹⁴ ИONOBA E. Внешнеполитические приоритеты Узбекистана //www.imemo.ru. 2018.02.12. Ionova.pdf.

²¹⁵ Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, г.Нью-Йорк, 19 сентября 2017 г. // <http://president.uz/ru/lists/view/1063>.

международными неправительственными организациями по правозащитной тематике, социальной реабилитации оступившихся граждан, попавших под влияние идеологии экстремизма, росте роли политических партий, гражданского общества и СМИ, обеспечении подлинной независимости судебных органов, а также других коренных преобразованиях, – могут служить *основополагающими принципами в деле реализации «мягкой силы» и дальнейшего укрепления международного авторитета страны.*

Неоспоримые достижения страны на внутривнутриполитическом поле привлекательны и интересны для зарубежной аудитории, особенно в регионе Центральной Азии и в развитых демократических государствах мира. Большинство и симпатизирующих, и оппонировующих наблюдателей внутри и за пределами страны однозначно признают качественный разворот Узбекистана к парадигме прогрессивного развития и модернизации на основе передовых идей и концепций.

Важный показатель уровня политического плюрализма и демократичности государства – выборы. Парламентские выборы в Узбекистане в декабре 2019 г. проходили под лозунгом «Новый Узбекистан, новые выборы» и проводились на базе вновь принятого избирательного кодекса. Они кардинально отличались от предыдущих политических событий тем, что отечественная и зарубежная общественность впервые увидела дискуссии и порой острые споры между партиями. На базе применения новых политических технологий широко использовались медийные каналы для пропаганды их программ и позиций. У населения появилась реальная возможность сравнивать и выбирать среди кандидатов в депутаты местных представительных органов власти и парламента. Неординарные для внутривнутриполитической жизни страны идеи кандидатов иногда отличались от «утвержденных сверху» позиций, шли активные обсуждения в социальных сетях, что было практически невозможно всего три года назад.

С применением методов «цифровой дипломатии» как эффективного инструмента «мягкой силы» осуществлялась широкая информационная работа среди зарубежных общественно-политических и экспертных кругов, представителей СМИ относительно подготовки и проведения парламентских выборов 2019 г. В результате значительно возросшего интереса мирового сообщества к Узбекистану в нашу страну прибыли свыше 700 международных наблюдателей, в том числе полномасштабная делегация Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ, которая в своем окончательном отчете, наряду с рядом рекомендаций по улучшению проведения выборов в Узбекистане, признала «большое уважение к независимым голосам».

По мнению экспертов, в стремлении к интенсивной модернизации государства и общества в Узбекистане выбран путь реформирования политической системы и реальной защиты чести, права, свободы и достоинства человека. В этом процессе знаковым событием стало закрытие тюрьмы «Жаслык» в августе 2019 г., что явилось символом не формальных, а реальных демократических реформ в обществе, приверженности общества к общепризнанным гуманистическим принципам и ценностям.

Таким образом, благодаря настойчивому общественному запросу и твердой политической воле руководства страны преодолевается некий застой в общественно-политической жизни. Простые люди и неформальные лидеры общественного мнения без боязни преследования открыто обсуждают волнующие проблемы, транслируют через созданную систему народных и иных приемных, которые представляют собой уникальную форму очного и виртуального выражения воли народа, и через медийные средства свою критику в адрес государственной власти, предлагают свои решения.

Немаловажным представляется утверждение атмосферы открытости, расширение роли гражданского общества и СМИ в общественно-политических и социально-экономических процессах, что ведет к росту привлекательности позитивной модели развития Узбекистана для региона²¹⁶, его престижа и авторитета.

Действительно, внутривнутриполитические изменения в Узбекистане, характеризующиеся высокой динамикой и широтой охвата всех сторон жизни общества, без преувеличения, становятся триггером для изменения поведения региональных акторов, в позитивном ключе трансформируя отношение внешних сил к государствам Центральной Азии. Более того, признанные успехи Узбекистана в сфере демократии и либерализации дали основания для выдвижения его кандидатуры в члены Совета по правам человека ООН, что получает растущую поддержку со стороны международных партнёров, в том числе стран СНГ и ЕС. Деятельность на площадке данного Совета позволит не только укрепить престиж и влияние государства как ответственного участника международного сообщества, но и изучить и имплементировать на национальной площадке наиболее прогрессивные и приемлемые для Узбекистана практики в этой жизненно важной области. Тем же целям призвано служить полноправное членство с ноября 2018 г. в Международной организации по миграции (МОМ) и расширяющееся сотрудничество с Международной организацией труда (МОТ).

²¹⁶ *Шатц Э.* Как невмешательство Запада поспособствовало «узбекской весне» и как продолжить реформы? // <http://www.isrs.uz/ru/xorijiy-ekspertlar-fikri>.

Проблема прав человека как пункт внешнеполитической повестки Узбекистана многие годы неблагоприятно сказывается на его репутации и авторитете, серьезно сковывая «мягкую силу» и не позволяя в полной мере воспользоваться многими преимуществами международного сотрудничества.

Проведение в Самарканде 23–24 ноября 2018 г. первого Азиатского форума по правам человека, посвященного 70-летию принятия Всеобщей Декларации прав человека, с участием почти всех организаций, связанных с правозащитными вопросами, можно рассматривать как классический пример создания международной площадки для обсуждения проблем, напрямую затрагивающих национальные интересы государства. Подобные мероприятия позволяют в конструктивном ключе обсуждать актуальные для мировой общественности проблемы, каковой является правозащита, и одновременно системно формировать собственную повестку дискуссий, тем самым продвигать выгодный и во многом объективный нарратив. Такие форматы позволяют кооптировать не только государственных акторов, но и всю гамму неправительственных организаций, которые значительно нарастили свою силу и зачастую выступают серьезными оппонентами официальной власти в различных частях мира.

Важнейшим итогом Азиатского форума стало единогласное мнение о необходимости создания единой региональной системы обеспечения прав человека в Азии. Если учесть, что в новейшей истории ввиду множественных культурно-цивилизационных причин и условий законодателями в сфере демократии и прав человека были государства Запада, то можно представить себе символическую значимость этого вывода участников мероприятия.

Наше мнение нельзя рассматривать как противопоставление парадигм прав человека на Западе и Востоке. Права человека – неотъемлемая часть общечеловеческих ценностей, к которым мировое сообщество ценой миллионов жизней пришло по итогам двух мировых войн. Напротив, на форуме на консенсусной основе пришли к заключению, что, в отличие от Европы, Америки и Африки, в Азии все еще не сформирована определенная региональная система защиты прав человека.

Приведем мнение авторитетного общественного деятеля Узбекистана в сфере прав человека, профессора Акмаля Саидова о том, что «все цивилизации, мировые культуры и религии создавались, как показывает история, под влиянием гуманистических идей, на основе которых формировались базовые понятия о правах человека. Если говорить о практическом вкладе непосредственно наших предков в этом направлении, уместно отметить, что в древнейшем письменном памятнике «Авеста», созданном в Азии более 2700 лет назад, важное место занимают

идеи прав и свобод человека, построения межнациональных отношений на принципах взаимного уважения и доверия. С древних времен наши предки возвеличивали права человека и отвергали насилие и несправедливость. Один из выдающихся правоведов Востока Бурханиддин Маргинани еще в XII в. в своем трактате «Хидоя» также выдвинул идею о необходимости соблюдения прав каждого человека»²¹⁷.

Одним из положительных итогов форума стало решение Консорциума образовательных учреждений государств региона по правам человека о создании в г. Ташкенте «Регионального хаба (центра) по реализации деклараций ООН об образовании в сфере прав человека».

Приведем еще один пример, иллюстрирующий коренные изменения в узбекском обществе и значительно повышающий его международный авторитет в качестве открытого и ответственного члена международного сообщества. Президент Шавкат Мирзиёев в марте 2020 г. подписал новую редакцию закона, согласно которому с 1 апреля въехавшие в страну до 1 января 1995 г. и постоянно проживающие в республике лица будут признаны гражданами Узбекистана. По оценке ООН, которая давала Узбекистану рекомендации по подготовке законопроекта, это коснется около половины из 97 тысяч проживающих в стране людей без гражданства.

Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш поздравил страну с принятием закона, «призванного положить конец безгражданству как минимум для 50 тысяч человек», и приветствовал это достижение как важный вклад в глобальные усилия, направленные на то, чтобы положить конец безгражданству во всем мире к 2024 г.²¹⁸.

В том же ракурсе следует рассматривать повышение международных позиций Узбекистана в деле либерализации экономики и развития конкурентной среды, осуществление политики «открытых дверей» для иностранного капитала, интернационализацию системы образования и в целом социальных систем, значительное расширение культурно-гуманитарных возможностей государственных органов и общества.

В последние годы успешно развивается сотрудничество с международными финансовыми институтами, возобновлено партнерство с ЕБРР, установлено сотрудничество с Европейским инвестиционным банком.

²¹⁷ Азиатский форум по правам человека стал новшеством в мировой практике по правам человека // <http://uza.uz/ru/society/aziatский-forum-po-pravam-cheloveka-stal-novshestvom-v-mirov-28-11-2018>.

²¹⁸ Statement attributable to the Spokesman for the Secretary-General – on Uzbekistan // https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2020-03-19/statement-attributable-the-spokesman-for-the-secretary-general-uzbekistan?fbclid=IwAR2_HiSpn8mHaf2ZSYH W 3f0xPichLtvAJvuGYustaCue9ib_MOH0qi0qFZM.

Показательным для Узбекистана является Заключительное заявление МВФ по итогам консультаций за 2019 г. в соответствии со статьей IV Устава этого международного финансового института. В обнародованном документе подчеркивается, что «реформы, начатые в 2016 г. по инициативе Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева, направлены на возрождение экономики, отягощенной приводящими к искажениям мерами экономической политики, в частности, валютными и торговыми ограничениями, обременительной налоговой нагрузкой, а также целевым кредитованием. К уже проведенным знаковым реформам относятся либерализация валютного рынка, налоговые реформы и существенное повышение качества и доступности экономической статистики. Узбекистан также взял на себя ведущую роль в развитии регионального сотрудничества, которое является решающим фактором стимулирования региональной торговли и восстановления взаимосвязей между энергетическими и транспортными сетями региона»²¹⁹. Тем самым Узбекистан воспринимается внешними акторами как субъект, проводящий интенсивные реформы своей социально-экономической системы, который движется по пути соответствия общепринятым нормам в этой сфере.

Механизмы «умной силы» в форме *экономической дипломатии* начинают играть важную роль в реализации внешнеэкономических интересов страны: привлечении прямых иностранных инвестиций, новых технологий и инвестиционных программ в экономику, повышении экспортного потенциала, усилении работы по привлечению зарубежных туристов, формировании международных транспортных коридоров и реализации других инфраструктурных проектов.

В 2017 г. в целях продвижения экспорта отечественной продукции загранучреждениями оказано содействие в заключении коммерческих сделок, открытии торговых домов Узбекистана за рубежом, в частности в США, Латвии, России, Казахстане, Украине, Индии, Пакистане, Афганистане и др. В Таджикистане открыты 5 торговых представительств узбекских компаний. В 2019 г. диппредставительствами Узбекистана проведено более 1200 бизнес-форумов. Организовано более 3000 визитов представителей зарубежных деловых кругов и иностранных инвесторов в Узбекистан, осуществлено более 1 100 визитов экономических институтов нашей страны за рубеж. Проведено 29 заседаний межправительственных комиссий с Великобританией, Республикой Корея, Россией, Венгрией, ОАЭ, Австрией, Германией и другими странами.

²¹⁹ Узбекистан: Заключительное заявление по итогам проведения консультаций за 2019 г. в соответствии со статьей IV, 5 марта 2019 г. // <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2019/03/05/msc030519-uzbekistan-staff-concluding-statement-of-the-2019-article-iv-mission>.

По мнению иностранных инвесторов, строительство грандиозного Ташкент-Сити в столице страны является ярким символом обновляющегося и более широко открывающегося внешнему миру Узбекистана.

Интересной представляется проекция внутренних императивов развития Узбекистана на внешнеполитическом треке. С учетом демографического состояния узбекского общества, где более 30% от общей численности постоянного населения в почти 34 млн человек составляют лица моложе трудоспособного возраста²²⁰ или, проще говоря, дети, продуманная молодежная политика имеет экзистенциальное значение. В стране идет кропотливая работа по созданию условий для самореализации молодежи и ее защиты от идеологии насилия. Именно поэтому актуализируется проблема развития многостороннего сотрудничества в сфере поддержки молодого поколения, защиты его прав и интересов. В связи с этим Узбекистан предложил разработать международную конвенцию ООН о правах молодежи – унифицированный международный правовой акт, нацеленный на формирование и реализацию молодежной политики в условиях глобализации и бурного развития информационно – коммуникационных технологий.

Особое значение имеет реализация концепции государственной политики по сотрудничеству с соотечественниками, проживающими за рубежом²²¹, а также защита граждан страны за рубежом.

По разным оценкам, в странах СНГ, АТР, Европы, США и Канады компактно проживают около 5,5 млн этнических узбеков. Выходцы из Узбекистана создали 83 организации, общества и содружества, 49 из которых функционируют в России, что обуславливает широкий потенциал для продвижения интересов Узбекистана в странах проживания наших соотечественников. В 2011 г. руководителями узбекской диаспоры в РФ создан Всероссийский Конгресс узбеков и узбекистанцев, который старается объединить диаспоральные организации (по различным оценкам, число соотечественников в РФ превышает 3 млн человек)²²².

В Южной Корее насчитывается более 75 тыс. граждан Узбекистана, но они пока не объединены в какую-либо единую зарегистрированную организацию²²³. Граждане Узбекистана выезжают в государства «исламского пояса» для обучения в теологических учебных заведениях.

²²⁰ Государственный Комитет Республики Узбекистан по статистике. Демографическая ситуация (январь-декабрь 2019 г.) // <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-komiteta/8336-436545654-2>.

²²¹ Кутбидинов Ю. «Ваш родной дом – Узбекистан» // Экономическое обозрение. – Ташкент, 2018, № 1 (217). – С.28-35.

²²² Оргкомитет Всероссийского Конгресса узбеков, узбекистанцев создан 1 мая 2011 г. в Москве. В его состав вошли представители 13 регионов России. Более чем в 50 регионах РФ от Калининграда до Камчатки налажена связь оргкомитета с узбекскими культурными центрами. Цель создания Всероссийского Конгресса узбеков, узбекистанцев – объединение всех региональных диаспор для оказания всесторонней защиты и помощи нашим соотечественникам, живущим на территории России // <http://vku-org.ru/aboutcongress.html>.

²²³ Количество граждан Узбекистана в Южной Корее превысило 75 тысяч // <https://nuz.uz/o-migracii/46874-kolichestvo-grazhdan-uzbekistana-v-yuzhnoy-koree-prevysilo-75-tysyach.html>.

В Казахстане насчитывается около 550 тыс. этнических узбеков из числа граждан этой страны, действуют 9 узбекских национальных культурных центров, работает около 500 тыс. наших трудовых мигрантов. Можно представить подобную статистику и по другим сопредельным с Узбекистаном странам.

Подчеркнем, что эта масса людей является носителями культуры узбекского народа, они оказывают серьезное влияние на социально-экономический, межрелигиозный, межэтнический климат в странах пребывания. Поэтому на базе позитивного зарубежного опыта Узбекистан вправе задействовать этот мощный ресурс для достижения мирных и созидательных целей, в интересах взаимовыгодного и долгосрочного сотрудничества с различными странами.

Введенный внешнеполитическим ведомством Узбекистана в практику механизм интерактивного диалога с соотечественниками, проживающими за рубежом, проведение сотен мероприятий – видеоконференций, брифингов, презентаций и встреч могут заметно способствовать этому процессу. Дипломатическими миссиями Узбекистана организовано более 500 разных мероприятий с участием соотечественников за рубежом. МИД совместно с недавно созданным Фондом «Эл-юрт умиди» проводит активную работу по содействию в трудоустройстве в Узбекистане высококвалифицированным специалистам из числа наших соотечественников.

Впервые за многие годы кардинально изменилось отношение к гражданам Узбекистана, находящимся за рубежом, значительно усилилась работа по защите их прав и интересов.

За короткий срок с 2016 г. удалось поменять отношение к Узбекистану в мировом сообществе, значительно укрепить его международный авторитет. За Узбекистаном закрепился имидж надежного и предсказуемого партнера, твердо приверженного к осуществлению реформ, направленных на демократизацию общества, защиту прав человека, укрепление верховенства закона, либерализацию экономики и обеспечение свободы слова. Особо отмечается открытость, конструктивность и динамичность внешней политики страны.

Позитивные изменения в республике признают не только представители зарубежных общественно-политических кругов, но и авторитетные издания с мировым именем – такие как Forbes, The Wall Street Journal, New York Times, Foreign Affairs, Bloomberg, BBC, The Guardian, The Financial Times, The Economist, Deutsche Welle и др. Создание благоприятного информационного фона усиливает позитивное восприятие республики в мире и повышает ее инвестиционную

привлекательность. Узбекистан уже уверенно превращается в одного из наиболее привлекательных политических и экономических партнеров для государств СНГ, АТР, Ближнего Востока, Европы и Америки²²⁴.

В политико-психологическом плане зарубежные масс-медиа акцептируют изменения в Узбекистане как «оттепель» или «узбекская весна».

Одним из главных конкурентных преимуществ Узбекистана в контексте реализации политики «мягкой силы» остаются узнаваемые во всем мире и признанные международными организациями **древняя история, богатая самобытная культура и архитектура**.

Показателями особого места и роли Узбекистана в развитии мировой цивилизации могут служить следующие факты. Историко-культурные объекты в Хиве, Самарканде, Бухаре и Шахрисабзе включены в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. Город Бухара награжден призом организации «Города за мир». Комплекс «Ичан-Кала» в Хиве, исторические центры Самарканда, Бухары и Шахрисабза, а также Чаткальский государственный биосферный заповедник включены в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Байсунское культурное наследие, «Шашмаком», «Катта ашула», «Аския», «Ош», «Навруз», технологии производства атласа и адраса включены в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества. Коран Усмана и коллекция рукописей Ташкентского государственного института востоковедения включены в реестр ЮНЕСКО «Память мира».

Взаимодействие Узбекистана с ЮНЕСКО способствует сохранению, развитию и популяризации классического узбекского музыкального наследия. В сентябре 2018 г. в Шахрисабзе проведен первый Международный форум искусства макома.

Под эгидой ЮНЕСКО в Самарканде планируется создание Международного института имени Мирзо Улугбека по формированию культуры мира, толерантности и предотвращению экстремизма, а также Регионального центра по информационно-коммуникационным технологиям в образовании при Ташкентском университете информационных технологий, открытие кафедры ЮНЕСКО в Международном университете туризма «Шелковый путь» в Самарканде.

ЮНЕСКО высоко оценивает политику Узбекистана по сохранению культурно-исторического наследия своего народа, являющегося достоянием всего человечества²²⁵.

²²⁴ Отчет о деятельности Министерства иностранных дел Республики Узбекистан за 2017 г. // <https://mfa.uz/ru/about/activity/13444>.

²²⁵ Начинается новая веха в узбекско-французских отношениях // <https://mfa.uz/ru/press/news/2018/10/16288>.

Узбекистан последовательно укрепляет свои позиции в качестве авторитетного центра исламской культуры и духовности²²⁶. Постепенно преодолеваются стереотипы относительно якобы гонений верующих, которые негативно сказывались на международном позиционировании Узбекистана, особенно в странах арабо-мусульманского пояса и Запада. Показательным является тот факт, что многие иностранные партнеры всесторонне поддерживают и предлагают содействие в создании Международного исследовательского Центра имени Имама Бухари в г. Самарканде и Центра исламской цивилизации в г. Ташкенте, а также организации на их базе совместных проектов для противодействия идеологии экстремизма и доведения до мирового сообщества гуманистической сути ислама, истинных ценностей исламской культуры.

Как результат активной работы в этой сфере на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 12 декабря 2018 г. по инициативе узбекской стороны принята специальная резолюция «Просвещение и религиозная толерантность». Документ призван содействовать утверждению толерантности и взаимного уважения, обеспечению религиозной свободы, защите прав верующих, недопущению их дискриминации.

В Международной исламской академии Узбекистана восстановлена деятельность кафедры ЮНЕСКО «Изучение истории религий». С учетом особого места и роли Узбекистана с его древней культурой и важным вкладом в развитие исламской цивилизации наша страна активно взаимодействует в рамках Организации исламского сотрудничества, которая в 2019 г. объявила Бухару культурной столицей исламского мира.

В октябре 2019 г. на саммите в Баку Узбекистан стал полноправным участником Совета сотрудничества тюркоязычных государств. Это, несомненно, придаст значительный импульс расширению сотрудничества между тюркоязычными странами в таких приоритетных сферах, как экономика, инвестиции, наука и инновации, высокие технологии, экология, транспорт и туризм. В том же году Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) объявила город Хиву культурной столицей Тюркского мира.

Тюркская идентичность Узбекистана со временем способна сыграть немаловажную роль в его геополитическом позиционировании, если учесть современные тренды растущего влияния этого формата международного взаимодействия, который был заложен еще в 1992 г. и в 2009 г. на базе Нахичеванского соглашения оформился как постоянный субъект

²²⁶ Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на первом саммите Организации исламского сотрудничества по науке и технологиям // <http://uza.uz/ru/politics/10.09.2017>.

международных отношений. Географическая протяженность этого регионального объединения позволяет распространять влияние страны от Китая до Турции, т.е. на обширном пространстве жизненно важных интересов Узбекистана, прежде всего при оценке торгово-экономических и транспортно-коммуникационных перспектив. Тюркская общность играет важную роль в укреплении региональной стабильности, сохранении культурно-цивилизационной идентичности народов и консолидации государств-участников.

Проведение в апреле 2020 г., в острый период пандемии коронавируса, дистанционного чрезвычайного саммита глав государств Тюркского совета с принятием совместной декларации свидетельствует о том, что государства Совета своевременно объединили усилия для преодоления серьезного эпидемиологического кризиса, обменялись опытом противодействия пандемии, наметили конкретные шаги по нейтрализации ее последствий для экономик, транспортных систем и социальной стабильности. Тем самым участники формата продемонстрировали его жизнеспособность и востребованность. Включение практически всех предложений главы Узбекистана о практических аспектах сотрудничества государств-участников Тюркского совета по совместной борьбе с эпидемиями и социальной защите населения, а также об укреплении международного взаимодействия в рамках ВОЗ свидетельствует о заметном росте авторитета и роли Узбекистана в регионе, усилении его влияния на решение международных проблем.

В процессе наращивания культурного аспекта «мягкой силы» в Узбекистане реализуются меры по продвижению национального и туристического брендов, используются традиционные методы проведения дней культуры, фестивалей и других мероприятий. Налаживание и развитие на новом витке культурно-гуманитарных, научно-исследовательских и духовно-просветительских связей позволяет сформировать устойчивый благоприятный фон для реализации внешнеполитических инициатив и восприятия Узбекистана в мире в позитивном плане.

Эксклюзивным инструментами «мягкой силы» страны являются ассоциируемая с Великим Шелковым путем богатая история, самобытная культура, имеющая традиционные фольклорные корни и классическое оформление, признанные во всем мире знаковые материальные и духовные ценности, великие исторические личности, такие как Имам аль-Бухари, Беруни, Аль-Хорезми, А. Навои, Амир Темур, Мирзо Улугбек и многие другие, значительный туристический потенциал, узнаваемые национальные бренды (маком, национальные танцы, миллий кураш, плов и вся узбекская гастрономия, тибетейка, хан-атлас и другие).

Туристический бренд Узбекистана подкрепляется активным развитием всей инфраструктуры этой сферы. В частности, в 2019 г. количество стран, в отношении которых применяется упрощенная процедура оформления туристской визы, достигло 77. Перечень стран, для граждан которых установлен безвизовый режим в Республике Узбекистан, расширен до 86. Граждане 57 стран получили возможность оформления электронной въездной визы, внедрена новая категория многократной визы для инвесторов – «Investment visa» сроком действия до трех лет. 13 деятелей общественности и культуры зарубежных стран были назначены послами туристского бренда Узбекистана. Узбекские туркомпании приняли участие в 50 туристских выставках за рубежом. Как результат, количество туристов за этот период увеличилось на 27,1 % и составило 6,23 млн человек.

В неофициальной беседе с автором монографии один из высокопоставленных чиновников ЕС подчеркивал, что Узбекистан для европейцев в первую очередь ассоциируется с великой культурой и богатым наследием своих исторических городов на Великом Шелковом пути. Многие в Европе со школьной скамьи открывают для себя «сказочный» Самарканд и уже потом узнают об Узбекистане. Данный посыл уже на официальном уровне подтверждают слова Генерального директора ЮНЕСКО Одри Азуле: «Это замечательное и красивое место, которое существует в мире. Самарканд больше, чем просто эстетическое место, или больше, чем просто красота. Здесь мы можем говорить и о науке, и развитии образования, и философии, и судьбоносных открытиях, например, таких личностей, как Улугбек. Это также танцы и традиции, песни, интеллектуальные диалоги. Это универсальное наследие, которое мы видим в корне нашей истории, и поэтому мы должны полностью вложить наши общие усилия для сохранения этих наследий и это будет иметь значение не только для Узбекистана, а также для других регионов Центральной Азии и более того – для всего мира. Потому что то, что произошло здесь и происходит, меняет внешний облик всего мира»²²⁷.

Особое значение имеют известные среди общественности зарубежных стран отличительные национальные черты узбекского народа – трудолюбие, щедрость, миролюбие, приверженность к образованию и наукам, гостеприимство, уважение к исконным традициям, культуре и истории. Межнациональное согласие и религиозная толерантность, которые испокон веков царили на территории Узбекистана, создают его стабильно позитивный образ за рубежом.

²²⁷ Из речи Генерального директора ЮНЕСКО Одри Азуле на открытии Международной конференции "Сохранение материального и нематериального наследия: актуальные проблемы и стратегия их решения", г. Самарканд, август 2019 г. // https://www.kultura.uz/view_2_r_13836.html.

Еще один из инструментов «мягкой силы» – это *привлекательность образовательной системы страны для иностранных студентов*. Показательным является содействие в подготовке в Узбекистане национальных кадров для Афганистана²²⁸. Представляется, что практика обучения иностранных студентов в Узбекистане будет расширяться, чему способствует принятое в 2018 г. правительственное решение об их зачислении в вузы страны без вступительных экзаменов²²⁹. В свою очередь, сам Узбекистан только в 2019 г. принял десять филиалов иностранных вузов. Расширяются также продуктивные связи узбекских научно-исследовательских институтов с зарубежными партнерами на основе кардинальных изменений академической и вузовской науки. В 2019 г. Ташкент включен в мировую сеть «Образцовые города, поощряющие образование» ЮНЕСКО.

Укреплению атмосферы доверия с государствами региона способствовали такие *практические меры из инструментов культурной «мягкой силы»*, как создание парка «Ашгабад» в г. Ташкенте, наименование столичных улиц в честь Махтумкули Фраги и Ч. Айтматова, открытие памятника Абая на одноименной улице в г. Ташкенте, установка памятника А. Навои и А. Джамии в г. Душанбе, налаживание контактов между приграничными областями (например, строительство средней школы в г. Ош за средства Узбекистана), проведение годов и недель культуры²³⁰ и многое другое.

Говоря о **внешней политике** Узбекистана как третьего основного аспекта «мягкой силы», необходимо отметить, что она ассоциируется у зарубежной профессиональной и непрофессиональной аудитории как последовательная, миролюбивая и взаимовыгодная.

Реализация поступательного, глубоко продуманного внешнеполитического курса направлена на продвижение национальных интересов страны, превращение Центральной Азии в регион стабильности, безопасности и процветания. Руководство Узбекистана в качестве основных целей внешней политики «определило создание необходимых условий для осуществления масштабных реформ и динамичных процессов модернизации, всесторонней защиты интересов и прав граждан Узбекистана, укрепление места и роли страны в системе международных экономических отношений, усиление авторитета и позитивного имиджа государства в мировом

²²⁸ Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 911 от 13 ноября 2017 г. «Об организации деятельности образовательного центра по обучению афганских граждан при Министерстве высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан» // <http://www.lex.uz/docs/3409638>.

²²⁹ Иностранные граждане, поступающие в вузы Узбекистана, будут освобождены от тестовых испытаний // <https://nuz.uz/obschestvo/33410>.

²³⁰ Убайдуллаева С. Ожидания года // Экономическое обозрение. – Ташкент, 2018, № 3 (219). – С.10-13.

сообществе». МИД осуществляет работу по выполнению порядка 90 программ по развитию сотрудничества с зарубежными странами в разных сферах. В декабре 2019 г. Кабинетом Министров утверждены 52 новые «дорожные карты» по дальнейшему выстраиванию отношений Узбекистана с зарубежными странами на 2019–2022 гг.²³¹

Узбекистан «решительно настроен на диалог, конструктивное взаимодействие и укрепление добрососедства»²³² со странами Центральной Азии. Примерами могут служить а) проведение по инициативе Президента Шавката Мирзиёева регулярных консультативных встреч глав государств региона «в качестве региональной диалоговой площадки для конструктивного и открытого обсуждения актуальных вопросов сотрудничества в регионе и решения общих проблем», б) принятие специальной резолюции Генеральной Ассамблеи в поддержку усилий государств Центральной Азии по обеспечению безопасности и укреплению регионального сотрудничества (соавторами резолюции выступили 55 государств – членов ООН)²³³, в) поддержка Узбекистаном проектов конвенций об использовании водных ресурсов бассейнов Амударьи и Сырдарьи, г) содействие мирному процессу межафганского урегулирования, д) внесение на обсуждение проекта Международной конвенции ООН о правах молодежи и резолюции Генеральной Ассамблеи «Просвещение и религиозная толерантность» и др. Все эти меры формируют наступательную стратегию Узбекистана на международной арене и в регионе.

Авторский анализ положения дел в Центральной Азии свидетельствует о наличии здесь следующих основных трендов.

Проактивная и прагматичная внешнеполитическая стратегия Республики Узбекистан на основе парадигмы сотрудничества выступает главным триггером динамичных внутрирегиональных процессов в Центральной Азии.

Складывающаяся качественно новая атмосфера в регионе создает благоприятные предпосылки для осуществления Узбекистаном взвешенной, взаимовыгодной и конструктивной внешней политики на двустороннем и многостороннем уровнях и создания пояса безопасности и стабильности.

²³¹ Камиллов А. Каких успехов добивается Узбекистан во внешней политике во главе с Шавкатом Мирзиёевым // Народное слово от 30 декабря 2019 г. // <http://xs.uz/ru/post/kakikh-uspekhev-dobivaetsya-uzbekistan-vo-vneshnej-politike-vo-glave-s-shavkatom-mirziyoevym>.

²³² Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, г.Нью-Йорк, 19 сентября 2017 г. // <http://president.uz/ru/lists/view/1063>.

²³³ Заявление Министерства иностранных дел Узбекистана в связи с принятием резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Укрепление регионального и международного сотрудничества по обеспечению мира, стабильности и устойчивого развития в Центральноазиатском регионе». Ташкент, 23 июня 2018 г. // <https://mfa.uz/ru/press/statements/2018/06/15220>.

Позитивные тренды в двустороннем и многостороннем региональном форматах, выражающиеся в решении или нивелировании ключевых межгосударственных и локальных проблем, закладывают надежный фундамент для формирования независимой геополитической субъектности Центральной Азии, для запуска перспективных интеграционных инициатив и утверждения ее уникальной культурно-цивилизационной идентичности.

Преимущественной характеристикой формирующегося политического облика региона являются нацеленность расположенных здесь государств на мирное сосуществование и стабильное развитие, готовность и стремление к сотрудничеству, ответственность за общее будущее, совпадение позиций по жизненно важным проблемам обеспечения безопасности, взаимосвязанность и взаимодополняемость их экономик и транзитно-транспортных систем, а также общая история, религия, культура и традиции.

Снижение конфликтного потенциала между государствами Центральной Азии и их позитивная политическая воля становятся определяющими факторами в деле реформирования внутрирегиональных взаимоотношений. Последовательно утверждаются принципы добрососедства и взаимовыгодного партнерства.

Текущая положительная динамика в Центральной Азии, наметившаяся благодаря активной внешнеполитической позиции Узбекистана, отражает глубокую заинтересованность расположенных здесь государств в совместном решении накопившихся локальных проблем и в полной мере воспользоваться преимуществами регионализма на фоне нарастающей турбулентности в международных отношениях. Имеются все основания полагать, что к настоящему времени приостановлен процесс фрагментации региона.

Полноценное региональное сотрудничество и возможная будущая интеграция государств Центральной Азии на стыке общих интересов обусловлены комплексом внутренних и внешних факторов объективного и субъективного характера. Каждое государство региона имеет собственную уникальную мотивацию к взаимному сближению, детерминированную политико-географическими, социально-экономическими, историческими и этно-культурными условиями и особенностями.

Центростремительные процессы в регионе имеют тенденцию к нарастанию и по сути стали необратимыми и в равной степени востребованными всеми региональными субъектами.

Вместе с тем следует признать, что государства Центральной Азии геополитически и географически зажаты в континентальной глубине Евразии. Это во многом предопределяет разновекторность их внешней ориентации,

отсутствие широких возможностей для стратегического маневра и соответственно препятствует формированию общеполитической канвы или взаимоприемлемой идеологии интеграции на серьезной долгосрочной основе.

Центральная Азия продолжает сталкиваться с широким кругом современных вызовов и угроз международного и регионального характера, оказывающих непосредственное влияние на ее стабильное развитие и формирование надежной общерегиональной архитектуры безопасности и сотрудничества. В то же время все пять государств Центральной Азии, несмотря на неравномерность темпов реализации внутренних политических и экономических реформ, практически завершили этап создания национальных государств. Нынешняя политическая зрелость и относительная экономическая устойчивость государств региона контрастируют с национальным эгоизмом и нестабильной ситуацией первых лет независимого развития.

Таким образом, сбалансированность и предсказуемость процессов внутри государств Центральной Азии является важным детерминантом их приверженности к максимальному использованию незадействованного потенциала регионального партнерства для решения насущных национальных социальных и экономических задач.

Во взаимоотношениях государств региона постепенно преодолевается устоявшийся многолетний статус-кво, характеризующийся взаимным недоверием, обострением целого ряда проблем политического и хозяйственно-экономического порядка, нездоровой конкуренцией в плане достижения этно-культурного превосходства. Результаты плодотворного диалога лидеров стран региона свидетельствуют об их стремлении адекватно реагировать на проблемы и нужды друг друга, достигать разумных компромиссов и взаимоприемлемых договоренностей, что создает конструктивную платформу для совместного противостояния современным вызовам и угрозам.

Высокая политическая культура национальных элит вкупе с осознанием взаимозависимости и трансграничности существующих проблем являются важными стимуляторами в деле регионализации внешнеполитических приоритетов и ориентиров государств Центральной Азии, поиска путей для формирования коллективной идентичности.

Имевшая место в последнее десятилетие фрагментация культурно-духовного пространства не смогла стереть или исказить историческую память проживающих в Центральной Азии народов. Культурно-цивилизационная, языковая и религиозная общность населения региона составляет важнейшую объединяющую компоненту на основе схожих и взаимно признанных ценностных ориентиров. Именно поэтому на

нынешнем этапе ощущается острый дефицит сетевых социальных связей между общественными институтами региона. Иницилируемые на высоком уровне культурно-гуманитарные мероприятия имеют благотворное влияние на создание атмосферы взаимного доверия, однако носят разовый и централизованный характер. Взаимное проецирование «мягкой силы» могло бы сыграть важную роль в утверждении региональной идентичности, заложить основы для консолидации национальных элит, преодоления стереотипов, фобий и подозрительности в отношении друг друга и в итоге привести к политико-дипломатическому сближению.

В то же время нельзя упускать из вида внешние факторы, влияющие на двусторонние взаимоотношения государств Центральной Азии и на перспективы регионального сотрудничества.

Центральная Азия, к сожалению, сохраняет статус наименее интегрированного пространства на Евразийском континенте. Одной из главных причин провала объединительных инициатив и центробежных процессов в регионе является соседство расположенных здесь государств с важнейшими геостратегическими игроками вкупе с постоянным интересом к этой ключевой геополитической зоне мира мощных внешних игроков.

Ведущие внешние силы преследуют разнонаправленные цели и задачи в регионе, выстраивают здесь собственные конструкции взаимодействия и влияния, тем самым объективно стимулируют фрагментацию долгосрочных внешнеполитических и внешнеэкономических установок региональных субъектов.

Наш регион все еще остается пространством, где сталкиваются антагонистические интересы крупных и региональных держав. Однако на этапе становления национальной государственности стран Центральной Азии соперничество внешних сил за доминирование позволило утвердить плюралистические принципы в плане уровня и масштабов их регионального присутствия.

Недостаток в конструировании общих политических позиций стран региона или единого «регионального голоса» на внешнем поле и, как следствие, недостаточная консолидация действий на международных площадках создают условия для «растаскивания» его государств внешними игроками.

В стремлении к созданию общих платформ сотрудничества ключевыми задачами государств Центральной Азии остаются поиск «золотой середины» в идентификации региональных и международных приоритетов, преодоление заикленности внешней политики на ведущих центрах силы в пользу естественного и взаимовыгодного регионализма.

По мнению большинства экспертов в Узбекистане, внерегиональные силы не в состоянии оспорить или подвергнуть сомнению политическую волю государств Центральной Азии в вопросах формирования единого экономического пространства, обеспечения гражданского мира и межнационального согласия, совместного сохранения территориальной целостности, правопорядка, нейтрализации причин и условий для возникновения социальных и межнациональных конфликтов, сепаратизма.

Государства региона без вмешательства третьей стороны вправе мобилизовать усилия в противодействии транснациональным угрозам экстремизма и терроризма, распространению наркотиков и оружия, решать проблемы ограничения доступа к мировым рынкам, научно-технической продукции и новейшим технологиям. Их связывают общие границы, совместно используемые речные бассейны, некогда объединенные энергосистемы, сеть автомобильных и железных дорог, традиционный внутренний рынок, что диктует необходимость формирования системы межгосударственных многосторонних обязательств и конструктивной политической атмосферы²³⁴.

Усиление глобального геополитического противостояния и изменение баланса сил в международных отношениях в целом благоприятствуют развитию регионализма в Центральной Азии. Нарастающая напряженность по линии геостратегических разломов Соединенные Штаты – Россия, Соединенные Штаты – Китай, Россия – Европа ведут к отвлечению политических ресурсов ведущих внерегиональных центров силы от периферийных конфликтогенных зон. Внешние игроки, прежде всего государства «большого Запада», исходя из собственных геополитических интересов, рассматривают Центральную Азию в качестве единого регионального актора.

Складывающаяся ситуация в мире способствует позиционированию Центральной Азии не в качестве объекта влияния внешних соперничающих сил, традиционно преследующих здесь собственные геополитические интересы, а самостоятельного субъекта международных отношений с правом авторитетного голоса в отстаивании четко обозначенных национальных и общих региональных интересов.

Критически важным представляется то обстоятельство, что в условиях серьезной трансформации системы международных отношений ключевые внешние игроки исходят из консенсусного подхода, который не предполагает превращение Центральной Азии в арену острого противоборства или «бурлящий котел» по типу украинского или

²³⁴ Арифханов Ш. Центральная Азия: настоящее и будущее / геополитика, геоэкономика, безопасность. – Ташкент: «Extremum Press», 2012.

сирийского. Такое негативное развитие событий не отвечает долгосрочным интересам большинства вовлеченных в региональные дела держав. Хотелось бы надеяться, что происходит постепенная конвергенция интересов России, Китая, США и региональных держав в отношении Центральной Азии.

Афганский фактор рассматривается не только как источник угроз безопасности, но и как потенциальная возможность для расширения рынков и выхода на южные порты Ирана и Пакистана.

По оценкам МИД Узбекистана, идеи углубления и наращивания регионального взаимодействия в Центральной Азии, создания атмосферы дружбы и добрососедства нашли свое практическое воплощение. Интенсивно развивается торгово-экономическое, инвестиционное, производственно-кооперационное, транспортно-коммуникационное и культурно-гуманитарное сотрудничество в регионе, существенно продвинулось решение вопросов делимитации и демаркации границ, рационального водопользования²³⁵.

Стратегическое взаимодействие с Казахстаном укреплено новыми экономическими соглашениями, заключены договора о стратегическом партнерстве с Туркменистаном и Кыргызстаном, положительную динамику приобрело взаимодействие с Таджикистаном. Поистине знаковым событием стало подписание Договора о государственной границе между Узбекистаном и Кыргызстаном, которое удалось осуществить благодаря политической воле лидеров двух стран.

Обеспечение стабильности в регионе и налаживание добрососедских отношений способствуют повышению инвестиционной привлекательности Центральной Азии и реализации проектов общерегионального масштаба. Укреплению основ стабильного и безопасного развития Центральной Азии служит активное вовлечение беспокойного Афганистана в региональные экономические процессы. Заключенные с Кабулом соглашения в сфере торговли, транспорта, энергетики и образования внесут существенный вклад в восстановление экономики и стабилизацию этой страны.

В центре внимания узбекской дипломатии остаются проблемы экологической катастрофы Аральского моря²³⁶.

²³⁵ Накануне Консультативной встречи глав государств Центральной Азии в 2019 г. в г. Ташкенте состоялись важные многосторонние мероприятия, прежде всего, впервые проведены Центральноазиатский экономический форум с участием заместителей премьер-министров и более 200 представителей государственных органов и деловых кругов пяти стран региона, форум «Центральная Азия + Афганистан» на уровне заместителей внешнеполитических ведомств.

²³⁶ В 2019 г. прошла Международная конференция по объявлению Приаралья зоной экологических инноваций и технологий в г. Нукусе. В ходе форума был согласован проект специальной резолюции Генассамблеи ООН об объявлении региона Приаралья зоной экологических инноваций и технологий.

На качественно новый уровень поднялись отношения стратегического партнерства с Россией, КНР, США и Республикой Корея. Мощный импульс получило развитие сотрудничества с ЕС и его государствами членами, странами АТР и арабо-мусульманского мира. Динамично развиваются отношения с Турцией. В октябре 2017 г. Президент Узбекистана совершил государственный визит в Анкару впервые за последние 18 лет. Историческим стал первый официальный визит в Узбекистан президента Афганистана А. Гани, который ознаменовал начало новой эпохи отношений между двумя соседними странами²³⁷.

Только в 2019 г. состоялось 18 визитов на высшем уровне. Это государственные и официальные поездки Президента Узбекистана в Индию, Германию, Объединенные Арабские Эмираты, Китай, страны Центральной Азии, Беларусь, Азербайджан, Японию и Российскую Федерацию. Нашу страну посетили главы государств Центральной Азии, Республики Корея, Германии, Европейского Союза и главы правительств стран – участниц Шанхайской Организации Сотрудничества.

В рамках рассмотрения внешнеполитического аспекта «мягкой силы» Узбекистана необходимо отметить *создание таких международных и региональных площадок* в целях расширения влияния, как Азиатский форум по правам человека в честь 70-летия Всемирной Декларации по правам человека, о котором подробно говорилось выше, формирование в г.Самарканде университета туризма «Шелковый путь» для стран-членов ШОС, форум молодежи Центральной Азии.

Визиты в нашу страну Генерального секретаря ООН, Верховного комиссара по правам человека, Спецдокладчика по вопросу о свободе религии или убеждений и главы Управления по наркотикам и преступности, совершенные в эти годы, позволили наладить тесные и продуктивные рабочие отношения с ключевыми структурами ООН, подтвердить открытость страны к поддержанию диалога по самым непростым вопросам внутренней повестки.

В рамках многосторонней дипломатии в 2019 г. представители нашей страны обеспечили принятие двух новых резолюций Генассамблеи ООН – «Устойчивый туризм и устойчивое развитие в Центральной Азии», а также «Объявление Приаралья зоной экологических инноваций и технологий». В 2019 г. в рамках региональных и универсальных организаций Узбекистан подписал 11 и ратифицировал/присоединился к 28 международным договорам.

²³⁷ Из отчета о деятельности Министерства иностранных дел Республики Узбекистан за 2017 год // <https://mfa.uz/ru/about/activity/13444>.

Активизировалось участие Узбекистана в работе СНГ, ШОС, ОИС и ОБСЕ. Республика присоединилась к деятельности ряда органов Содружества, повышен уровень национального координатора до заместителя премьер-министра. Возобновлено участие страны в Организации экономического сотрудничества, Межпарламентском союзе, Форуме арабского экономического сотрудничества со странами Центральной Азии и Азербайджаном.

Важную роль в продвижении «мягкой силы» в регионе призвана сыграть реализация инициатив Президента Ш.М. Мирзиёева о созыве Регионального экономического форума и создании Ассоциации руководителей (хокимов) регионов и бизнес-сообществ государств Центральной Азии, озвученных в ноябре 2017 г. в рамках международной конференции «Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания» в г.Самарканде под эгидой ООН²³⁸. Тем самым интенсивно развивается такой инструментарий «мягкой силы», как *парадипломатия*²³⁹. Функционирование 64 пунктов пропуска через Государственную границу Узбекистана с соседними странами всемерно способствует значительному росту взаимного людского обмена, в том числе родственных контактов и приграничной торговли. По данным внешнеполитического ведомства Узбекистана, только в 2018 г. организовано 171 мероприятие по линии межрегионального сотрудничества, включая визиты на уровне областей и регионов, бизнес-форумы, выставки, дни культуры и другие мероприятия.

Наращиваются возможности «умной силы» через проведение и участие совместно с различными государствами в военных мероприятиях.

Ведется активная работа по содействию развитию *парламентской дипломатии* с использованием возможностей сенатского Комитета по вопросам международных отношений, внешнеполитических связей, иностранных инвестиций и туризма путем обновления состава «групп дружбы» и реализации на этой базе многочисленных мероприятий за рубежом и в стране. Прервана «пауза» в отношениях с Парламентской ассамблеей ОБСЕ. Например, в 2019 г. создана группа межпарламентского сотрудничества с Египтом, организованы визиты делегаций Национального собрания Кувейта, Государственной думы России и Бундестага Германии в Узбекистан, делегации Сената Олий Мажлиса в Швецию и Норвегию.

²³⁸ Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на Международной конференции «Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания», г.Самарканд, 10 ноября 2017 г. // <http://president.uz>.

²³⁹ *Мирзиёев Ш.М.* Продвижение интересов Узбекистана на международной арене – основная задача нашего дипломатического корпуса // *Одобрение народа – высшая оценка нашей деятельности.* – Ташкент: «Узбекистон», 2018. – С.209.

Это все, в свою очередь, требует продуманного и скоординированного информационного и аналитического сопровождения во внешнеполитическом поле²⁴⁰, формирования положительного общественного мнения за рубежом, чему могут способствовать методы и механизмы *публичной дипломатии* в рамках концепции «мягкой силы».

Предпринимаются усилия по поиску путей использования стратегических коммуникаций (телевидение и радио, социальные сети, Интернет и др.) для оказания благоприятного влияния на региональную и международную аудиторию средствами «*цифровой дипломатии*»²⁴¹. В частности, масштабная акция с использованием стратегических коммуникаций и возможностей молодежного клуба E-yoshlar и Центра «Маънавият ва маърифат» в честь дней рождения А. Темура, А. Навои и З. Бобура и праздника Навруз позволила популяризировать имена великих предков и культурно-исторических традиций узбекского народа среди 17,8 млн пользователей Интернета в стране и по всему миру. Хэштеги «#BoburDay» «#NavoiyDay» введены в список «Лучшая десятка» хэштегов мира²⁴².

Особое место в реализации этих задач отводится Информационному агентству «Дунё» и Медиацентру при МИД, деятельности пресс-служб министерств и ведомств страны.

Созданные недавно Комитет по межнациональным отношениям и дружественным связям с зарубежными странами при Кабинете Министров²⁴³, Агентство информации и массовых коммуникаций, Информационно-аналитический центр «Стратегия развития»²⁴⁴, Союз молодежи Узбекистана²⁴⁵, организуемые Центр исламской цивилизации в г.Ташкенте и Международный исследовательский центр имени Имама Бухари в г.Самарканде²⁴⁶, а также международный фольклорный музыкальный фестиваль «Шарк тароналари», продвижение нематериальных ценностей народа, включенных в списки ЮНЕСКО, наряду с действующими

²⁴⁰ Постановление Президента Республики Узбекистан №ПП-3654 от 5 апреля 2018 г. «Об организационных мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности Министерства иностранных дел Республики Узбекистан» // <http://lex.uz/docs/3611280>.

²⁴¹ Джурсаев Ф. Цифровая дипломатия // http://www.ut.uz/ru/eshyo/theme_year/tsifrovaya-diplomatiya.

²⁴² Инициативная группа «E-yoshlar» намерена вывести хештеги #NavoiyDay и #BoburDay в мировые тренды // <https://kun.uz/ru/42392906>.

²⁴³ Указ Президента Республики Узбекистан №УП-5046 от 19 мая 2017 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию межнациональных отношений и дружественных связей с зарубежными странами» // <http://www.uza.uz/ru/documents>.

²⁴⁴ Центр «Стратегия развития» Узбекистана вошел в топ-50 лучших новых «мозговых центров» мира // <http://uza.uz/ru/society>.

²⁴⁵ Указ Президента Республики Узбекистан №ПФ-5106 от 5 июля 2017 г. «О мерах по повышению эффективности государственной молодежной политики и поддержке деятельности Союза молодежи Узбекистана» // <http://lex.uz/docs/3255685>.

²⁴⁶ Узбекистан: страна, озаренная лучом просвещения // <https://mfa.uz/ru/press/smi/2018/02/13966>.

национальными субъектами (МИД, Министерство культуры, Министерство по делам физкультуры и спорта, Министерство инвестиций и внешней торговли, Госкомтуризм, национальные НПО, хозяйствующие субъекты и др.) призваны стать **новыми важными механизмами при реализации «мягкой силы»**, особенно для работы с зарубежной целевой аудиторией.

В этом плане следует подчеркнуть отдельное внимание, уделяемое в Узбекистане укреплению структурно-организационной базы внешнеполитического ведомства, в первую очередь за счет создания новых подразделений в Центре для решения задач публичной и экономической дипломатии, а также открытия новых загранучреждений в России и государствах региона.

Таким образом, выделяются три основных аспекта концепции «мягкой силы» – политические ценности, культура и внешняя политика (*внутри этих категорий существует множество других параметров для оценки уровня «мягкой силы»*), Узбекистан обладает практически всеми исходными параметрами, основными механизмами и инструментарием для продвижения позитивного национального имиджа, последовательного формирования и прямого влияния на разработку и реализацию региональной и международной повестки дня, отстаивания национальных интересов в политическом и экономическом разрезе.

Реакция международной общественности на новую внешнеполитическую парадигму Узбекистана, которая характеризуется значительным укреплением его положительного образа на международной арене, была выражена Генеральным секретарем ООН Антонио Гутеррешем в ходе его выступления на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи 25 сентября 2018 г. В своем программном обращении с анализом современного международного положения он сказал: «Я лично стал свидетелем укрепления сотрудничества между странами Центральной Азии после мирного изменения политической власти в Узбекистане»²⁴⁷.

Как отметил в своей статье министр иностранных дел Республики Узбекистан А. Камилов, последовательно осуществляемый под руководством Президента Шавката Мирзиёева внешнеполитический курс способствовал существенному укреплению авторитета и позитивного имиджа нашей страны на международной арене, установлению и укреплению тесных контактов, открытого диалога и стратегического партнерства с широким кругом государств и международных организаций. Главным результатом стало улучшение общей политической и экономической ситуации в Центральной Азии, снижение рисков и угроз

²⁴⁷ Guterres A. Address to General Assembly of the United Nations. September, 2018 // www.un.org.

безопасности. Все это имеет чрезвычайно важное значение для дальнейшего динамичного развития Республики Узбекистан, продолжения курса масштабных реформ, которые носят необратимый характер²⁴⁸.

2.2. Внешние и внутренние факторы реализации политики «мягкой силы» Республики Узбекистан в контексте обеспечения национальных интересов

Изучение возможностей использования концепции «мягкой силы» для отстаивания национальных интересов за рубежом свидетельствует о том, что восприятие, имидж, притягательность и, как следствие, влияние любой страны базируются в основном на двух детерминирующих факторах.

Во-первых, исторически сложившиеся объективные и субъективные параметры того или иного государства в «мягкосиловом» контексте, из которых складывается его образ за рубежом и формируется позитивное, негативное либо нейтральное восприятие у иностранной аудитории. В их числе следует отметить историческое прошлое народа и страны, ее экономические возможности и географическое положение, развитость общественно-политического строя, культуру, международное положение, в том числе в рамках общепризнанных рейтингов и др.

Во-вторых, искусственно созданные образы и ассоциации, формируемые посредством централизованной, скоординированной, целенаправленной и последовательной политики государства в целях создания благоприятного имиджа, укрепления позитивной репутации и, следовательно, создания необходимых условий для продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов.

Если исходить из этих критериев и стандартов, то можно утверждать, что **Узбекистан обладает значительными ресурсами и потенциалом для реализации политики «мягкой силы».**

Решающим фактором в этом плане можно считать **твердую политическую волю Президента Узбекистана Ш.М. Мирзиёева обеспечить достойное положение страны в мировом сообществе.** Эта задача включена в концептуальные стратегические документы по развитию страны с вовлечением широкого круга государственных органов и негосударственных акторов в этот процесс с использованием имеющихся в их распоряжении сил и средств. Как отметил Президент на совещании, посвященном деятельности МИД, «завоевать доверие, уважение народа можно, прежде всего проявив уважение к его культуре, литературе и искусству, национальным ценностям»²⁴⁹.

²⁴⁸ Камиллов А. Каких успехов добивается Узбекистан во внешней политике во главе с Шавкатом Мирзиёевым // Народное слово от 30 декабря 2019 г. // <http://xs.uz/ru/post/kakikh-uspekhev-dobivaetsya-uzbekistan-vo-vneshnej-politike-vo-glave-s-shavkatom-mirziyoevym>.

²⁴⁹ Мирзиёев Ш.М. Продвижение интересов Узбекистана на международной арене – основная задача нашего дипломатического корпуса // Одобрение народа – высшая оценка нашей деятельности. – Ташкент: «Узбекистон», 2018. – С.209.

Немаловажным можно считать включение имиджевых требований в повестку дня практически всех государственных и общественных акторов Республики Узбекистан, реализацию ими практических мер по повышению авторитета страны в процессе осуществления общественно-политических и социально-экономических реформ. Можно предположить, что наблюдающаяся децентрализация внешних сношений при правильно организованной и скоординированной работе на «мягкосиловом» поле положительно скажется на повышении авторитета страны.

Следует подчеркнуть, что в Указе Президента Республики Узбекистан о реформировании системы МИД отмечены следующие серьезные проблемы, препятствующие эффективной реализации возложенных на внешнеполитический аппарат задач и напрямую относящиеся к недостаткам в работе по продвижению «мягкой силы»²⁵⁰:

- работа по информированию мирового сообщества о масштабных преобразованиях в стране и международных инициативах республики носит инертный характер, препятствуя эффективной реализации задач по формированию позитивного имиджа и укреплению авторитета страны на международной арене;

- не налажен системный диалог с соотечественниками за рубежом, не задействован их потенциал при реализации социально-экономических и культурно-гуманитарных проектов и программ в приоритетных направлениях развития республики;

- недостаточное внедрение передовых информационно-коммуникационных технологий сдерживает решение приоритетных задач, не обеспечивает оперативное внешнеполитическое и внешнеэкономическое реагирование, а также развитие инструментов «цифровой дипломатии».

В Послании Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева Олий Мажлису Республики Узбекистан в январе 2020 г. сквозной темой стали глубокие политические оценки и концептуальные установки, которые можно отнести к комплексу проблем дальнейшего наращивания и проецирования «мягкой силы» Узбекистана на новом этапе его развития.

Основным стратегическим посылом во внутривластной парадигме, обращенным к обществу и внешней аудитории, стало заявление о том, что «демократические реформы – единственно правильный для нас путь». Особо подчеркнуто, что в Узбекистане ведется постоянная работа на данном направлении, изучается передовой зарубежный опыт и есть

²⁵⁰ Указ Президента Республики Узбекистан №УП-5400 от 5 апреля 2018 г. «О мерах по коренному совершенствованию системы Министерства иностранных дел Республики Узбекистан и усилению его ответственности за реализацию приоритетных направлений внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности» // lex.uz/docs/3611113.

стремление «изменить нашу жизнь, стиль и методы нашей работы». «Мы поставили перед собой такую высокую цель, как построение вместе с нашим народом нового Узбекистана. На этом пути в нашей жизни все более глубоко утверждается новый принцип: **«Инициатор реформ – само общество»**, – заявил глава государства²⁵¹.

Один из высокопоставленных узбекских дипломатов в беседе с автором отметил, что во влиятельных европейских политических кругах Узбекистан последние четыре года метко называют «The Land of Reforms», или «Страной реформ», что емко характеризует новейший облик нашего государства и по сути подтверждает радикальное изменение его восприятия за рубежом. Налицо также явный позитивный сдвиг в репутационном плане, если учесть динамичную и привлекательную семантику данного выражения.

Если рассматривать содержание указанного Послания главы государства через призму укрепления потенциала «мягкой силы», то можно выделить тот факт, что в нем несколько раз дается оценка позиции нашей страны в признанных международных рейтингах. Например, в рейтинге Всемирного банка «Ведение бизнеса» Узбекистан поднялся на 7 позиций, занял 8-е место среди 190 государств по показателю регистрации бизнеса, вошел в число лучших стран-реформаторов. Президент страны подчеркнул, что Узбекистан «принимает все необходимые организационно-правовые меры, чтобы войти в число лучших 50 стран в рейтинге Всемирного банка «Ведение бизнеса». Одно из авторитетных в мире изданий – журнал «Economist» признал Узбекистан страной года, государством, где реформы в 2019 г. осуществлялись наиболее быстрыми темпами.

В культурно-гуманитарном плане предусматриваются знаковые мероприятия и акции, имеющие не только международную коннотацию, но и играющие ключевое значение для укрепления национальной идентичности, развития духовно-нравственных ценностей людей, особенно молодежи. В этом плане **выдвигается новая концепция на основе идеи «От национального возрождения – к национальному прогрессу»**.

Как уже упоминалось, в Узбекистане уделяется пристальное внимание туризму, широкое развитие которого имеет мультипликативный эффект как с точки зрения эффективной реализации экономической политики, так и в плане расширения узнаваемости Узбекистана, его истории, культуры и в целом национальной идентичности среди общественности зарубежных стран.

²⁵¹ Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису, г.Ташкент, 24 января 2020 г. // <https://uza.uz/ru/politics/poslanie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziyeev-25-01-2020>.

В Узбекистане находится свыше 8 200 объектов культурного наследия, из них в туристические маршруты включено лишь 500 объектов, в связи с чем ставится задача по доведению числа объектов, включенных в маршруты паломнического и традиционного туризма, до 800. Ряд авторитетных зарубежных изданий назвал Узбекистан в числе стран, которые обязательно стоит посетить, что требует ускоренного развития паломнического и медицинского туризма, имеющего большой потенциал. Преодоление международного кризиса в связи с распространением пандемии коронавируса позволит последовательно реализовать поставленные задачи.

Еще одной важной задачей в «мягкосиловом» треке обозначено ускорение процесса включения в списки материального и нематериального культурного наследия ЮНЕСКО новых объектов Узбекистана.

В республике планируется возведение и реконструкция зданий десятка театров и учреждений культуры. На условиях государственно-частного партнерства будет открыто 20 центров культуры, парков культуры и отдыха.

Важным событием в культурной жизни страны призвано стать проведение второго Международного фестиваля искусства макама в Шахрисабзе.

Запланированы мероприятия в честь 145-летия Махмудходжи Бехбуди – выдающегося ученого и общественного деятеля, который в непростой период истории Узбекистана смело выступал за свободу Родины и просвещение народа. Перед научной общественностью ставится задача глубоко изучать историю движения джадидов, наследие наших предков-просветителей. Изучение этого духовного наследия дает возможность найти ответы на злободневные вопросы, волнующие общество сегодня. «Чем активнее мы будем пропагандировать его, – сказал глава государства, – тем сильнее наш народ, особенно молодежь, будет ценить нынешнюю мирную и свободную жизнь».

В данном исследовании особое внимание уделяется **историческому контексту «мягкой силы» Узбекистана**. Это связано с тем, что культурно-исторический нарратив представляется важнейшим и действенным инструментом «мягкой силы» страны. Метод последовательного конструирования притягательных образов о стране на основе объективного исторического материала коррелирует и соответствует новейшим тенденциям в науке о международных отношениях, в которой культурно-цивилизационный фактор видится важнейшим в осмыслении мирополитических процессов.

В этом плане чрезвычайно актуально звучит мнение авторитетных ученых-историков Узбекистана профессора Дилором Алимовой и доцента Валерия Хана, которые ратуют за междисциплинарность как одну из

важнейших черт современной науки. «До сих пор не использован потенциал исторической науки в создании брендов Узбекистана. И это снова задача государственной важности, когда все страны борются за распределение мирового информационного пространства, узнаваемость национальной топографии, позитивное восприятие образа страны. Результат этой борьбы – развитие туризма, исторического кинематографа, инвестиционные потоки, экспорт национальной культуры в другие страны, политическое влияние и так далее. Использование достижений исторической науки способно многое изменить: восприятие страны другими народами, ее статус среди других государств, нашу молодежь и наше будущее»²⁵², – подчеркивают они.

Мы убеждены, что часть исторических исследований в Узбекистане следует в междисциплинарном плане связать с политологией через призму изучения проблемного поля «мягкой силы». Именно таким путем Узбекистан реальным образом может выйти на «производство смыслов», имеющих общемировое значение, занять свою твердую и стабильную культурно-цивилизационную позицию в мировой политике, на многие годы вперед сформировать отношение к себе в международном сообществе.

Исторический контекст в формировании потенциала «мягкой силы» Узбекистана заметно проявляется в оценке ключевых событий новейшей мировой истории. Безотносительно к нынешнему информационно-пропагандистскому противостоянию между Россией и рядом государств Восточной Европы в оценке истоков, причин, хода и геополитических последствий Второй мировой войны, не принимая чью-либо сторону в споре о роли Советского Союза в судьбе государств этого региона от ее окончания до падения Берлинской стены, следует констатировать, что народ Узбекистана в годы Второй мировой войны, принеся огромные человеческие жертвы, был в рядах победителей и тем самым по праву гордится неизмеримым вкладом, внесенным в разгром нацизма. В общей сложности более 1,95 млн жителей Узбекистана из около 6,55 млн населения участвовали в этой войне, из них более 538 тысяч человек не вернулись домой. Узбекистан принял на своей территории 1,5 млн эвакуированных, в том числе свыше 250 тыс. детей, с западных территорий страны, предоставив им кров и окружив искренней заботой, тем самым внес огромный вклад в тыловое обеспечение фронта.

Именно поэтому, по мнению главы государства, огромное значение имеет «масштабная работа по увековечению героизма и стойкости народа в годы войны посредством искусства кино, театра, в художественно-публи-

²⁵² Алимова Д., Хан В. Гравитационная сила истории. Размышления об исторической науке // Статья на сайте Gazeta.uz // <https://www.gazeta.uz/ru/2017/07/26/history>.

цистических произведениях, а также организация научных исследований, доведение до общественности, особенно до молодежи, непреходящего значения великого подвига наших отцов и дедов».

Одним из символов этого общего со многими другими народами мира триумфа является новый «Парк Победы» в Алмазарском районе г. Ташкента. Празднование в 2020 г. Дня памяти и почестей – 75-летия Великой Победы наряду с внутривластным контекстом имеет значительную внешнюю проекцию, укрепляя международный статус и влияние Узбекистана вне зависимости от текущей геополитической конъюнктуры, подтверждает его твердую приверженность идеалам мира и свободы.

В качестве еще одного важного шага в деле укрепления внутренних детерминантов «мягкой силы» следует рассматривать политическую установку на налаживание практического взаимодействия парламента, правительства и институтов гражданского общества в достижении Целей устойчивого развития Организации Объединенных Наций, регулярном проведении парламентских и общественных слушаний по данному вопросу. Тем самым подчеркивается прогрессивность реализуемых в Узбекистане реформ, их **непосредственное соотношение и взаимосвязь с глобальным мейнстримом, неразрывность стратегии внутреннего развития с актуальными и долгосрочными целями и задачами международного сообщества.**

Внутренним способствующим фактором для наращивания «мягкой силы» Узбекистана нужно считать **укрепление в обществе атмосферы межнационального согласия и религиозной толерантности.** В концентрированном и объективном ракурсе данный тезис находит подтверждение в работах профессора Р.Х. Муртазаевой, где вполне обоснованно утверждается, что анализ тенденций развития межнациональных отношений за годы независимости свидетельствует о собственном пути нашего государства в межэтнических отношениях. Он базируется на вековых традициях толерантности, взаимопонимания, дружелюбного и уважительного отношения к другим народам. Узбекистан гордится тем, что в исторической памяти нашего народа и государства нет позорных страниц проявления антисемитизма, расизма и других форм высокомерного и неуважительного отношения к другой нации, к другому народу. Собственная государственная политика в области межнациональных отношений, цивилизованный и гуманистический подход к решению межнациональных проблем привели к стабильности в межнациональных отношениях, выгодно отличающих Узбекистан среди других государств²⁵³.

²⁵³ Муртазаева Р.Х. Проявление толерантности узбекского народа в полиэтническом Узбекистане в условиях независимости // <https://cyberleninka.ru/article/n/proyavlenie-tolerantnosti-uzbekskogo-naroda-v-polietnichnom-uzbekistane-v-usloviyah-nezavisimosti>.

Принципы и нормы мультикультурализма, на кризис которого в западных странах указывают многие исследователи, столетиями были и сохраняются в качестве ключевого фактора в определении национальной идентичности проживающих на территории Узбекистана народов. **Взаимная терпимость и уважение различных наций и религиозных конфессий представляли собой историческую данность, некую перманентную константу политических и социальных реалий, не подвергались сомнению и передавались в качестве неизменной ценности из поколения в поколение.**

В связи с Международным днем дружбы актуальным представляется проведение в стране первой Недели дружбы и Международного форума-фестиваля «Дружба». Помимо важной внутривластной канвы, подобные знаковые мероприятия являются ярким проявлением мультикультурализма и последовательно укрепляют притягательный образ Узбекистана в международном сообществе, тем более на фоне роста национализма, ксенофобии и нетерпимости во многих государствах мира. Гражданский мир и согласие сохраняются в качестве ключевого элемента обеспечения национальной безопасности.

Обращает на себя внимание тот факт, что политическое руководство страны уделяет постоянное внимание **исламскому религиозному фактору**, если учесть его растущую внутриобщественную значимость и тесную корреляцию через миллионы невидимых нитей в целом с подвижными процессами в мусульманском мире.

Если рассматривать расширение международных сетей вне государственной регуляции в контексте внешних связей Узбекистана, то следует прежде всего подвергнуть глубокому анализу влияние мусульманской уммы на социальные отношения и общественные настроения. В то же время, имея в виду неоднородность и индивидуальные национальные характеристики внутри самого исламского мира, возникает потребность в собственном позиционировании Узбекистана в этой сложной и динамичной системе. Исторический опыт свидетельствует о том, что религиозный фактор – это важный ресурс «мягкой силы» Узбекистана, который тем не менее требует деликатного и осмотрительного применения с учетом многоаспектных факторов, связанных с обеспечением безопасности.

Именно поэтому глава государства настойчиво выносит на повестку дня «вопросы доведения до широкой общественности гуманистической сути исламской религии, провозглашающей ценности мира, дружбы и согласия, утверждения благородной идеи **«Просвещение – против невежества».**

Примечательна в этой связи организация международных научно-практических конференций и других мероприятий по тематике религиозной толерантности, а также посвященных жизни и научному наследию великого ученого-мухадиса Имама Бухари, выдающегося теолога Абу Мансура Мотуриди и продолжателя его дела Абу Муина Насафи. Предусматриваются реконструкция мемориального комплекса Имама Бухари в Самарканде на основе уникального проекта, организация мероприятий в честь 700-летия со дня рождения великого мыслителя Бахоуддина Накшбанда. В этом плане уместно вспомнить о наличии многочисленных приверженцев ордена Накшбандия в странах арабо-мусульманского пояса.

Глава государства неоднократно подчеркивал приверженность к «отвечающей национальным интересам **открытой, прагматичной и глубоко продуманной внешней политики**» на двустороннем и многостороннем уровнях, в частности, намерение последовательно продвигать вопрос о членстве Узбекистана в период 2021–2023 гг. в Совете по правам человека ООН, посвятить правам молодежи форум по правам человека и принять Национальную стратегию по правам человека.

Председательство Узбекистана в СНГ в 2020 г. имеет историческое значение и способствует расширению экономического сотрудничества в рамках Содружества, повышению результативности принятых организацией решений и дальнейшему укреплению гуманитарных связей между странами-участницами. Несмотря на пандемию, проведен в онлайн-режиме ряд важнейших совещаний и консультативных встреч отраслевых министерств и ведомств, совместных органов Содружества для обсуждения наиболее актуальных и перспективных вопросов взаимодействия.

После выступления Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева с Посланием Олий Мажлису в январе 2020 г. многие аналитические и исследовательские центры начали изучать данное обращение²⁵⁴. В частности, глава аналитической группы Defense & Foreign Affairs²⁵⁵ («Международные и оборонные исследования») Грегори Копли опубликовал статью «Президент Узбекистана обозначил в общих чертах самый масштабный стратегический подход в Центральной Азии со времен Советского Союза» (Uzbekistan President Outlines the Most Significant Grand Strategic Approach in Central Asia Since the Soviet Era).

²⁵⁴ <http://uza.uz/ru/society/o-reaktsii-mezhdunarodnykh-analiticheskikh-tsentrov-posle-po-27-01-2020>.

²⁵⁵ Аналитическая группа Defense & Foreign Affairs является неправительственной организацией и членом Международной ассоциации стратегических исследований (ISSA), которая базируется в Вашингтоне. Defense & Foreign Affairs образована в 1972 г. и занимается изучением вопросов национальной и международной безопасности, проводит специальные конференции и семинары по стратегическим и оборонным темам по всему миру.

Г. Копли отмечает, что выступление Президента Шавката Мирзиёева стало одним из наиболее значительных заявлений о национальной политике лидера центральноазиатской страны, где впервые были изложены конкретные этапы масштабной государственной стратегии с момента обретения независимости. Он считает, что следующим компонентом этой важной стратегии, несомненно, будет рассмотрение места Узбекистана в глобальном контексте, которое можно будет сформулировать только после достижения ясности в понимании своей страной собственной идентичности и целей. «Речь Президента Шавката Мирзиёева, нацеленная на выявление и представление чувства узбекской идентичности и ценностей, была слишком насыщенной, чтобы ее можно было быстро осмыслить. Предусматривается заложение широкой, но в то же время детальной основы для экономического и социального развития государства и общества, переходящего по видениям Президента в новую эру», – резюмирует Г. Копли.

Как заметил эксперт, объявление Шавкатом Мирзиёевым 2020 года Годом развития науки, образования и цифровой экономики свидетельствует о стремлении создания общества, структуры и инфраструктуры Узбекистана, способной конкурировать во всех сферах.

Искренняя откровенность главы государства указывает на то, что он остается верным своему обещанию по созданию прозрачного правительства. Это была речь, ориентированная на внутренние жизненно важные интересы, но с точки зрения повышения стратегической конкурентоспособности Узбекистана в Евразийском и глобальном контексте. Акцент Президента Узбекистана на правовых рамках, включая независимость судов и права граждан, найдет положительный отклик у иностранных инвесторов.

Все замечания, высказанные Президентом, касались необходимости такой социальной и экономической справедливости, которая может дать возможность обществу искоренить неприемлемый уровень бедности и коррупцию. Инициатива главы государства по взаимодействию с Олий Мажлисом по созданию инструментов противодействия коррупции, несомненно, найдут отклик среди общественности.

Говоря о правоохранительных органах, Шавкат Мирзиёев признал необходимость существенного повышения профессионализма. Рыночная ориентация Послания отражает фундаментальную приверженность открытому обществу, которое будет привлекать целевую аудиторию Евросоюза.

Г. Копли выделяет в Послании Президента следующее: «Учитывая положение Узбекистана, не имеющего выхода к морю, его акцент на региональной экономической интеграции имеет решающее значение.

Его следующим шагом будет обеспечение того, чтобы Узбекистан возобновил свою роль в развитии южных экспортно-импортных коридоров через Афганистан, Пакистан и Иран. Это будет означать, что Узбекистан будет нести определенную ответственность за содействие дипломатии по урегулированию конфликтов в отношении достижения мира в Афганистане».

В то же время, несмотря значительные положительные подвижки в благоприятном восприятии страны среди влиятельных политических кругов за рубежом, следует признать, что Узбекистан в некоторой степени отстает от некоторых своих партнеров на постсоветском пространстве в вопросах выстраивания четкой политики в сфере «мягкой силы»: имидж страны за рубежом нуждается в определенной корректировке с учетом сохраняющихся стереотипов, поддерживаемых некоторыми представителями западной элиты, НПО и СМИ²⁵⁶.

По нашему мнению, необъективная оценка образа страны у зарубежной аудитории связана с остаточными фобиями, которые типичны по отношению к постсоветскому пространству. В их числе якобы недемократичность государственно-общественной системы, слабость государственных институтов, репрессивность правоохранительных органов, ущемление прав человека и религиозных свобод, отсутствие либеральных СМИ, распространенность коррупции, местничества и клановости, недостаточность рыночных реформ и чрезмерное государственное участие в экономике, неблагоприятный инвестиционный климат²⁵⁷, использование принудительного труда, огромное число незащищенных государством трудовых мигрантов за рубежом²⁵⁸, архаичность узбекского общества и другие во многом уже преодоленные или преодолеваемые в ходе реформ проблемы.

Обращает на себя внимание тот факт, что перечисленная повестка внешней критики практически совпадает с новой стратегической повесткой Узбекистана, где содержится твердое осознание того, что решение этих вопросов необходимо не только для выправления некоторых аспектов имиджевого плана, но и для обеспечения жизненно важных условий, необходимых для прогрессивного национального развития в быстро меняющихся условиях неоглобализма.

²⁵⁶ World Report 2019: Uzbekistan / Human Rights Watch // <https://www.hrw.org/world-report/2019/country-chapters/uzbekistan>.

²⁵⁷ Stronski P. Will Mirziyoyev's Plodding Reforms Be Enough for Uzbekistan? // <https://carnegieendowment.org/search/?lang=en&qry=Uzbekistan¢er>.

²⁵⁸ World Report 2019: Uzbekistan / Human Rights Watch // <https://www.hrw.org/world-report/2019/country-chapters/uzbekistan>.

Некоторые внешние силы, несмотря на декларируемую готовность оказать Узбекистану морально-политическую поддержку в реализации реформ, сохраняют в качестве критического аргумента или тыла для возможного отхода от достигнутых договоренностей якобы сохраняющиеся «проблемы в области прав человека». Внимания требует акцент на необходимости обеспечения в Узбекистане широких религиозных свобод²⁵⁹, что может при определенных условиях расшатать межконфессиональную и, следовательно, общественную стабильность. Такой подход использовался некоторыми западными партнерами в отношении Узбекистана и ранее как предлог для оказания на него влияния.

В плане международного положения выдвигаются оценки о стратегической зависимости от политики великих держав Евразийского макрорегиона, недружественном и высокомерном отношении к более слабым соседям в регионе в прошлом, необходимости постоянного балансирования между ведущими центрами силы – Россией, Китаем и Соединенными Штатами.

Гипертрофируется негативное влияние конфликта в Афганистане на общественно-политическую и экономическую ситуацию в регионе²⁶⁰, в негативном ракурсе преподносится транспортная изолированность территории, выносятся на передний план проблемы недостаточности природных ресурсов – плодородной земли и воды, Аральское экологическое бедствие. Все еще культивируется региональная разобщенность стран Центральной Азии. Подобные однобокие и во многом искусственно структурированные тезисы могут в неблагоприятном ключе влиять на инвестиционный климат и исказить объективную оценку реальных позитивных тенденций на национальном и региональном уровнях.

Недостатки в формировании единого, понятного и признанного образа страны вызывают среди отечественного и зарубежного экспертного сообщества дискуссии об **определении национальной или геополитической идентичности, принадлежности Узбекистана к устоявшимся в современном мире цивилизациям или альянсам государств** – исламской умме, тюркскому миру, евразийскому сообществу, либеральным прозападным союзам²⁶¹.

В этом контексте рассмотрим позицию Ш.М. Абдуллаева: «Наша геополитическая идентичность сегодня отличается крайней многослойностью. И это наша сила. Именно в ней заключается обновленная

²⁵⁹ В США заявили, что не пытаются восстановить военное присутствие в Узбекистане // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5206462>.

²⁶⁰ Олкотт М.Б. Государства Центральной Азии идут своим путем // Московский Центр Карнеги. – М., 2013, №1-2 (58). – С.70-73 // <http://www.carnegie.ru/proecontra>.

²⁶¹ Абдуллаев Ш.М. Трансформация международной системы и геополитической идентичности Узбекистана // Международные отношения. – Ташкент, 2017, №4. – С.100-107.

внешняя политика, на ней базируется наша дипломатия. Мы имеем такие ресурсы в сфере геополитической идентичности, которыми обладает не всякая страна.

Мы обладаем евразийской идентичностью и сегодня это признаем на практике и в теории: недавно мы от этого уходили, а слово «Евразия» стало для нас табу.

Мы обладаем европейской идентичностью и всегда ею обладали: это также наш ресурс.

Мы обладаем очень сильной исламской идентичностью и являемся частью исламского мира, используем ее в национальных интересах, в интересах внешней политики и «мягкой силы».

Мы обладаем очень сильной тюркской идентичностью, которую мы недавно не признавали и от нее дистанцировались. Мы сегодня поддерживаем продвинутые отношения с Турцией и Азербайджаном. Узбекистан является частью «Большого Каспия» в рамках «каспийского уравнения». Мы имеем мощные связи с членами Тюркского Совета, нашими соседями – Казахстаном, Кыргызстаном, Туркменистаном. Это очень важный фактор. Узбекистан занимает правильную и сбалансированную позицию в этом вопросе без ущерба интересам третьих стран, так как региональные и великие державы осторожно смотрят на этот вопрос.

Мы обладаем мощной центральноазиатской идентичностью. Об этом мы можем говорить благодаря усилиям Узбекистана в региональной политике. В связи с этим возникает вопрос: наша геополитическая идентичность – это «мягкая» или «жесткая» сила? По-моему, это «умная сила», так как она находится на стыке этих определений»²⁶².

В этом отношении весьма показателен анализ выдающегося американского политолога, профессора Гарвардского университета Сэмюэля Хантингтона, который выдвинул в начале 1993 г. в своей статье «Столкновение цивилизаций?» новую «цивилизационную модель» мировой политики. Его концепция, в развернутом виде опубликованная в книге «Столкновение цивилизаций», представляется весьма востребованной в наши дни, если учесть глубокие противоречия по линиям геополитических разломов, в том числе на межрелигиозной, межнациональной и межрасовой почве.

С. Хантингтон в своей статье, рассматривая многообразие цивилизационной самоидентификации Анкары, подчеркивает, что «Турция прилагает все усилия, чтобы выстроить для себя новую идентичность» и «ответ гласит: «Ташкент»»²⁶³. Тем самым американский

²⁶² Из выступления профессора Ш.М. Абдуллаева на Научном Совете по присуждению ученых степеней при Высшей школе стратегического анализа и прогнозирования Республики Узбекистан, г.Ташкент, 24 января 2020 г.

²⁶³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. – М., 1994. – С. 43-44.

политолог намекает на тюркскую идентичность Турции, которая в наши дни все ярче проявляется в ее внешней политике, а Узбекистан в этом уравнении играет весомую роль в силу своего мощного культурно-цивилизационного притяжения.

В своем одном из самых известных произведений «Конец истории и последний человек» американский философ и футуролог Фрэнсис Фукуяма высказывается о том, что «нации, созданные современным национализмом, во многом были основаны на прежнем «естественном» языковом разделении. Но еще они были намеренным продуктом националистов, у которых была некоторая степень свободы в определении того, кто или что составляет язык или нацию. Например, «пробуждающиеся» сейчас нации в советской Средней Азии не существовали как осознающие себя языковые сущности до большевистской революции; сегодня узбекские и казахские националисты роются в библиотеках, чтобы «переоткрыть» исторические языки и культуры, которые для многих из них являются совершенно новыми»²⁶⁴.

Данная работа американского автора издана в 1992 г., вскоре после обретения Узбекистаном и Казахстаном государственного суверенитета, и впоследствии автор отказался от части изложенных в ней принципиальных положений. Суть в другом. Следует помнить то обстоятельство, что книга Ф. Фукуямы до сих пор входит в университетские курсы по различным научным дисциплинам, по сути, в анналы политологии и философии и содержит не вполне корректную оценку процессов укрепления национальной идентичности государств нашего региона.

Во-первых, национальная идентичность узбекского народа ввиду очевидных факторов априори не может быть предметом для дискуссий. Сильное развитие в Узбекистане «чувства национального самосознания и достоинства» и стремление к «самоутверждению» даже в годы советской власти отчетливо смог заметить Зб. Бжезинский в ходе своих поездок до и после обретения независимости Узбекистаном.

Во-вторых, узбекский народ даже в труднейшие периоды своей истории не терял своего языка и культурно-духовных ценностей, обладал и продолжает приумножать свою уникальную национальную идентичность, вбирающую в себя широчайшую палитру философий, языков и традиций Востока и Запада.

В этом контексте мы всецело поддерживаем тезис профессора Ш.М. Абдуллаева о том, что **мультикультурализм Узбекистана является источником его «мягкой силы»**. Очевидно, что мультикультурализм в

²⁶⁴ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2004. – С.418-419.

мире и особенно в Европе фактически находится в глубоком кризисе, вызывая тем самым на политическую авансцену популистов и откровенных право-радикалов. Принципы мультикультурализма, на которых строилась идентичность ЕС в последние десятилетия, переживают огромные трудности. Принцип trust building (строительства доверия), который господствовал в Европе, подвергается большим сомнениям. В государствах ЕС преобладают заметно разные подходы и ценности в вопросе европейского единства.

Свидетельством тому могут служить противоречия в политике европейских стран во время острого миграционного кризиса 2018–2019 гг. и трудности в выработке коллективных мер по противодействию пандемии COVID-19, прежде всего в наиболее пострадавшей Италии. Объективности ради следует отметить, что Глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен, выступая на онлайн-сессии Европарламента в апреле 2020 г., публично принесла извинения, что все страны ЕС не смогли своевременно прийти на помощь Италии в условиях пандемии коронавируса: «Это правда, что никто не был готов к подобному. И это правда, что многие не смогли ответить, когда Италия нуждалась, чтобы ей протянули руку помощи. И да, за это вся Европа приносит свои глубокие извинения», – заявила фон дер Ляйен²⁶⁵.

На этом фоне (безотносительно к пандемии коронавируса) ситуация в Центральной Азии, в том числе в Узбекистане, резко отличается и это признают западные исследователи. Без сомнения, наш регион обладает всеми исходными характеристиками для того, чтобы выступать площадкой для межкультурного взаимодействия и сотрудничества различных культур. Это является частью гуманитарной идентичности.

Уместно в этом контексте привести авторитетное мнение профессора Р.Х.Муртазаевой, которая утверждает, что «Узбекистан, один из очагов цивилизации, на протяжении трех тысячелетий смог выстоять благодаря многообразию культур, толерантности, богатому разнообразию этносов, традиций и конфессий. В качестве исторической эстафеты предков узбекистанцам передана мысль о том, что сила и будущее в единстве.

В настоящее время Узбекистан с 34-миллионным населением – одно из наиболее многонациональных и многоконфессиональных государств мира, где проживают представители 136 национальностей, 16 конфессий. Народы, населяющие Узбекистан, объединены многовековой общей судьбой, принадлежностью к государству с древней и многоликой культурой.

²⁶⁵ Фон дер Ляйен вновь извинилась, что ЕС не пришел на помощь Италии вовремя // <https://tass.ru/obschestvo/8257735>.

История Узбекистана с его опытом интеграции различных традиций, религий и культур в сочетании с бережным отношением к самобытности его народов – наглядное опровержение сомнительной концепции «столкновения цивилизаций». Культурное многообразие и одновременно цивилизационное единство Узбекистана убедительно доказывают обратное – возможность эффективного межкультурного и межрелигиозного взаимодействия.

Важным источником мирного сосуществования наций и народностей на земле Узбекистана является особый менталитет узбекского народа, в основе которого находится исторический опыт народа, сложившийся на протяжении веков, система обычаев и традиций, доброта, миролюбие, открытость, широта и щедрость души, гостеприимство, милосердие. Они сыграли большую роль во время самых трудных исторических испытаний, став основой стойкости узбекского народа. Сохранение межнационального мира и согласия, обеспечение бережного отношения к национально-культурной самобытности народов Узбекистана – все это является стратегической задачей государственной политики. Духовное единство народа и общие моральные ценности, реформированные здесь за века совместной жизни, – фактор развития, значимые не меньше, чем политическая и экономическая стабильность»²⁶⁶.

Целесообразно обратить внимание на то, что некоторые внешние игроки и значительная часть зарубежной аудитории, исходя из собственных геополитических интересов, рассматривают Центральную Азию в качестве единого регионального актора, зачастую игнорируя заметные историко-цивилизационные, культурные, демографические и иные различия между проживающими здесь народами²⁶⁷. Это не способствует продвижению исторически сложившихся и искусственно культивируемых положительных образов об Узбекистане для продвижения интересов государства. В то же время какой-либо дилеммы в вопросе оценки национальной и региональной «мягкой силы» не существует. Будучи в эпицентре основных исторических и современных региональных событий и не претендуя на некую исключительность, Узбекистан не может «отрывать» национальную «мягкую силу» от «общерегиональной» и рассматривает последнюю скорее в качестве исключительно важной компоненты развивающегося регионализма в Центральной Азии.

²⁶⁶ Муртазаева Р.Х. Проявление толерантности узбекского народа в полиэтничном Узбекистане в условиях независимости // <https://cyberleninka.ru/article/n/proyavlenie-tolerantnosti-uzbekskogo-naroda-v-polietnichnom-uzbekistane-v-usloviyah-nezavisimosti>.

²⁶⁷ Ларюэль М. Внешняя политика и идентичность в Центральной Азии // Pro et Contra // Московский Центр Карнеги. – М., 2013. №1-2 (58). С.6-7 // <http://www.carnegie.ru/proecontra>.

Следует учитывать складывающуюся экономическую конкуренцию на международной арене, стремление определенных кругов скомпрометировать и нанести ущерб международному имиджу Узбекистана на фоне его активной внутренней и внешней политики. Ввиду общности информационного поля на постсоветском пространстве и ее влияния на процесс позиционирования нашей страны во внешнем мире, серьезного внимания заслуживает отслеживание и при необходимости нивелирование попыток ряда СМИ «замалчивать» или нанести репутационный ущерб проводимому в Узбекистане курсу реформ²⁶⁸.

Кроме того, назрели серьезные научные дискуссии относительно теоретического осмысления современных внутри- и внешнеполитических процессов в странах региона, если учесть неоднозначность и спорность, по крайней мере в контексте коренных изменений в Узбекистане, использования теорий патримониализма (Макс Вебер) и неопатримониализма (Ш. Эйзенштадт) при анализе и определении систем государственного управления в Центральной Азии²⁶⁹.

В плане научной полемики внимательного рассмотрения также требуют ранее изложенные обобщающие тезисы российских ученых в отношении характера политических систем государств Центральной Азии: «авторитарный плюрализм» (по Р. Скалапино); «нелиберальная демократия» (по Ф. Закария); «консервативно-патерналистское» устройство (по А. Воскресенскому); «анклавно-конгломератный тип» политико-социальной системы²⁷⁰. Полезность таких обсуждений очевидна как для внутреннего научного дискурса, так и внешнего проецирования политических образов об Узбекистане. Образование в 2020 г. Института государства и права Академии наук Республики Узбекистан для осуществления «фундаментальных и прикладных исследований в области государства, права и политико-правовых учений», безусловно, будет иметь положительное значение в этом процессе²⁷¹.

Остаются востребованными целевые установки по нивелированию определенного неблагоприятного образа Узбекистана в некоторых сферах

²⁶⁸ Ибрагимова Г. Тонут в величии. В Узбекистане победили старую диктатуру. Но уже готовы строить новую // https://lenta.ru/articles/2019/01/17/uzbekskiy_vektor; Fazendeiro B.T. Soft power under Mirziyoyev: Change and continuity in Uzbekistan's foreign policy // <https://www.opendemocracy.net/en/odr/soft-power-under-mirziyoyev>.

²⁶⁹ Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – С. 105-106.

²⁷⁰ Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах. Очерки текущей политики. – М.: НОФМО, 2010. С.12-15.

²⁷¹ Указ Президента Республики Узбекистан Ш.Мирзиёева от 29 апреля 2020 г. «О дополнительных мерах по кардинальному совершенствованию юридического образования и науки в Республике Узбекистан» // <https://uza.uz/ru/documents/o-dopolnitelnykh-merakh-po-kardinalnomu-sovershenstvovaniyu--29-04-2020>.

жизнедеятельности для преодоления препятствий в деле продвижения политических и экономических интересов Узбекистана. Это, в свою очередь, требует продуманного проведения разноаспектных мероприятий «мягкосилового» характера на долгосрочной основе. Именно по этой причине есть необходимость «вести постоянную работу по широкому информированию зарубежной общественности о том, что Узбекистан готов к развитию открытых, конструктивных и взаимовыгодных отношений»²⁷².

Таким образом, **многослойность и многозначность исторического, геополитического, культурного и этнического кода страны напрямую влияют на конструирование национального концепта «мягкой силы»**, способствуют его практическому выстраиванию в современной конкурентной международной среде. Такое разнообразие исходных «мягкосиловых» ресурсов предоставляет преимущества для их продвижения, однако усложняет работу политических архитекторов и принимающих стратегические решения лиц.

В силу жизненной важности для будущего международного позиционирования Узбекистана решения вопроса о формате вовлечения в интеграционные процессы в рамках Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС), в 2019–2020 гг. по этой теме была развернута широкая общественная и экспертная дискуссия.

С одной стороны, это свидетельство открытости правительства перед народом и легитимации государственных решений, что уже является новой нормой во внутренней общественно-политической жизни страны и признаваемым прорывом в укреплении внутреннего аспекта «мягкой силы».

С другой стороны, при рассмотрении вопросов расширения зарубежного партнерства Узбекистан ввиду множественных и во многом объективных экономических, политических, исторических, социальных и культурно-цивилизационных факторов сталкивается с некой геополитической дихотомией. «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись», – писал Киплинг. Такая точка зрения дала начало культурологической дихотомии «Восток – Запад», описывающей разницу между восточной и западной цивилизациями.

Актуализация вопроса о перспективах вовлечения Узбекистана в общие евразийские экономические процессы с ведущей ролью России продиктована его обширными и исторически детерминированными связями с государствами этого пространства, а также очевидным образом и напрямую затрагивает глубинные национальные интересы на внешнем

²⁷² Мирзиёев Ш.М. Продвижение интересов Узбекистана на международной арене – основная задача нашего дипломатического корпуса // Одобрение народа – высшая оценка нашей деятельности. – Ташкент: «Узбекистон», 2018. – С.210.

поле. Одновременно вынос на повестку дня этого жизненно важного вопроса вызывает по понятным всем причинам негативную реакцию на Западе, где открыто намекают на возможные сложности для Узбекистана в процессе вхождения во Всемирную торговую организацию (ВТО) при условии участия в евразийском торговом и экономическом альянсе. В этой ситуации выбор в пользу участия в ЕАЭС в качестве наблюдателя стало как взвешенным политическим решением руководства, так и результатом общественного консенсуса, что ни в коей мере не может отрицаться или игнорироваться внешними силами. Это можно расценить как реальное проявление новых, довольно устойчивых и повсеместно находящихся свое утверждение демократических традиций и ценностей в обществе.

В последние годы Узбекистан находился на достаточно неблагоприятных позициях в большинстве **международных рейтинговых оценок**, включенных в критерии индекса «мягкой силы» Portland Communication. Например, в индексе экономической свободы Heritage Foundation наша страна занимает 148-е место из 180 государств, в индексе демократии – 158-е место среди 167 государств, в рейтинге свободы слова организации «Репортеры без границ» она на 169-м месте среди 180 стран, в индексе ООН по человеческому развитию на 105-м месте из 188 государств, в глобальном индексе миролюбия на 104-м месте из 180 государств²⁷³.

Несмотря на политизированность и ангажированность многих подобных рейтингов, необходимо учитывать их важное значение в плане воздействия на общественное мнение зарубежных стран, на оценочные выкладки международных политических и финансовых институтов, аналитических центров, а также на восприятие страны влиятельными кругами развитых стран и потенциальными инвесторами.

Позитивные оценки международных рейтингов способствуют устойчивому развитию экономической и социальной сферы, эффективному разрешению противоречий с другими странами и иными субъектами международных отношений и усиливают позиции страны в мире.

Анализ перспектив реализации национальной политики «мягкой силы» на современном этапе выявил ряд **внутренних сдерживающих факторов**.

Во-первых, в Узбекистане категория «мягкой силы» находится на начальном этапе вхождения во внешнеполитический и внешнеэкономический дискурс. Начата разработка подходов к структурированию комплексной политики «мягкой силы» и позиционирования Узбекистана за рубежом.

²⁷³ Рейтинги Узбекистана // <https://m.ru.sputniknews-uz.com>.

Пока только формируются цели и инструментарий воздействия на зарубежную аудиторию, целостный и эффективный механизм реализации политики «мягкой силы». Однако есть целесообразность в определении координирующего государственного органа и общественных (коммерческих) субъектов в контексте «мягкосилового» воздействия. Недостаточно осуществляется стабильное финансирование таких мероприятий, нужны целенаправленная информационная политика для улучшения международного имиджа страны, объективное медийное сопровождение внутри- и внешнеполитических достижений. Информационная политика зачастую носит спорадический, реагирующий или обороняющийся, нежели наступательный, характер.

Во-вторых, неэффективно ведется целенаправленная работа по продвижению общенациональных брендов²⁷⁴ и узнаваемых символов регионов, нужны прорывные инициативы в целях преодоления сложившихся стереотипов и фобий по отношению к Узбекистану.

В-третьих, на начальном этапе находится налаживание механизма взаимодействия государственных органов с неправительственными организациями, структурами гражданского общества, бизнеса и СМИ в плане реализации «мягкой силы». Государственно-частное партнерство и дипломатия неправительственных организаций не в полной мере способствуют продвижению позитивного имиджа. СМИ и широкое экспертное сообщество (think-tanks) Узбекистана только выходят на приемлемый региональный и международный уровень для популяризации образа Узбекистана; их информация и анализ на иностранных языках пока не составляют ссылочную базу для политикоформирующих кругов за рубежом, а накопленный опыт работы недостаточно известен внутри страны²⁷⁵.

В-четвертых, на этапе формирования находится системное использование традиций публичной дипломатии, не определены основные формы и методы ее реализации, объекты целеполагания за рубежом. Имеется дефицит специалистов по цифровой дипломатии и социальным медиа для поддержания контактов с целевыми аудиториями за рубежом в Сети на их родных языках в рамках информационно-коммуникационных площадок.

В-пятых, не в полной мере классифицирован и, следовательно, недостаточно используется богатый набор инструментов «мягкой силы» Узбекистана, в том числе славное историческое прошлое, культура,

²⁷⁴ Ризаев А. Международный имидж Республики Узбекистан: постановка вопроса // Сборник Высшей школы. – Ташкент, 2014, №26. – С.81.

²⁷⁵ Абатуров В. Аналитики для политики – 2017. О месте аналитиков Узбекистана в «табели о рангах» // Экономическое обозрение. – Ташкент, 2018, №2 (218). – С.55-56.

искусство, духовные традиции, а также достижения в дипломатии, науке, образовании, теологии, здравоохранении, искусстве, литературе, спорте и других интересных для зарубежной аудитории сферах.

В-шестых, предстоит огромная работа по использованию потенциала наших соотечественников за рубежом в контексте «мягкой силы». Следует преодолеть разрозненный характер деятельности государственных и негосударственных акторов по этой линии, провести фундаментальные и прикладные научные исследования по диаспорам и соотечественникам с этнографической и антропологической точек зрения, показать специфику каждой общины и диаспоры в различных странах, так как диаспора в Турции резко отличается от диаспор в других странах – России, США или Казахстане. Необходимы серьезные полевые исследования Академии наук и Института истории при поддержке внешнеполитического ведомства²⁷⁶.

Таким образом, в Узбекистане, несмотря на наличие значительного потенциала и ресурсов «мягкой силы», твердой политической воли в плане продвижения позитивного имиджа за рубежом, остаются нерешенными вопросы разработки и реализации единой политики государства и институционализации данной сферы. Не в полной мере каталогизированы инструментарий «мягкосилового» воздействия, его субъекты и объекты, разработаны механизмы, методы и формы реализации политики в данной жизненно важной области. Особое значение имеет разработка имиджевых и брендовых стратегий, задействование стратегических коммуникаций путем реализации «цифровой дипломатии».

Выстраивание политики «мягкой силы» Узбекистана имеет многоаспектный характер, сталкивается с трудностями внешнего и внутреннего порядка, однако представляется весьма перспективным с точки зрения полноценной и эффективной имплементации стратегии национального развития в принципиально новых условиях международной среды.

* * *

Таким образом, Узбекистан в силу своего выгодного геополитического положения, наличия огромного экономического и культурно-цивилизационного потенциала имеет исторически обусловленный уникальный фундамент для реализации собственной политики «мягкой силы». Формирование и проецирование элементов «мягкой силы» за рубежом происходило с первых лет обретения независимости республики.

²⁷⁶ Из выступления профессора Ш.М. Абдуллаева на Научном Совете по присуждению ученых степеней при Высшей школе стратегического анализа и прогнозирования Республики Узбекистан, г.Ташкент, 24 января 2020 г.

Имея в виду, что в классическом понимании концепции «мягкой силы» выделяются три ее основных аспекта – политические ценности, культура и внешняя политика, Узбекистан обладает практически всеми объективными параметрами и фундаментом, основными механизмами и инструментарием для продвижения позитивного национального образа, последовательного формирования и прямого влияния на разработку международной повестки, последовательного отстаивания своих политических и экономических интересов.

Создание притягательного облика нашей страны за рубежом имеет важное значение не только с репутационной и имиджевой точек зрения, но и позитивно влияет на создание привлекательного для иностранного капитала инвестиционного климата. Эффективно задействованный потенциал «мягкой силы» республики на современном витке ее развития может рассматриваться в качестве надстройки для наращивания внешнеэкономического базиса, при этом рекомендуется учитывать и опираться на положительный исторический опыт формирования «мягкой силы» Узбекистана.

В нормативно-правовых документах Республики Узбекистан предусмотрены цели, задачи и направления повышения имиджа и авторитета страны на внешнем поле. В этой связи предлагается организовать планомерную и скоординированную работу по формированию и продвижению политики «мягкой силы» с участием государственных и негосударственных акторов нашей страны.

Наряду со значительными способствующими факторами в процессе формирования и применения возможностей концепции «мягкой силы» во внешнеполитическом арсенале Республики Узбекистан, существует ряд внешних и внутренних негативных моментов, препятствующих ее реализации.

К *внешним факторам* можно отнести сохраняющиеся стереотипы в отношении образа нашей страны, подогреваемые определенными силами извне; гипертрофированную оценку имеющихся вызовов и угроз, «зависимости» Узбекистана от ведущих внешних акторов; активацию вопроса о «неопределенной» национальной идентичности; принижение культурно-цивилизационной роли, современного влиятельного положения Узбекистана в международных отношениях и значения динамичных процессов внутренних реформ; невысокие позиции страны в ключевых международных рейтингах и др.

К *внутренним факторам* можно отнести недостаточное внимание национальному, отраслевому и региональному брендингованию, вовлечению в «мягкосиловую» политику негосударственных акторов через

новейшие методы дипломатии; несистемный подход к классификации и каталогизации национальных образов в различных сферах для их эффективного проецирования на внешнем поле и др.

Важным представляется применение комплексного подхода в целях преодоления внутренних и внешних факторов, препятствующих реализации «мягкой силы» Узбекистана.

ГЛАВА 3. ПЕРСПЕКТИВЫ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

3.1. Опыт зарубежных государств по применению механизмов и инструментария «мягкой силы»

Исследование зарубежного опыта применения механизмов и инструментария концепции «мягкой силы» свидетельствует о том, что многие страны широко и достаточно целенаправленно используют их для достижения как долгосрочных задач стратегического плана, так и конкретных внешнеполитических целей. Нами проанализированы практики таких государств, как США, КНР, РФ, Великобритания, Германия, Франция, Казахстан, Туркменистан, Таджикистан и Кыргызстан.

Соединенные Штаты традиционно в полной мере используют множественный инструментарий «мягкой силы» для продвижения своих глобальных интересов. В широком смысле «мягкая сила» США, ориентированная на продвижение национальных ценностей и представлений о мироустройстве (индивидуальная свобода, права человека, демократические механизмы, рыночная экономика, правовое государство и гражданское общество), превратилась в действенный ресурс дипломатии, влияющий на политику и логику поведения акторов в международных отношениях²⁷⁷.

К инструментам «мягкой силы» можно отнести доминирующее положение США в международном медийном пространстве, киноиндустрию, Интернет, мирового уровня культурные мероприятия, образ жизни, образование, музыку, литературу, спорт, «фаст фуд», язык и публичную дипломатию, взаимодействие с внешним миром через крупные корпорации, а также деятельность действующих за рубежом многочисленных государственных и негосударственных институтов развития и помощи²⁷⁸.

Наиболее эффективным инструментом «мягкой политики» США является *публичная и цифровая дипломатия*, благодаря которой американское руководство освещает свои внешнеполитические акции,

²⁷⁷ Филимонов Г.Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США: Автореф. дисс... докт. полит. наук. – М., 2013 // <http://www.dslib.net/glob-razvitie/rol-mjagkoj-sily-vo-vneshnej-politike-ssha.html>.

²⁷⁸ Полякова А.А. «Мягкая сила» в контексте внешней политики США: концептуально-теоретические аспекты // Вестник РГГУ № 2, серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». – М., 2015. – С. 91-103.

фокусируется на наиболее важных для своей страны политических темах, а также ведет постоянный и плотный контакт с иностранными интеллектуальными элитами. Трудно переоценить влияние Вашингтона на определение повестки международной политики, оценку важнейших событий на мировой и региональной авансценах. Соединенные Штаты, располагая огромными финансовыми и дипломатическими ресурсами, имеют ключевой голос в ведущих международных политических и финансово-экономических организациях и институтах.

В качестве инструмента политики «мягкой силы» США можно рассматривать *международное образование для иностранных студентов* (в настоящее время в вузах США обучаются порядка 1,2 млн иностранных студентов)²⁷⁹. Иностранные выпускники американских высших учебных заведений и различных программ, становясь политическими и культурными лидерами, формируют среди населения своих стран лояльную среду для Соединенных Штатов.

К примеру, в Узбекистане действуют программы «Фулбрайт», стипендии по линии «Хьюберта Хамфри», «Международная программа студенческого обмена» (UGRAD), а их выпускники поддерживают постоянный контакт с посольством США в г.Ташкенте.

США осуществляют в Узбекистане широкий спектр программ содействия в сферах здравоохранения, сельского хозяйства и образования. Делается большой упор на «мягкую силу»: взаимные обмены, публичную дипломатию в целях «создания фундамента для взаимной узнаваемости, уважения и доверия». Американская сторона оценивает такие связи как «исключительно важные и сильные»²⁸⁰.

США остаются единственной страной, имеющей практику глобального целеполагания. Главными проводниками американской политики «мягкой силы» являются Государственный департамент США и Агентство США по международному развитию (*United States Agency for International Development, USAID*) – центральный орган государственного управления Соединенных Штатов в области оказания помощи за рубежом. Важнейшей особенностью глобальной стратегии американской «мягкой силы» является максимальная адаптация ее компонентов в региональном и страновом разрезе с учетом цивилизационных, этнокультурных, религиозных и иных различий объектов целеполагания²⁸¹.

²⁷⁹ Иностранные студенты в США (в цифрах) // <https://business-visa-usa.ru/blog/immigration/item/168-inostrannye-studenty-v-ssha-v-tsifrakh>.

²⁸⁰ Same Interests, New Climate: Assessing the US-Uzbekistan Relationship // <https://thediplomat.com/2019/12/same-interests-new-climate-assessing-the-us-uzbekistan-relationship>.

²⁸¹ Братерский М.В., Скриба А.С. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика // Высшая школа экономики. – М., 2014, том 9, № 2. – С.130-139.

Ежегодный бюджет внешнеполитического ведомства составляет порядка 50-58 млрд долл. На нужды Агентства ежегодно из государственного бюджета США выделяется порядка 30-36 млрд долл²⁸². Данная структура определяет различные фонды, через которые активно реализовывает многоформатные программы. К ним можно причислить National Endowment for Democracy (NED, Национальный фонд демократии), International Republican Institute (IRI, американская некоммерческая организация), National Democratic Institute for International Affairs (NDI, организация, созданная правительством Соединенных Штатов, финансируемая NED для «продвижения демократии в развивающихся странах»), а также различные неправительственные некоммерческие организации по всему миру.

USAID курирует исключительно невоенную помощь Соединенных Штатов другим странам, при этом находится в тесном контакте с Государственным секретарем США, хотя формально остается независимым от внешнеполитического ведомства институтом и не находится в его прямом подчинении. В случае изменения международной ситуации Конгресс США может также принимать дополнительные акты или иные документы, подлежащие исполнению со стороны Государственного департамента или USAID. Важно, что принимаемые документы и меры, направленные на их практическую реализацию, должны соответствовать закону от 1961 г., положения которого регулярно корректируются и уточняются Конгрессом с целью развития внешнеполитических механизмов и придания им законодательной легитимности.

Перечислим непосредственные сферы реализации «мягкой силы» США²⁸³:

– *культура и продвижение языка*, включая программы в рамках Американского совета по международному образованию (American Councils for International Education, ACIE), Совета США по международному развитию (United States Agency for International Development, USAID) и пр.;

– *сотрудничество в области образования, научно-техническое и инновационное сотрудничество*, включая программы в рамках ACIE, USAID и др., а также через некоторые неправительственные организации (например, CIEE); образовательные и научные обмены и программы, позволяющие привлекать зарубежные научные кадры в США;

– *развитие деловых связей*, включая фонд экономической поддержки (Economic Support Fund), Поддержка Европы и Евразии (Assistance for Europe and Eurasia), а также через некоторые неправительственные организации;

²⁸² Трамп подписал бюджет США в размере \$1 трлн на 2017 финансовый год // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4235827>.

²⁸³ Братерский М.В., Скриба А.С. Указ. раб. – С.140-144.

– развитие публичной дипломатии, включая программы в рамках ACIE, USAID и пр., а также через некоторые неправительственные организации;

– содействие международному развитию, включая фонды экономической поддержки, глобального здравоохранения и детской медицины, борьбы с наркоторговлей, по вопросам миграции и помощи беженцам, нераспространения, борьбы с терроризмом, программы по ликвидации мин, финансированию зарубежных военных мероприятий, помощи в развитии, борьбе с проблемами тысячелетия и пр.

По нашему мнению, расширение финансовых и институциональных возможностей Соединенных Штатов по оказанию зарубежного содействия имеет позитивное значение для многих развивающихся государств. В этом плане наиболее весомым фактором можно рассматривать диверсификацию источников капитала, технологий и методов управления в деле развития инфраструктуры и социальной сферы, возможность конкурентного выбора иностранных партнеров в процессе планирования национальных проектов и программ развития.

Тем самым США на долгосрочной основе обновляют свою стратегию «умной силы», корректируя ее с учетом реалий международной обстановки, поведения основных глобальных конкурентов и внутривластной конъюнктуры. Так, в октябре 2018 г. Конгрессом США на основе двухпартийного консенсуса и при поддержке администрации Д. Трампа принят закон «Лучшее использование инвестиций, ведущих к развитию». По замыслу американских политиков, данный шаг призван восполнить пробелы, связанные с недостаточными усилиями США и их делового сообщества на глобальной площадке развития инфраструктуры и в целом экономик стран «третьего мира». В соответствии с законом Вашингтон на базе Корпорации частных инвестиций (ОПИК) создал новое федеральное ведомство – Финансовую корпорацию США по международному развитию (International Development Finance Corporation США – USIDFC или IDFC).

Президент США Д. Трамп в начале президентства скептически оценивал роль внешней помощи в реализации национальных интересов и последовательно сокращал объемы бюджетного финансирования специализированных агентств и в целом Госдепартамента. В частности, в 2018 финансовом году предполагалось прекратить выделение средств для действовавшей с начала 70-х годов ОПИК (Overseas Private Investment Corporation), поэтому создание нового органа с первоначальным выделением 60 млрд долл. для его деятельности в странах с «низкими и ниже среднего доходами» расценивалось как «стратегический сдвиг» во внешнеполитическом курсе администрации Трампа.

Основной задачей новой Финансовой корпорации является поддержка зарубежных операций американского частного бизнеса через предоставление средне- и долгосрочных займов и гарантий инвестициям в развивающихся странах и новых рынках, страхование от политических рисков и возможность покупки до 10% доли в будущих проектах. В отличие от ОПИК новая корпорация обладает правом предлагать гарантии и инвестировать в национальные валюты. В сферу ее деятельности будут входить самые различные отрасли, в том числе инфраструктура, телекоммуникации, сельское хозяйство, горнодобывающая промышленность, возобновляемые источники энергии, здравоохранение и другие. Предусматривается оказание технической помощи, осуществление ТЭО проектов, предоставление грантов, а также поощрение экономической активности женщин и малого бизнеса.

Формирование мощного внешнеполитического инструмента позволяет США на долгосрочной основе решать двуединую задачу. С одной стороны, Соединенные Штаты пытаются через систему гарантий и преференций стимулировать освоение американскими компаниями новых рынков товаров и капитала в динамично развивающихся странах, обеспечить свою конкурентоспособность. С другой стороны, США стремятся реализовать «трамповский императив» противодействия Китаю, активно продвигающего глобальный проект «Один пояс, один путь».

Американские представители признают более скромные размеры выделенных средств по сравнению со значительными фондами Пекина на подобные цели. По их утверждению, деятельность новой Финансовой корпорации, в отличие от «эгоистичных и меркантильных» намерений Китая, будет соответствовать «высоким стандартам развития, транспарентности, подотчетности, защиты окружающей среды, трудовых и в целом социальных прав». Политическая подоплека нового проекта Вашингтона выражена в заявлении о том, что новый закон «предоставляет различным странам твердую альтернативу государственным инвестициям стратегических конкурентов США» и являет собой составную часть общей американской внешней стратегии развития и безопасности.

Американская инициатива носит преимущественно геополитический окрас, дополняя предпринимаемые Вашингтоном военно-стратегические, экономические, идеологические и иные меры на международной арене. Вместе с тем внешнеполитическая стратегия президента Д.Трампа под лозунгом «Америка превыше всего», в том числе выход из Парижских климатических договоренностей, урезание бюджета USAID, планы строительства приграничной стены с Мексикой, визовые ограничения для определенной категории иностранцев, негативно повлияла на рейтинги страны в сфере «мягкой силы».

Соединенные Штаты традиционно рассматривают Центральную Азию с позиций глобального целеполагания и в качестве единого актора. В новой «Стратегии национальной безопасности США» (декабрь 2017 г.) обозначено стремление Вашингтона *видеть Центральную Азию «устойчивой против доминирования соперничающих между собой мировых держав, неподверженной превращению в убежище джихадистов, а также отдающей приоритет проведению реформ»*²⁸⁴. США намерены «работать с государствами Центральной Азии для обеспечения гарантий доступа к региону в целях поддержки контртеррористических усилий» в Афганистане. Американская сторона декларирует поддержку суверенитета и независимости государств региона, приоритет обеспечения региональной безопасности, предотвращения конфликтов и содействия демократизации и экономического развития.

Важным признаком усиливающегося интереса Вашингтона к Центральной Азии является попытка американской администрации выстроить новую глобальную стратегическую ось из числа традиционных союзников Белого дома – Японии и Израиля с вовлечением в эту контролируемую орбиту Индии и Австралии. Острые формируемого альянса будет направлено не только на регион Центральной Азии, но и на более широкое пространство вокруг России и Китая в Восточной и Юго-Восточной Азии. В рамках данного тренда Вашингтон координирует свою политику с восточными союзниками для противодействия китайскому проекту «Один пояс, один путь» посредством консолидации совместных усилий по продвижению альтернативных конкурентоспособных экономических инициатив, охватывающих Азиатский, Индо-Тихоокеанский, Ближневосточный и Африканский регионы.

США намерены пролонгировать курс на поэтапное сближение региона с Южной Азией в целях его вывода из-под «остаточного постсоветского влияния Москвы» под зонтиком ранее инициированного проекта «Большая Центральная Азия», в рамках которого продвигается реализация трансрегиональных транспортно-коммуникационных и энергетических инициатив. В том же контексте следует рассматривать нейтральное отношение Белого дома к продвигаемому Индией проекту создания трансконтинентального коридора Север-Юг через иранский порт Чахбадор в направлении Центральной Азии и Европейского континента.

США, исходя из своих интересов, намерены продвигать геополитический плюрализм в Центральной Азии. Вашингтон поощряет взаимное сближение государств Центральной Азии, заинтересован в

²⁸⁴ National Security Strategy of the United States of America, December 2017 // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>.

диверсификации спектра их отношений с внешним миром и интеграции с мировым сообществом, поддерживает центральноазиатскую идентичность. США стараются добиваться того, чтобы ни одна соперничающая держава не могла единолично контролировать регион, а Запад имел беспрепятственный доступ к этому геополитическому пространству в финансово-экономическом плане. Ключевым механизмом в реализации этих задач рассматривается американо-центральноазиатский формат «C5+1».

Стратегия США по Центральной Азии на 2019–2025 гг. закрепила следующие шесть основных принципов: поддержка и укрепление суверенитета и независимости стран Центральной Азии как в отдельности, так и региона в целом; уменьшение террористических угроз в Центральной Азии; расширение и оказание поддержки для стабильности в Афганистане; поощрение взаимодействия между Центральной Азией и Афганистаном; содействие реформам в сфере верховенства права и соблюдения прав человека; содействие инвестициям США в Центральной Азии²⁸⁵.

Китай, имея огромные финансовые ресурсы, древнюю историю и богатейший культурно-гуманитарный потенциал, наряду с наращиванием своей военной мощи в последние два десятилетия прикладывает заметные усилия для продвижения «мягкой силы».

Исторически теория «мягкой силы» была разработана древними китайскими мыслителями Лао-цзы, Конфуцием, Сунь Цзы и применялась в области военной мысли, управлении государством и воздействия на другие народы более двух тысяч лет. Так, в трактате Сунь Цзы «Искусство войны» содержатся следующие её стратагемы: «и жуо кэ ган» («используй мягкие средства, чтобы побороть силу»), «би ши цзи суй» («избегай сильных сторон противника, используй его слабости»). Длительное время в Китае разрабатывались и использовались три способа влияния на человека: принуждение – «кнут», вознаграждение – «пряник» и привлекательность – «мягкая сила»²⁸⁶.

Оценивая общий подход Китая к «мягкой силе», Дж. Курлатцик отмечает, что «с 1997 г. становится возможным идентифицировать китайскую стратегию «мягкой силы», когда Пекин ясно заявил о доктрине «беспроеигрышных» отношений (win-win doctrine – доктрина выигрыш-выигрыш)». Тогда Пекин контрастировал свою политику в этой сфере с американскими подходами в Юго-Восточной Азии, изображая действия

²⁸⁵ Стратегия Соединенных Штатов в Центральной Азии на 2019-2025 гг.: укрепление суверенитета и экономического процветания // <https://uz.usembassy.gov/ru/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity-ru>.

²⁸⁶ Абрамов В. Императивный потенциал «мягкой силы» в стратегиях внутреннего и внешнего развития // <https://cyberleninka.ru/article/n/imperativnyy-potentsial-myagkoy-sily-v-strategiyah-vnutrennego-i-vneshnego-razvitiya-knr/viewer>.

Вашингтона в странах региона как «неуважительные к суверенитету и санкционные»²⁸⁷.

Западные исследователи прогнозируют дальнейший рост «мягкой силы» Китая с одновременным укреплением его экономического потенциала и основной составляющей «жесткой силы» – военной мощи²⁸⁸. Они отмечают, что «механизмы осуществления контроля за китайским обществом и осторожные международные оценки относительно движения Китая к более открытому обществу серьезно препятствуют росту его «мягкой силы»²⁸⁹.

В рамках развертывания «мягкой силы» Китая в ходе октябрьского 2017 г. 19-го Всекитайского съезда Коммунистической партии КНР председатель Си Цзиньпин подчеркнул, что «важно развитие потенциала в сфере международных коммуникаций, умение повествовать о событиях китайской жизни для правдивого, многомерного и всестороннего раскрытия потенциала Китая, наращивание культурной «мягкой силы»²⁹⁰.

Квинтэссенция текущей китайской внешнеполитической стратегии изложена в Белой книге Госсовета КНР в сентябре 2019 г., где говорится, что «развитие является высшим приоритетом для Китая», и «в последние 70 лет развитие Китая выиграло от мирной и стабильной внешней среды». «Внешняя экспансия и гегемония не отвечают интересам Китая и противоречат желаниям и воле народа ... Активная борьба за мирную международную среду для собственного прогресса, использование собственного развития для еще более активного отстаивания глобального мира и содействие всеобщему прогрессу всегда останутся непреклонной государственной волей КНР», – указывается в документе.

Как отмечается в Белой книге, «с 1950 г. правительство Китая предоставило 166 странам и международным организациям помощь на сумму около 400 млрд юаней. С 1978 по 2018 г. на территории Китая было открыто около 1 млн предприятий с иностранным капиталом»²⁹¹.

²⁸⁷ Kurlantzick J. China's Charm: Implications of Chinese Soft Power // Carnegie Endowment Policy Brief. June, 2006. P. 1-7.

²⁸⁸ Breslin S. The soft notion of China's "soft power". – London: Chatham House, 2011. P. 1-18.

²⁸⁹ D'Hooge I. The Limits of China's Soft Power in Europe: Beijing's Public Diplomacy Puzzle // Netherlands Institute of International Relations. January, 2010. – P. 1-42.

²⁹⁰ Полный текст доклада Си Цзиньпина на 19-м съезде КПК // http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm.

²⁹¹ В Белой книге Госсовета КНР отмечается, что Пекин не стремится к гегемонии в мире // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6936087>.

В целях повышения международного авторитета реализация политики «мягкой силы» Китая ведется по следующим основным направлениям²⁹²:

– *интенсивное продвижение за рубежом достижений традиционной и современной китайской культуры.* Способствовать экспорту культуры призваны китайские специализированные центры за рубежом. В настоящее время создано 20 подобных центров, а к 2020 г. их количество планируется увеличить до 50;

– *распространение и популяризация китайского языка.* Большую роль в этом процессе призваны сыграть Институты Конфуция и Классы Конфуция, которые создаются при наиболее престижных зарубежных вузах. К 2020 г. планируется довести число этих институтов до 1000;

– *расширение контактов в сфере образования.* Количество обучающихся в Китае иностранных студентов приближается к 400 тыс. человек (большинство изучают китайский язык), причем ежегодно предлагается около 20 тыс. стипендий. К 2020 г. Китай должен привлечь для обучения в своих вузах не менее 500 тыс. человек;

– *развитие китайских СМИ для зарубежной аудитории.* Количество зарубежных корпунктов агентства «Синьхуа» возросло до 180. Международное радио Китая ведет радиовещание на 70 языках мира. С 2000 г. работает китайский новостной круглосуточный телеканал для международной аудитории на английском языке, который смотрят почти 85 млн человек в более чем 100 странах мира. Затраты на его создание и продвижение превысили 9 млрд долл. Ряд ведущих китайских печатных изданий: официальная газета ЦК КПК «Жэньминь жибао», газета China Daily, газета The Global Times и еженедельник China Newsweek стали издаваться на английском языке;

– *содействие международному развитию.* Помощь предоставляется странам Восточной и Южной Азии, Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока, Центральной Азии в виде грантов (безвозмездная помощь) – порядка 40%, беспроцентных займов сроком на 20 лет – 30%, концессиональных ссуд, предоставляемых с дисконтом для реализации отдельных проектов, – 30%;

– *поддержка многочисленной зарубежной китайской диаспоры (хуацяо).* Хуацяо, численность которых составляет более 50 млн человек, сыграли важную роль в экономическом развитии страны. За период 1979–2010 гг. их доля в прямых иностранных инвестициях в экономику КНР составила не менее 60%. Зарубежные китайцы также рассматриваются в качестве проводников культурных ценностей Китая в мире;

²⁹² Комиссина И.Н. Китай будет реализовывать внешнюю политику через «мягкую силу» // <http://riss.ru/analytics/38968>.

– *возрастание роли «мозговых центров»*. Председатель КНР Си Цзиньпин призвал активнее создавать «мозговые центры» с китайской спецификой, которые должны стать не только источником аналитических материалов для властных структур, но также и инструментом влияния на общественное мнение за пределами Китая. Планируется к 2020 г. учредить от 50 до 100 национальных аналитических центров нового типа.

На первый план в качестве главного инструмента «мягкой силы» Китая вышла *глобальная китайская транспортно-логистическая инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП)*.

Вместе с тем в условиях чрезвычайных обстоятельств в связи с пандемией коронавируса Китай использует более гибкие формы стратегического влияния – «умную силу» через внедрение мобильных сетей 5G, продвижение науки и техники, высоких технологий в сфере здравоохранения (дистанционное оперирование больных). Само руководство КНР, для которого инициатива «Пояс и путь» изначально представлялась как символ зарождающегося китайского глобального лидерства, видит в пандемии «временную передышку» и новый альтернативный путь стратегического рестарта. В этой связи для обогащения содержания инициативы «Пояс и путь» с середины марта 2020 г. Китай продвигает создание «Шелкового пути здравоохранения»²⁹³.

Примечательно, что Концепция строительства Шелкового пути в области здравоохранения была выдвинута председателем КНР Си Цзиньпином в своем выступлении в Законодательной палате Олий Мажлиса (парламенте) Узбекистана еще в июне 2016 г. Лидер Китая тогда заявил: «Мы будем прилагать все усилия для углубления взаимодействия в области здравоохранения и укрепления взаимовыгодного сотрудничества в таких областях, как взаимное уведомление об эпидемиях, профилактика заболеваний и их контроль, медицинская помощь, а также традиционная медицина, чтобы совместными силами построить Шелковый путь в области здравоохранения».

Китай, постепенно разрабатывая будущие рабочие механизмы «Шелкового пути здравоохранения», уже успел направить ощутимые объемы медицинской помощи в различные точки мира – Центральную Азию, Европу, Прибалтику, Африку и даже в США. В данном ключе китайское руководство к своей гуманитарной кампании подключило Джека Ма – основателя Alibaba Group, который позиционирует себя ключевым инвестором в развитие «Цифрового Шелкового пути».

²⁹³ Идея «Шелкового пути здравоохранения» была впервые озвучена китайской стороной еще в 2015 г. и была включена в очередной трехлетний план реализации целей «Пояса и пути» на 2015–2017 гг. в части, касающейся «сотрудничества в сфере здравоохранения». При этом вместо консолидации международных усилий в данном формате КНР продвигала лишь «китайскую медицину», являющуюся частью ее стратегии по глобальной пропаганде «китайской культуры».

По оценкам специалистов, несмотря на давление Запада в связи распространением нового коронавируса, при успешном слиянии двух концепций – «Шелкового пути здравоохранения» и «Цифрового Шелкового пути» Китай нарастит свой потенциал по разработке и экспорту эффективных инновационных технологий (онлайн-приложения по мониторингу и трекингу болезней).

Как видим, Китай в целях реализации приоритетов своей внешней политики также делает упор на комбинацию «мягкой» и «жесткой силы».

В условиях международной турбулентности и трансформации глобального порядка **Российская Федерация** посредством задействования инструментов «мягкой силы» пытается реализовать собственную внешнеполитическую повестку. Россия в целях утверждения своего статуса великой державы предпринимает усилия по структурированию и отработке долгосрочных механизмов «мягкой силы». Одним из приоритетных объектов этой политики является постсоветское пространство, а острое направлено против западных оппонентов.

В Концепции внешней политики России (2016 г.) подчеркивается, что «неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов «мягкой силы», прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам»²⁹⁴. Основной упор при этом делается на развитие идеи «русского мира», использование глобальных медийных возможностей, цифровую дипломатию²⁹⁵, а также наработанные в имперский и советский периоды бренды, узнаваемые во всем мире (русский балет, классическая музыка, язык и литература, концепт Русской православной церкви).

Важнейшей особенностью этой политики Российской Федерации выступает синтез «мягкой» и «жесткой силы», однако «мягкосиловой» концепт Москвы идет вразрез с западными представлениями о способности «создания привлекательного образа». «Мягкая сила» России все чаще определяется западными экспертами как «мягкое принуждение» или «острая сила» ввиду опоры мощи России на военную силу и пропаганду, интегрированных во внешнеполитический курс²⁹⁶. Например, организацию регулярных многосторонних военных соревнований в России можно рассматривать в качестве демонстрации «умной силы» (комбинации

²⁹⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации // http://www.mid.ru/foreign_policy/news.

²⁹⁵ Лебедева О. Современные инструменты «цифровой дипломатии» как важнейший элемент «мягкой силы» // *Международная жизнь*. – М., 2019. Май. – С.102-112.

²⁹⁶ Kim Taehwan. Authoritarian Sharp Power: Comparing China and Russia // <http://www.theasanforum.org/authoritarian-sharp-power-comparing-china-and-russia>.

«мягкой силы» и «жесткой силы»). Еще одним проявлением российской «умной силы» является продвижение интеграционных проектов в регионе с применением всех имеющихся рычагов экономического и военного порядка, эффективного арсенала культурно-гуманитарного характера.

Россией выстроена следующая институциональная основа «мягкой силы»:

- *органы государственной власти*, в первую очередь Министерство иностранных дел и его структуры – Департамент информации и печати, Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество);

- *неправительственные организации*, институты гражданского общества, так называемые «фабрики мысли» (think tanks), Фонд «Русский мир», Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М.Горчакова, некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам» (НП РСМД), Общественная палата Российской Федерации и др.;

- *глобальные СМИ* (телеканалы «РТ», «Россия-РТР», Международное информационное агентство «Россия сегодня», проект «Российская газета», а также Интернет-ресурсы МИД);

- *ведущие университеты страны* (МГУ имени М.В. Ломоносова, МГИМО, РУДН и др.);

- *Русская православная церковь* и другие религиозные институты, в том числе исламские.

Институты «мягкой силы» России способствуют формированию позитивного образа страны на международной арене, ее геополитическому позиционированию в условиях негативного информационного и санкционного давления со стороны Запада.

Главным российским институтом «мягкой силы» является Россотрудничество. Деятельность Россотрудничества и его загранучреждений направлена на реализацию государственной политики международного гуманитарного сотрудничества, содействие распространению за рубежом объективного представления о современной России. Россотрудничество представлено в 80 странах мира 97 представительствами: 73 российских центра науки и культуры в 62 странах, 24 представителя Агентства в составе посольств в 21 стране. Оно призвано способствовать формированию более привлекательного образа РФ, поддерживать культурные связи, особенно на постсоветском пространстве, укреплять связи с диаспорой, расширять позиции русского языка и русской литературы²⁹⁷.

²⁹⁷ Официальный сайт Россотрудничества // <http://rs.gov.ru/ru>.

В целях популяризации русского языка был создан фонд «Русский мир». Целями Фонда являются популяризация русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры, и поддержка программ изучения русского языка в Российской Федерации и за рубежом²⁹⁸. Функции Россотрудничества и Фонда «Русский мир» пересекаются. Ежегодный бюджет этого фонда составляет порядка 7,8 млн долл. Фонд поддерживает русскоязычные СМИ в странах СНГ, создает «Русские центры».

Реализация российской политики «мягкой силы» не находит должного понимания на Западе. По данным рейтинга «мягкой силы», разрабатываемого ведущим «мозговым центром» Великобритании – Институтом управления совместно с аналитическим журналом «Монокль», Россия в 2017 г. не вошла в число первых двадцати пяти стран²⁹⁹. Индекс национальных брендов С.Анхольта поставил Россию на 23-е место. Глобальный индекс миролюбия (Global Peace Index 2017), рассчитанный для 162 стран мира, поместил Россию на 151-е место³⁰⁰. При этом некоторыми специалистами отмечается, что в России первоочередное внимание уделяется не базисным аспектам «мягкой силы», а инструментально-информационным, главной целью которых является прежде всего дискредитация тех политических сил на Западе, которые Кремль рассматривает как враждебные ему³⁰¹.

В Узбекистане с 2005 г. активно действует Российский центр науки и культуры в Ташкенте для популяризации русского языка, ознакомления с богатством исторического и культурного наследия России, формирования объективного образа страны. Открыты филиалы российских вузов в рамках реализации Концепции продвижения российского образования за рубежом, утвержденной 27 марта 2014 г. Одним из важнейших инструментов расширения международного культурно-гуманитарного сотрудничества России с другими странами является поддержка и продвижение русского языка.

Нужно учесть, что в Узбекистане проживает более 1 млн российских соотечественников, из них этнических русских порядка 850-900 тысяч человек, татар и башкир – около 300 тысяч. Большая часть соотечественников проживает в Ташкенте – приблизительно 420 тысяч человек, в Ташкентской области – около 160 тысяч. Другими районами компактного проживания российских соотечественников в Узбекистане являются Самаркандская, Навоийская и Бухарская области – в целом

²⁹⁸ Официальный сайт Фонда // <https://ruskiymir.ru/fund>.

²⁹⁹ Monocle releases 2017/2018 soft power survey // <https://www.uscpublicdiplomacy.org/story/monocle-releases-20172018-soft-power-survey>.

³⁰⁰ Global Peace Index 2018 // <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/06/GPI-2017-Report-1.pdf>.

³⁰¹ Ахтырский Д. Мягкая сила России в XXI веке // <https://inosmi.ru/politic/20180125/241259602.html>.

до 120 тысяч человек, а также города Ферганской долины – порядка 80 тысяч человек. Наиболее активные соотечественники объединены в такие общественные организации, как Русский культурный центр Узбекистана, Татарский общественный культурно-просветительский центр г. Ташкента и Башкирский общественно-культурный центр имени Заки Валиди. Все они входят в Республиканский интернациональный культурный центр.

Совместно с Российским центром науки и культуры (Россотрудничество) они вносят ощутимый вклад в повышение уровня гуманитарного взаимодействия между Россией и Узбекистаном. Организуются празднование Широкой масленицы, Дня славянской письменности и культуры, татаро-башкирского праздника «Сабантуй» и проч. Большое значение соотечественники придают празднованию Дня Победы в Великой Отечественной войне, а также важным датам российской истории: 1150-летию российской государственности и 200-летию победы в Отечественной войне 1812 г. Праздничные мероприятия, научные конференции, конкурсы для молодежи, посвященные этим датам, прошли на многочисленных площадках в Ташкенте, Ташкентской области и Нукусе³⁰².

Нельзя не согласиться с мнением М. Лебедевой, которая достаточно объективно анализирует факторы, способствующие и препятствующие продвижению «мягкой силы» России в Центральной Азии: «У России имеется некое преимущество перед другими странами в применении «мягкой силы» в Центральной Азии. Во-первых, регион Центральной Азии включён в интеграционные процессы на постсоветском пространстве, а следовательно, взаимодействие оказывается более тесным, чем с иными государствами, находящимися вне региона. Во-вторых, в Центральной Азии до сих пор распространён русский язык, хотя сфера его использования и сужается. В-третьих, имеются связи с Россией, обусловленные родственными и дружескими связями, а также профессиональными связями. Одновременно, правда, есть и ограничения, поскольку советское прошлое не всегда и не всеми воспринимается однозначно. Кроме того, сразу после распада СССР Россия сузила свой интерес к ЦА, что незамедлительно повлекло за собой сокращение её влияния в регионе. И только с начала XXI в. этот интерес стал интенсивно восстанавливаться. В целом же представляется, что потенциал преимуществ у России в регионе все же больше, чем у других внерегиональных акторов». Особого внимания заслуживает тезис российского автора о том, что «Центральная Азия – регион довольно сложный для оказания влияния. Он характеризуется наличием древних культур и традиций, незнание которых может повлечь результат, прямо противоположный ожидаемому»³⁰³.

³⁰² Информация Российского центра науки и культуры в Ташкенте / <http://uzb.rs.gov.ru/ru>.

³⁰³ Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // «Вестник МГИМО-Университета». – М., 2014. – С.47-55.

«Мягкая сила» **Великобритании** приобрела институциональное оформление. В опубликованных в 2015 г. Национальной стратегии безопасности и Стратегическом обзоре обороны и безопасности в части «мягкой силы» отмечено «усиление британского влияния с помощью ее механизмов и в качестве одного из приоритетов внешней политики». Палата лордов Великобритании в 2014 г. создала Комитет по «мягкой силе» и влиянию страны, который провел общественные слушания и подготовил доклад, содержащий рекомендации правительству³⁰⁴. По мнению Е.М. Харитоновой, можно выявить несколько факторов, которые способствуют активному использованию концепции «мягкой силы» в британской внешней политике.

Во-первых, страна накопила большой практический опыт в данной сфере. Современная британская политика «мягкой силы» опирается на институты и механизмы, которые развивались на протяжении многих десятилетий.

Во-вторых, «мягкая сила» страны рассматривается в тесной связи с силой «жесткой», т.е. с экономической и военной мощью. «Мягкая сила» рассматривается не просто как абстрактная привлекательность или влияние, но и как способ повысить благосостояние и безопасность граждан.

В-третьих, в работе по наращиванию британской «мягкой силы» участвуют многочисленные негосударственные акторы: коммерческие компании, неправительственные организации, бизнес-ассоциации, учреждения культуры, университеты и школы, СМИ и известные люди.

Ведущая координирующая роль в реализации внешней политики и, в частности, политики «мягкой силы» принадлежит премьер-министру. Основное место в реализации британской политики «мягкой силы» принадлежит Министерству иностранных дел и по делам содружества, Департаменту международного развития и министерству культуры, СМИ и спорта. Ряд других министерств и около десятка неминистерских структур также в большей или меньшей степени участвуют в планировании, координации, выполнении и оценке работы, связанной с увеличением «мягкой силы» страны.

Министерство культуры, СМИ и спорта курирует многие ведомства, реализующие «мягкую силу», в том числе ведущие музеи и культурные организации, такие как Британский музей и Галерея Тейт, а также национальные парки, спортивные организации и СМИ. Министерство бизнеса, инноваций и профессиональной подготовки отвечает за политику

³⁰⁴ Харитонова Е.М. «Мягкая сила» Великобритании: сравнительный анализ механизмов, инструментов и практик // http://www.bfro.be/ru/mjagkaja-sila-velikobritanii-sravnitel-nyj-analiz-mehanizmov-instrumentov-i-praktik.html?cmp_id=142&news_id=22265.

в сфере науки и инноваций, профессионального и высшего образования. Британские университеты, прежде всего Оксфордский и Кембриджский, занимают высокие позиции в международных образовательных рейтингах.

В целом анализ Е.М. Харитоновой государственной политики «мягкой силы» Великобритании позволяет отметить присущие ей особенности³⁰⁵:

- стремление отталкиваться от уже существующих преимуществ и максимально использовать имеющиеся инструменты и механизмы;

- большое значение придается негосударственным акторам, участвующим в распространении «мягкой силы»;

- отношение к политике «мягкой силы» как к стратегии, а не тактике, т.е. акцент на долгосрочной и последовательной реализации всего комплекса мер, относящихся к «мягкой силе», а не на отдельные краткосрочные программы;

- стремление использовать «мягкую силу» для того, чтобы в определенной степени дистанцироваться от более широкой сферы влияния под руководством США и от Европейского Союза, создать узнаваемый и отличающийся национальный образ Великобритании.

Британские институты апеллируют в первую очередь к экономическим выгодам реализуемых программ. Это позволяет обосновать финансирование такой деятельности и привлечь значительный объем внебюджетных средств. Именно такой опыт может быть полезен для Узбекистана, где в последние годы особое внимание уделяется экономической дипломатии.

К ярким символам британской «мягкой силы» можно отнести традиции британской монархии и саму Королеву Великобритании, английский язык и популярную музыку, футбольную премьер-лигу. Во всем мире и в Узбекистане преклоняются перед талантом Уильяма Шекспира, знают выдающихся представителей этой страны – Исаака Ньютона, Чарльза Диккенса и Чарльза Дарвина. Шерлок Холмс и группа «Битлз» многие годы олицетворяют Великобританию.

Несмотря на все политические катаклизмы в связи с выходом Великобритании из ЕС, «туманный Альбион» остается привлекательным для многих иностранцев благодаря развитой банковской системе, качественному высшему образованию, толерантности и высокой культуре общества, безопасному хабитату.

В период дипломатической службы в Лондоне в середине 90-х годов прошлого века, когда узбекско-британские отношения только налаживались, автор, тогда молодой сотрудник МИДа, имел возможность

³⁰⁵ Там же.

посетить Британскую библиотеку. В анналах этого учреждения прекрасно сохранились многие архивные материалы, относящиеся к периоду «Большой игры» между российской и британской империями в конце XIX и начале XX в.: переписка военных, разведчиков, письма наших соотечественников и многие другие документы. Тогда у автора появилось твердое убеждение в том, что на Западе именно британцы в силу своего многовекового присутствия на Востоке имеют наиболее точное и объективное представление об истории, укладе жизни, менталитете, традициях и культуре Узбекистана и народов Центральной Азии. В наше время британские аналитические и академические круги проявляют огромный интерес к «новой дипломатии» Узбекистана и стремятся к установлению долгосрочных интеллектуальных контактов с узбекскими коллегами. Этот фактор создает благоприятные условия для взаимного проецирования «мягкой силы» и на этом весьма перспективном треке.

Например, Узбекистан и Великобритания подписали в конце 2019 г. в г. Ташкенте Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС), которое обеспечит непрерывность двусторонних отношений, если Великобритания прекратит участие в СПС между Узбекистаном и Европейским Союзом в связи с выходом страны из ЕС («брекзит без сделки»). Узбекистан стал первой страной в Центральной Азии, с которой Великобритания подписала подобное соглашение.

Благодаря использованию стратегии несиловых действий **Германии** удалось восстановить экономику и положение на международной арене во второй половине XX в. В качестве инструментов своей «мягкой силы» Германия использует культуру и язык, образование и науку, гражданское общество и неправительственные организации, а также внешнеэкономические инициативы и либерально-политическую идеологию в качестве поведенческого ресурса. Структурированная и координируемая политика «мягкой силы» во многом способствовала успешному преодолению негативного образа страны после Второй мировой войны.

В продвижении своей «мягкой силы» ФРГ использует следующие институты:

1) государственные субъекты: МИД, Минэкономики ФРГ и политическое руководство;

2) институты и СМИ, пропагандирующие немецкий язык и культуру: Институт имени Гете, медиакомпания «Немецкая волна» (Deutsche Welle), «Радио-Гете»;

3) центры, образовательные учреждения и фонды, занимающиеся налаживанием сотрудничества Германии с другими странами в научно-технической сфере: Германский дом науки и инноваций, Немецкое научно-исследовательское общество, Общество Фраунгофера, Общество Макса Планка, Германское Общество по международному сотрудничеству;

4) фонды, связанные с организацией обучения иностранцев в немецких вузах: Германская служба академических обменов (DAAD), Фонд им. Конрада Аденауэра и Фонд им. Фридриха Эберта;

5) политические фонды, тесно связанные со своими партиями и выполняющие внешнеполитические задачи, продвигающие интересы всего государства: Академия DW, Фонд им. Фридриха Эберта (СДПГ), Фонд им. Фридриха Науманна (СвДП), Фонд им. Конрада Аденауэра (ХДС), Фонд им. Ганса Заиделя (ХСС);

6) немецкие «мозговые центры» (think tanks) и фонды, занимающиеся идеологическим обоснованием значимой роли ФРГ в мире через публикации: Немецкое общество внешней политики, Немецкий институт международной политики и безопасности, Германский фонд Маршалла;

7) благотворительные и гуманитарные организации, продвигающие гуманистический образ Германии: «КЭР Германия», «Diakonie Katastrophenhilfe» и др.³⁰⁶.

В продвижении немецкого языка и культуры за рубежом задействован активно поддерживаемый правительством ФРГ Институт имени Гете, который имеет 13 филиалов в самой Германии, 149 институтов и 10 организаций в 91 стране мира.

Распространение немецкого языка служит усилению и экономической экспансии Германии согласно логике «кто учит немецкий язык, тот покупает германские товары». Немецкий язык входит в десятку самых распространенных языков мира³⁰⁷. В его продвижении большое место занимает медиаимперия «Немецкая волна» (DeutscheWelle). Компания объединяет радио-, теле-, интернет-проекты на 30 языках с 135-миллионной аудиторией³⁰⁸.

В формировании привлекательности ФРГ участвуют образовательные учреждения, предоставляющие возможность получить образование на безвозмездной основе молодым людям в возрасте до 32 лет, в том числе через DAAD, который имеет 14 зарубежных представительств и 50 информационных центров по всему миру и выдает порядка 60 тыс. стипендий в год³⁰⁹.

Особое место в арсенале инструментов «мягкой силы» Германии имеет организация GIZ, которая работает в 130 странах, число её сотрудников составляет 17 тыс.; 70% составляют кадры из стран пребывания.

³⁰⁶ Ланьшина Т.А. «Мягкая сила» Германии: культура, образование, наука // Вестник международных организаций. Т. 9. № 2. – М., 2014. – С. 28-58.

³⁰⁷ Languages Spoken by More Than 10 Million People // <http://www.webcitation.org>. 2015.

³⁰⁸ Zöllner O. German Public Diplomacy: The Dialogue of Cultures. – London & New York: Routledge. 2009. – P. 262–269.

³⁰⁹ Германская служба академических обменов // DAAD // <http://www.daad.ru>. 2015.

В деле брэндинга и туризма Германия располагает весомым потенциалом. Ежегодно страну посещают 75-80 млн туристов³¹⁰. Исследования Нацкомитета Германии по туризму показали, что 75% из них выбирают ФРГ из-за привлекательности её культуры. В 2015 г. доход от отрасли составил 278,3 млрд евро. В туризме занято 2,9 млн населения.

Всемирно известны немецкая музыка (Бетховен, Брамс, Бах, гр. Ramstein), немецкая философия (Кант, Гегель, Ницше, Шопенгауэр), а также надпись «Made in Germany» и немецкие автомобили.

Особенности «мягкой силы» ФРГ, по мнению Л.Р. Рустамовой, состоят в следующем³¹¹:

- при охлаждении отношений с какой-либо страной Германия усиливает свое присутствие посредством НПО;

- институты «мягкой силы» в значительной степени финансируются и поддерживаются правительством;

- образование, язык и культура занимают центральное место в комплексе инструментариев «мягкой силы»;

- «мягкая сила» Германии направлена на политическую элиту и научные кадры, высокообразованную и активную молодежь;

- политические фонды, неправительственные гуманитарные и правозащитные организации активно участвуют в политических событиях, затрагивающих интересы других стран, нередко руководствуясь соображениями защиты прав человека;

- часть гражданских организаций, участвующих в формировании привлекательного имиджа страны, напрямую задействована в реализации внешнеполитического курса;

- применяя «мягкую силу» в разных регионах мира, ФРГ учитывает их национальную и цивилизационную специфику.

С первых лет независимого развития Узбекистана Германия являлась и по сути остается одним из ближайших многоплановых партнеров Узбекистана в Европе. Германия является «окном» для нашей страны в Европу и играет исключительную роль в процессе выстраивания долгосрочных и взаимовыгодных отношений с ЕС.

Опыт сотрудничества Узбекистана с этой страной свидетельствует о том, что в отличие от ряда других западных государств Берлин традиционно исходил из принципов конструктивного политического диалога и не увязывал развитие экономического и гуманитарного сотрудничества с ярко выраженными условиями соблюдения принципов

³¹⁰ В 2014 г. Германию посетило рекордное число туристов // <https://www.gazeta.ru>.

³¹¹ Рустамова Л.Р. «Мягкая сила» во внешней политике современной Германии: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук // https://mgimo.ru/science/diss/rustamova_diss.pdf.

так называемого «человеческого измерения» (т.е. соблюдение прав человека, радикальные либерально-демократические реформы). Особую роль в этом процессе играют немецкие деловые круги, заинтересованные в емком узбекском рынке. Обращает на себя тот факт, что деятельность культурно-гуманитарных организаций Германии в нашей стране носит взаимовыгодный характер и не заикливаясь лишь на вопросах демократизации и прав человека.

Проявленная канцлером А. Меркель политическая воля к развитию многопланового сотрудничества и открытая поддержка ее правительства «Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 гг.» и новой региональной политики Ташкента, а также чёткие установки Президента Узбекистана в этом плане составляют надежную политическую основу для укрепления взаимных связей.

Предполагается, что Германия, несмотря на противоречия по некоторым глобальным вопросам с нынешней администрацией США Д. Трампа (выход Вашингтона с Парижского климатического соглашения, прекращение переговоров о Трансатлантическом торговом соглашении и различие подходов в отношении мигрантов), продолжит курс на поддержку государств постсоветского пространства для укрепления своих позиций в восточном направлении. Ещё одним важным политическим активом Узбекистана является позитивное отношение Президента ФРГ Ф.В. Штайнмайера к нашей стране. Он неоднократно посещал регион в качестве министра иностранных дел и Президента Германии, понимает специфику этих стран.

Германию и Узбекистан в политическом плане не разделяют какие-либо проблемы регионального или международного характера. Наши страны заинтересованы в сохранении мира и стабильности в Центральной Азии. Германия признает роль и значение Узбекистана в геополитически важном регионе и намерена продолжить регулярные контакты с Ташкентом по таким злободневным проблемам, как борьба с терроризмом, экстремизмом, наркотрафиком и транснациональной преступностью, нераспространение оружия массового поражения, защита окружающей среды, демократические реформы и др. Узбекистан последовательно выступает за включение Германии в постоянные члены Совбеза ООН. В свою очередь, Берлин всесторонне поддерживает новую региональную политику Республики Узбекистан.

В ходе контактов на высшем уровне в Германии в начале 2019 г. стороны выразили намерение укреплять отношения на основе новой Стратегии Европейского Союза по Центральной Азии как по линии Евросоюз – Центральная Азия, так и в формате Германия – Центральная Азия.

Узбекистан и Германия имеют совпадающие позиции и взгляды по вопросам афганского урегулирования. Более того, в Берлине высоко ценят предоставление узбекской стороной аэропорта в Термезе для осуществления транзита сил Бундесвера на территорию Афганистана. Эти обстоятельства вкупе с уже налаженным партнерством двух стран в оборонной сфере на двустороннем уровне и в рамках программ НАТО открывают широкие возможности для наращивания военного и военнотехнического взаимодействия в рамках продвижения «умной силы».

Кроме того, перспективным представляется участие европейских партнеров в создании в южных регионах Узбекистана (Сурхандарьинская область, г. Термез) сети кампусов для организации профессионального обучения афганской молодежи рабочим специальностям. Обучение в кампусах могло бы осуществляться узбекскими и зарубежными преподавателями.

Германия – федеративная парламентская республика, где федеральные и региональные законодательные органы играют огромную роль при формировании внутренней и внешней политики. Именно поэтому укрепление контактов по линии парламентской дипломатии через активизацию деятельности существующих механизмов взаимодействия (парламентская группа Бундестага «ФРГ – Центральная Азия», парламентская группа Законодательной палаты Олий Мажлиса «Узбекистан – Германия») имеет принципиально важное значение для создания благоприятного политического фона в двусторонних отношениях.

Перспективным представляется установление прямого сотрудничества политических партий Узбекистана с ведущими политическими партиями ФРГ. Например, в формате Экологическое движение Узбекистана – Партия зеленых ФРГ, Социал-демократическая партия «Адолат» – Социал-демократическая партия Германии.

С учетом указанных факторов развитие получает узбекско-германское межрегиональное сотрудничество ввиду высокой автономности регионов ФРГ и их значительного потенциала в плане развития торгово-экономического сотрудничества и культурного обмена. Осуществляются партнерские связи на уровне городов двух стран: Ташкент – Берлин, Бухара – Бонн, Самарканд – Бремен. Например, во время визита Президента Ш.Мирзиёева в Баварию в январе 2019 г. стороны отмечали, что одним из первых документальных источников, свидетельствующих об исторических связях между двумя народами, являются записки историка И.Шильтбергера о пребывании при дворе Амира Темура.

Одним из значимых аспектов, благоприятствующих этому процессу, является высокий статус немецкого языка в республике и проживание немецкой диаспоры на нашей территории, что требует активизации

деятельности Межправительственной комиссии по делам немцев, проживающих в Узбекистане³¹².

В Германии высоко оценивают инициативы Президента Узбекистана Ш.М. Мирзиёева по дальнейшей демократизации общества, реформированию судебно-правовой системы, укреплению роли парламента и политических партий. ФРГ проявляет готовность расширить программы содействия в указанных сферах.

В Узбекистане успешно функционирует множество научно-просветительских организаций ФРГ, таких как Германская служба академических обменов, представительства Фондов имени Конрада Аденауэра и Фридриха Эберта, Институт по международному сотрудничеству Немецкой ассоциации народных университетов. В 1842 школах страны немецкому языку обучаются свыше 400 тысяч учащихся. Более 700 студентов и научных исследователей из Узбекистана обучаются в высших учебных заведениях Германии. Главная цель Института Гёте в Ташкенте заключается в обучении немецкому языку, развитии международного культурного сотрудничества. В центрах изучения языка института обучаются более 4000 человек³¹³.

Таким образом, обе страны располагают всеми исходными предпосылками для взаимного проецирования «мягкой силы», тем более с учетом активного культурно-гуманитарного проникновения Узбекистана в Германию в последние годы на основе нового внешнеполитического курса Президента Узбекистана Ш.М. Мирзиёева и эффективной деятельности наших загранучреждений в этой стране.

Из всех традиционных технологий «мягкой силы» (*привлекательность экономической модели развития, человеческий капитал, культура, дипломатия, политика, образование, бизнес и инновации*) **Франция** делает ставку на «цифровую дипломатию», культурное могущество и образовательный обмен.

По нашим наблюдениям, серьезные геополитические сдвиги на европейском континенте, связанные с украинским кризисом, выходом США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и их требованием к Европе увеличить военные расходы обуславливают системные действия президента Э. Макрона закрепить за собой место одного из новых политических лидеров ЕС. Например, в преддверии мероприятий в честь 100-летия окончания Первой мировой войны заявление французского лидера о необходимости создания «реальной

³¹² В Узбекистане проживают более 8 тысяч этнических немцев, которым созданы все условия для развития национальной культуры и традиций. Недавно школам в Ташкенте, Самарканде и Бухаре присвоены имена великих представителей немецкой культуры.

³¹³ Узбекистан и Германия – надежные, важные и долгосрочные партнеры // <https://mfauz.ru/press/news/2019/05/19296>.

европейской армии» и более суверенного позиционирования ЕС в военной сфере вызвали неоднозначную реакцию президента США Д. Трампа, руководства НАТО и вынесли на поверхность вопрос европейской идентичности в сфере безопасности с учетом возрастающих внутренних и внешних угроз.

Одним из признаков «особой» геостратегической роли Франции являются самостоятельные авиационные налеты французских ВВС по территории Сирии, ее важная роль в урегулировании ситуации в Тунисе и Ливии, вовлеченность во внутриафриканские конфликты, глобальные дипломатические инициативы по типу Парижского соглашения по климату и имиджевые мероприятия.

На фоне добровольного выхода Великобритании из ЕС с расчетом на укрепление особых связей с США, экономического ослабления Италии и неоднозначных внутривластных процессов в Германии и Испании Франция на основе исторически сложившейся державности стремится подать себя в качестве «европейской надежды» или нового стержня ЕС. Немаловажным представляется внутривластный аспект ярких инициатив Э. Макрона.

По мнению большинства исследователей, в обозримой перспективе планы Парижа и Берлина выстроить собственную систему военной безопасности в Европе в целях ослабления зависимости от Североатлантического блока и «защиты от Китая, России и даже США» представляются достаточно сложными.

Несмотря на уверения Э. Макрона о ненаправленности идеи о европейской армии против НАТО, формирование и задействование такой структуры неминуемо будет дублировать, нивелировать и в конечном итоге подрывать роль Североатлантического альянса. Такая перспектива неприемлема для Вашингтона, который контролирует все его ключевые функциональные аспекты деятельности, в том числе стратегическое планирование, штабирование, вооружение, разветвленную инфраструктуру и логистику. При этом просматривается негативная фронда со стороны восточноевропейских партнеров США – Польши, Румынии и прибалтийских государств, придерживающихся американоцентричных позиций по проблемам обороны и безопасности. Различие в оценке внешних угроз западными и восточными членами ЕС может привести к проблемам при разработке общей и эффективной военной доктрины.

Для достижения этой долговременной цели Парижу и Берлину предстоит решить сложную задачу консолидации государств-членов ЕС по всему спектру политико-правовых и военно-стратегических вопросов в сфере обороны на основе единой платформы. Поэтому в условиях

определенных центробежных процессов на европейском континенте, в течение десятилетий зависящего от военного «зонтика» США, такое развитие событий в ближайшей перспективе представляется весьма проблематичным.

На фоне этих сложных процессов Париж уделяет повышенное внимание дальнейшему продвижению «мягкой мощи». Особый акцент на государственном уровне делается на обеспечении конкурентоспособности киноиндустрии, распространении французского языка; гастрономия и мода создают мощный канал влияния через концепт «art de vivre»; в культурной политике Министерством иностранных дел Франции особо отмечается Интернет и новые медиаресурсы.

Жозеф де Мэстр в одном из писем в декабре 1809 г. писал: «Вся французская нация есть не что иное, как широкая пропаганда», подразумевая глубокую укорененность технологий soft power в культуру французской нации. И, правда, французская «мягкая сила» зиждется на трех условных столпах:

- великая культура, наука и философия. Полсотни лауреатов Нобелевской премии, Вольтер, Монтескье, Бальзак, Гюго, Камю, Сартр, художники-импрессионисты и др. обусловили огромный и неоценимый вклад в мировую культурную копилку и по сей день являются значительными источниками «мягкого» могущества Франции;

- уникальная модель политического устройства (идеи Великой французской революции, демократии, прав человека, республиканская традиция). Полноценная империя не может существовать без политической идеи «на экспорт», в случае с Францией – это «liberté, égalité, fraternité»;

- «art de vivre» – идеологема, альтернативная «американской мечте», обуславливающая ряд типично французских феноменов: высокая гастрономия, высокая мода и т.д. Функции продвижения всех этих столпов французской «мягкой силы» лежат на разветвленной сети культурных учреждений по всему миру – более 150 культурных институтов, более 1000 Alliance française, которые проводят 50 000 мероприятий ежегодно – именно они являются проводниками французской культуры и политики³¹⁴.

В 2016 г. Францию посетили примерно 83 млн иностранных туристов, власти поставили целью к 2020 г. привлечь 100 млн гостей, хотя эти планы, возможно, будут несколько отодвинуты в связи с глобальным коронавирусом кризисом. По мнению французских властей, дипломатия, развитие внешнеторговых связей и туризм хорошо дополняют друг друга³¹⁵.

³¹⁴ Мухамедярова Р.Р. Стратегия мягкой силы Франции. Дискурс-пи. Институт философии и права УрО РАН, 2014. – С.146-151.

³¹⁵ Губский А. Туризм – это не просто важный сектор экономики, но еще и инструмент влияния, мягкая сила // <https://www.vedomosti.ru/business/characters/2017/06/13/694194-turizm-vazhnii-sektor-ekonomiki>.

В бюджете страны предусмотрены три программы: программа 105 «Внешняя политика Франции в Европе и в мире», программа 185 «Культурная дипломатия и дипломатия влияния», программа «Французы за рубежом и консульские расходы». Суммарный бюджет этих программ равен 2,4 млрд евро. Координацией деятельности сети занимается Госкомитет международных сетей за рубежом (*Corinte*).

Компонентом французского «мягкого могущества» является Франкофония – международная организация сотрудничества франкоязычных стран, объединяющая 58 государств мира. Французский альянс имеет 1072 представительства в 146 странах. Ее отделения организуют театральные и музыкальные гастроли, кинофестивали и выставки.

Отношения между Узбекистаном и Францией имеют глубокую историю. Во времена правления нашего великого предка Сахибкирана Амира Темура и короля Франции Карла VI в начале XV в. два государства поддерживали дипломатические отношения.

В Узбекистане любят и с уважением относятся к великой истории и богатой культуре Франции. В наши дни благодаря политической воле лидеров двух стран политическим и экономическим отношениям придан новый ощутимый импульс. Франция стала первой страной Европы, которую Президент Ш. Мирзиёев посетил с официальным визитом в октябре 2018 г.

Узбекско-французские связи динамично развиваются в сфере межпарламентских отношений. В 2008 г. в Сенате Олий Мажлиса Республики Узбекистан образована межпарламентская группа сотрудничества, с 2010 г. в Законодательной палате Олий Мажлиса действует группа дружбы «Узбекистан-Франция». В 2008 г. подписано соглашение о сотрудничестве между Уполномоченным Олий Мажлиса по правам человека (Омбудсманом) и Защитником прав человека Франции.

Последовательно развиваются и гуманитарные связи в сферах культуры и искусства, туризма, науки и техники, образования, здравоохранения, археологии. Франция стала первым европейским государством, в отношении которого введен безвизовый режим для туристов, посещающих Узбекистан. В нашей стране французский язык пользуется большой популярностью. В Ташкенте недавно создан Центр французского языка и культуры. Ведется работа по открытию в Узбекистане филиалов ведущих университетов Франции, где узбекские студенты будут обучаться по таким направлениям, как экономика, инженерное дело, сельское хозяйство, туризм.

История и культура Узбекистана вызывают большой интерес во французских научных кругах. В ходе упомянутого визита на высшем уровне автор романа «Самарканд» писатель Амин Маалуф, известные ученые

Фредерик-Бопертюи Брессан и Франц Грюне, внесшие большой вклад в изучение истории, археологии и культуры Узбекистана, были удостоены звания почетных граждан Самарканда. С учетом огромного интереса к историческому и культурному наследию нашей страны достигнута договоренность о проведении в 2021 г. выставки об истории Узбекистана в Лувре³¹⁶.

Таким образом, для России, США, Франции, Китая и Великобритании применение «мягкой силы» вышло на доктринальный уровень с отражением этого инструмента внешней политики в концептуальных нормативных актах, с определением институциональной основы, выделением финансовых средств, проведением научно-исследовательских работ.

Анализируя нынешний международный расклад «мягкой силы», уместно вкратце обратиться к примеру соседних с Узбекистаном государств.

Казахстан, имея большую территорию, богатые природные ресурсы и устойчиво развивающуюся экономику, целенаправленно культивирует для внешней аудитории идеи «казахской степной цивилизации», экономических возможностей, «евразийского начала казахской государственности», «разновекторной» внешней политики и др.

Прибегая к инструментарию «мягкой силы», Казахстан старается сформировать для себя комфортные внешнеполитические условия. Реализованы инициативы Астаны или поддержаны ею продвижение евразийских интеграционных проектов (ЕАЭС, ОДКБ), создание постоянно действующего института Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), механизм диалога по Каспию и другие. Нельзя не отметить добровольный отказ от ядерного оружия, деятельность страны в Совете безопасности ООН в качестве непостоянного члена, председательство в ОБСЕ, проведение всемирного «ЭКСПО-2017», участие в программах по оказанию гуманитарной помощи нуждающимся государствам, в миротворческих операциях, предоставление дипломатической площадки для сирийского урегулирования, а также строительство новой столицы.

Казахстан использует средства межрегиональной дипломатии с соседними государствами, применяет элементы «умной силы», проводя военные учения с зарубежными государствами, в том числе в рамках ШОС и ОДКБ. Нур-Султан активно работает с аналитическими и рейтинговыми структурами мира. Предпринимаются успешные попытки развития туристического потенциала курорта «Медео», экологической зоны «Бурабай», озера Балхаш и других природных достопримечательностей.

³¹⁶ Узбекистан – Франция: на пути расширения и укрепления долгосрочного взаимовыгодного партнерства // <https://mfa.uz/ru/press/news/2018/10/16302>.

Казахский исследователь С. Джаненова справедливо полагает, что объекты наследия ЮНЕСКО Казахстана, которые существовали на протяжении многих веков, могут быть переведены в брендовую «мягкую силу». Эти исторические объекты ЮНЕСКО могут быть сгруппированы вместе как глубокая тюркская история из Туркестана и использованы как исламская «мягкая сила». К духовным святыням Казахстана относятся мавзолеи Ходжи Ахмета Яссауи и Арыстан-бабы в Туркестане, древние памятники Тараза, подземная мечеть Бекет-Ата и многие другие культурные памятники³¹⁷.

В Казахстане можно выделить несколько действующих институтов «мягкой силы» и публичной дипломатии: руководство страны, внешнеполитическое ведомство, казахские диаспоры, НПО, институты гражданского общества, аналитические центры, отдельные иностранные СМИ и ведущие национальные вузы. В 2017 г. указом президента Республики Казахстан №415 «Об утверждении основных направлений государственной политики Казахстана в сфере официальной помощи развитию на 2017–2020 годы» были определены основные цели для укрепления позиции Казахстана в качестве донора, повышения узнаваемости и эффективности оказываемой помощи развитию и выполнения международных обязательств страны³¹⁸.

Усилия казахстанских властей подкрепляются привлеченными имиджмейкерами из числа признанных зарубежных специалистов-консультантов по вопросам построения национального бренда государства, национальной идентичности и репутации.

Таким образом, Казахстан обладает достаточными ресурсами для своего успешного позиционирования на мировой арене³¹⁹.

Туркменистан, имея статус нейтрального государства, стремится создать выгодные для своих национальных интересов внешнеполитические условия с использованием ресурсов и средств «мягкой силы». Туркменистан использует свою историю, культуру и традиции. В качестве национальных брендов Ашхабад продвигает ахалтекинских коней, туркменские ковры и кухню.

Туркменская сторона реализовала такие проекты, как создание Центра превентивной дипломатии ООН в Ашхабаде, международной площадки по обсуждению перспектив развития международных транспортных и энергетических коридоров, продвинула ряд инициатив в Организации

³¹⁷ Джаненова С. Почему важно развивать «мягкую силу» Казахстана? // https://forbes.kz/life/opinion/pochemu_vajno_razvivat_myagkuyu_silu_kazahstana.

³¹⁸ Указом Президента утверждена Концепция Казахстана в сфере официальной помощи развитию // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31375339#pos=3;-224.

³¹⁹ Жакьянова А.М. Ресурсы «мягкой силы» во внешней политике Казахстана // <https://cyberleninka.ru/article/n/resursy-myagkoy-sily-vo-vneshney-politike-kazahstana>.

Объединенных Наций в сфере транспортных коммуникаций, экологии, а также провела у себя престижные спортивные соревнования Азиады в закрытых помещениях³²⁰. Примечательной является попытка Ашхабада привязать свой туристический продукт (Кяна Ургенч, Мерв и др.) к городам Узбекистана (Хива, Ургенч, Бухара и Самарканд), идет широкая реклама, особенно на региональном уровне, каспийского курортного бренда «Аваза».

Таджикистан в последние годы также нарастил потенциал в этой сфере³²¹. Например, в стране запустили на внешнюю аудиторию лозунги об «арийском начале» таджикской нации, отличительности таджикского от соседних тюркских языков, глубоком историческом наследии таджикского народа с эпохи Саманидов и другие компоненты культурного и традиционалистского характера. Заслуживает внимания инициированное таджикским руководством и поддержанное Генеральной Ассамблеей ООН объявление с 2018 г. международного десятилетия действий «Вода для устойчивого развития» для получения внешней поддержки позиций Таджикистана в вопросах использования водно-энергетических ресурсов региона. Определенный резонанс имеет традиционный ежегодный экономический форум «Памир-инвест». Интересным представляется продвижение туристического бренда страны с использованием возможностей горных массивов («таджикские Альпы»).

Кыргызстан на фоне динамичных внутривластных процессов и после ряда революционных событий в стране пытается укрепить свой внешний имидж в качестве «островка демократии» в Центральной Азии, направленного на целевую аудиторию западных государств. Кыргызские руководители в различные периоды продвигали такие концепты «мягкой силы», как древность истоков кыргызов с Алтайского региона и соответственно их государственности, празднование в рамках ООН эпического народного произведения «Манас», Всемирные игры кочевников и культура кочевых народов. Одним из туристических брендов страны является курортная зона вокруг озера Иссык-Куль³²².

Соседние с Узбекистаном государства Центральной Азии используют связи с соотечественниками. В Казахстане функционирует Всемирная ассоциация казахов³²³, в Туркменистане – Гуманитарная ассоциация туркмен мира³²⁴, в Кыргызстане – Всемирный курултай кыргызов³²⁵.

³²⁰ В Туркменистане приступила к работе новый глава центра ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии // <https://turkmenportal.com/blog/12053>.

³²¹ Ризоён Ш. Инструменты «мягкой силы» и реализация национальных интересов Республики Таджикистан // <http://www.mts.tj/ru/index.php>.

³²² Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы // www.president.kg/sys/media/download/52135.

³²³ Всемирная ассоциация казахов // <https://www.kazportal.kz/vsemirnaya-assotsiatsiya-kazahov>.

³²⁴ Гуманитарная ассоциация туркмен мира // <https://turkmenportal.com/catalog/842>.

³²⁵ Бакиров А. Ж. Конституционно-правовое регулирование института курултая в Кыргызской Республике: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Бишкек, 2017. – С.15.

С дальнейшим развитием глобализации, выходом на международную авансцену новых влиятельных акторов, а также заметным разбалансированием отношений вследствие многочисленных проблем с глобальной экономикой и ростом противоречий по линии Север – Юг и Запад – Восток интерес к «мягкой силы» будет неизбежно возрастать.

Привлекательность использования инструментов и механизмов «мягкой силы» обусловлена необходимостью формирования (с наименьшими затратами) государствами позитивного имиджа для достижения целей национального развития. Великие державы, обладая большими ресурсами и потенциалом, прибегают к «мягкой силе» в сочетании с «жесткой» для расширения доминирующего положения в мировой политике и экономике, а также с использованием своих преимуществ применяют ее в геополитическом противостоянии за сферы влияния в конкретных регионах мира. Малые и средние государства используют основные аспекты «мягкой силы» в целях утверждения своей идентичности, продвижения положительного образа на внешнем поле, консолидации внутренних и внешних ресурсов для достижения долгосрочных целей развития.

3.2. Концептуальная модель реализации политики «мягкой силы» Республики Узбекистан

Для мобилизации и проецирования «мягкой силы» на внешнем поле нужны четкие ориентиры в плане национальной идеи. Необходима каталогизация и осмысление ее внутренних источников и ресурсов. В нашей стране ведется активная работа в данном направлении.

Помимо объективных источников силы в форме военной и экономической мощи, следует формировать и искусственные положительные образы для их представления за рубежом. Например, во Франции активно культивируются идеи Французской революции с принципами «справедливости, равенства и братства», демократического развития. В США существует так называемая «американская мечта». Республика Корея успешно реализует за рубежом новый образ корейского общества.

Наличие национальных ценностей, богатой истории и уникальной культуры, а также выбор прогрессивной модели развития не гарантируют формирование позитивного образа той или иной страны за рубежом.

На основе изучения зарубежного и отечественного опыта **мы предлагаем следующие организационно-правовые и институциональные меры, а также формы и методы формирования и продвижения «мягкой силы» Республики Узбекистан.**

Каждая страна моделирует стратегию «мягкосилового» воздействия, исходя из собственных уникальных национальных особенностей и преимуществ. Следующие долгосрочные цели в этом плане могут быть актуальны для Республики Узбекистан:

- обеспечение привлекательности страны для широкого круга региональных и международных акторов в политической, экономической и культурно-гуманитарной сферах, в первую очередь для нивелирования негативных стереотипов и фобий у зарубежной аудитории, усиления максимально положительного ее восприятия, а также объективного информирования мирового сообщества о внутренних процессах в государстве и его международных инициативах;

- выстраивание устойчивого позитивного имиджа страны за рубежом, способствующего решению актуальных проблем регионального и международного характера, укреплению авторитета и влияния за рубежом, в том числе для создания благоприятных внешних условий для экономического и социального развития, обеспечения стабильности и безопасности в ближнем и дальнем окружении в соответствии с национальными интересами;

- расширение конкурентоспособных позиций страны на внешних рынках, создание привлекательного для иностранного капитала инвестиционного климата, привлечение туристического потока, решение иных задач экономического плана;

- продвижение гуманитарного потенциала страны на внешнем поле для твердого позиционирования собственной национальной идентичности, подтверждения мощи и силы народа на фоне высокой геополитической турбулентности и неопределенности;

- создание сети друзей Узбекистана в объектах целеполагания «мягкой силы» для последующего продвижения национальных интересов, а также формирование положительного общественного мнения у зарубежной целевой аудитории.

Практическая реализация этих целей в условиях Узбекистана видится в осуществлении последовательных **организационно-правовых мер**.

Во-первых, представляется целесообразным на первом этапе по опыту ряда государств включить в разрабатываемую новую редакцию Концепции внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан понятий «мягкая сила» и «публичная дипломатия» с дальнейшей разработкой межведомственной программы развития данной сферы и созданием специализированной республиканской комиссии. Данный процесс может осуществляться в рамках рассматриваемой Концепции укрепления позитивного имиджа Узбекистана на международной арене и действующих рабочих групп по имиджевой политике Республики Узбекистан³²⁶.

³²⁶ Указ Президента Республики Узбекистан №ПФ-5635 от 17 января 2019 г. «О государственной программе по реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах в Год активных инвестиций и социального развития» (пункт 260 Государственной программы) // lex.uz/docs/4113474.

Вопросы о соотношении понятий «мягкая сила», международный «имидж», «репутация», «образ», «авторитет» и «влияние» являются предметом исследования многих западных и российских авторов, которые пытаются конструктивно и объективно разрабатывать данную проблематику. По нашему мнению, имидж страны является составной частью «мягкой силы» с учетом ее разноаспектности. Аспекты «мягкой силы» включают в себя не только имидж и образ страны за рубежом, но и внутренние детерминанты, влияющие на способность субъекта оказывать влияние на объект в системе международных отношений, позиционировать себя в качестве уважаемого члена международного сообщества. Внутренние детерминанты также в определенной степени изучены в нашей исследовательской работе.

Таким образом, практические мероприятия при реализации политики «мягкой силы» могут осуществляться в рамках имиджевой концепции. Эти два понятия взаимозависимы и взаимно дополняют друг друга.

Во-вторых, с учетом специфичности мероприятий «мягкосилового» воздействия предлагается определить координирующим государственным органом по вопросам формирования и реализации политики «мягкой силы» Совет безопасности при Президенте Республики Узбекистан, а основными субъектами – министерства и ведомства.

Целесообразно разработать перечень общественных и коммерческих субъектов «мягкой силы» с формированием их совместных с государственными органами задач и функций по следующим направлениям: продвижение политических ценностей, распространение культуры, внешнеполитические акции и мероприятия, формирование национального, регионального и отраслевого брендов, обеспечение благоприятного информационного поля, работа с соотечественниками за рубежом и др. Такая организация работы может создать эффективную и многослойную институциональную основу для централизованной и целенаправленной деятельности по наращиванию и продвижению «мягкой силы» страны.

В-третьих, следует разработать механизм использования возможностей национальных и иных неправительственных организаций, аналитических центров и средств массовой информации для продвижения выгодной для Республики Узбекистан информации на внешнем поле. Иностранная целевая аудитория питает большее доверие к информации, мнению и анализу негосударственных акторов, авторитетных и известных частных лиц, нежели государственных субъектов.

Государственно-частное партнерство в этом направлении через использование возможностей и каналов НПО, сообщества блоггеров и других субъектов негосударственного сектора представляется вполне выполнимым и перспективным.

В-четвертых, предлагается упорядочить деятельность представителей местных органов власти на внешнем поле в целях их вовлечения в процесс поднятия имиджа страны. Важным является параллельное решение проблем, связанных с поднятием уровня их знаний и навыков в вопросах международного общения, ведения переговоров, протокола и этикета, которые сказываются на продвижении внешнеполитических и внешнеэкономических интересов республики в рамках так называемой сетевой дипломатии³²⁷. С учетом создания системы взаимодействия каждого загранучреждения Узбекистана и хокимиятов (местные органы исполнительной власти) следует принять практические меры по преодолению недостатка качественно оформленных и содержательных материалов об инвестиционном потенциале регионов и республики на иностранных языках, в том числе в виде буклетов, видеороликов, альбомов, сувениров и туристических путеводителей для проведения информационной и презентационной работы за рубежом.

В-пятых, целесообразно систематизировать и классифицировать (каталогизировать) ресурсы «мягкой силы» Узбекистана по таким направлениям, как национальные ценности страны в различных сферах жизнедеятельности (политика, экономика и социальная сферы, внешняя политика, история, культура, спорт, искусство, наука, образование и другие)³²⁸. Актуальность данного вопроса еще более возрастает с учетом разработки концепции национальной идеи, качество наполнения которой взаимосвязано с осмыслением национальных ценностей в различных сферах. Это и служит внутренним детерминантом «мягкой силы» для проецирования на внешнее поле.

В процессе культивирования положительного образа страны необходимо активно использовать такие качества проживающих здесь народов, как трудолюбие, щедрость, миролюбие, толерантность, приверженность к образованию и наукам, гостеприимство, уважение к исконным традициям, культуре и истории и др. Тысячелетние традиции межнационального согласия и религиозной терпимости, царившие на территории нашей страны, создают притягательность и устойчивый позитивный имидж, понятный и бесспорный как внутри нашего общества, так и за рубежом.

³²⁷ Президент раскритиковал результаты зарубежных поездок хокимов // <https://www.gazeta.uz/ru/2018/08/15/investments>.

³²⁸ Указ Президента Республики Узбекистан №ПФ-5635 от 17 января 2019 г. «О государственной программе по реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах в Год активных инвестиций и социального развития» (пункты 188-192 Государственной программы) // [lex.uz. / docs / 4168757](http://lex.uz/docs/4168757); Постановление Президента Республики Узбекистан №ПП-4068 от 19.12.2018 г. «О мерах по коренному совершенствованию деятельности в сфере охраны объектов материального культурного наследия» // [lex.uz. / 4113474](http://lex.uz/4113474).

В-шестых, на начальном этапе полезным представляется определить конкретные приоритетные объекты политики «мягкой силы» Республики Узбекистан по принципу «трех поясов». «Первый пояс» – сопредельные государства региона Центральной Азии, «второй пояс» – государства постсоветского пространства и «третий пояс» – стратегически важные для Узбекистана объекты на международной арене (Европа и США, Китай, Индия, Республика Корея, Япония, государства мусульманского мира). Важно принять во внимание, что каждый объект целеполагания требует дифференцированного и индивидуального подхода (см. приложение 4).

Следует выделять целевую аудиторию и внутри населения той или иной страны, поскольку различные слои общества воспринимают передаваемые «сигналы» и информацию различным образом. Эффективным представляется выбор таких групп коммуникативного воздействия, которые в дальнейшем ретранслируют воспринятый образ Узбекистана на более широкую аудиторию внутри той же страны. Среди таких групп целеполагания можно выделить политическую и бизнес-элиту, неформальных лидеров общественного мнения, экспертное сообщество и молодежь³²⁹.

Важно определить, к чему мы должны быть готовы при применении «мягкой силы», какие негативные аспекты существуют при ее реализации Узбекистаном.

Сила – «мягкая сила», «жесткая сила», «умная сила», «острая сила» в любом случае остается силой и направлена прежде всего на достижение определенных целей через изменение поведения объекта в выгодном для субъекта плане. При неумелом применении ее инструментов и механизмов в региональном разрезе мы можем столкнуться с культурно-цивилизационным противодействием со стороны соседних государств, с обвинениями в стремлении к региональному доминированию, навязывании собственных культурных ценностей, которые различаются от страны к стране в Центральной Азии.

Если говорить о проецировании «мягкой силы» Узбекистана на постсоветском пространстве, то предположительно речь пойдет о ее взаимном применении. В отношении государств постсоветского пространства приемлем обоюдovýгодный подход с тем, чтобы проецирование силы осуществлялось на паритетной основе.

Если речь идет о применении инструментов «мягкой силы» Узбекистана в дальнем зарубежье – крупных центрах принятия глобальных решений или системообразующих мировых центрах в лице США, Китая,

³²⁹ Харитоновна Е. «Мягкая сила» в политике Великобритании: борьба за целевые аудитории // Пути к миру и безопасности. – М., 2017, № 2(53). – С. 28-36 // <https://www.imemo.ru/jour/PMB/index.php>.

Западной Европы, Японии, то мы можем столкнуться с культурно-цивилизационной «стеной». Более того, такие негативные моменты могут усугубиться при неправильном использовании «мягкой силы».

Предлагаемая нами концептуальная модель реализации политики «мягкой силы» Узбекистана предполагает важный аспект – мониторинг, оценку и коррекцию политики ее воздействия. Эта модель должна работать по кругу с тем, чтобы от «цели» и до «объекта» субъект мог отслеживать эффективность продвижения «мягкой силы». «Мягкая сила» остается силой и требует осторожного обращения (рис. 4).

В-седьмых, следует выявить и задействовать средства, через которые происходит конверсия ресурсов и потенциала «мягкой силы» Республики Узбекистан во внешнеполитическое и внешнеэкономическое влияние. В частности, речь идет об использовании таких инструментов, как публичная дипломатия, стратегические коммуникации (Интернет, радио, телевидение, печатная продукция и др.), средства неформального характера, местные и заграничные субъекты в различных сферах, в том числе соотечественники за рубежом, религиозные организации, известные спортсмены, артисты, творческие коллективы и др. Перспективной представляется активация парламентской, народной дипломатии, культурной, научной, молодежной дипломатии, дипломатии городов-побратимов, соседних регионов, цифровая дипломатия и др.³³⁰.

В-восьмых, можно привлечь зарубежных специалистов для разработки, апробации и запуска ряда вариантов национального бренда страны³³¹. Совместная с иностранными экспертами работа над брендингом обусловлена тем, что национальные и локальные образы Узбекистана должны быть понятны и привлекательны внешнему объекту, причем формы и характер брендинга страны могут варьировать в зависимости от целевой аудитории.

В-девятых, целесообразно обеспечить эффективное выполнение решений о повышении позиций республики в международных рейтингах, наладить конструктивное взаимодействие с международными рейтинговыми агентствами для улучшения позиций по индексу экономической свободы, индексу коррупции, а также включения страны в индекс глобальной конкурентоспособности и др.; рассмотреть возможность участия Узбекистана в общепризнанном рейтинге «мягкой силы» британской аналитической компании Portland Communication.

³³⁰ Указ Президента Республики Узбекистан №ПФ-5635 от 17 января 2019 г. «О государственной программе по реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах в Год активных инвестиций и социального развития» (пункты 263, 268, 269, 272 и 274 Государственной программы) // lex.uz/docs/4168757.

³³¹ Юсупов А. Новая веха в истории современного Узбекистана // <https://www.uzdaily.uz/articles-id-33678.htm>.

В-десятых, следует наладить систему подготовки и повышения квалификации кадров с созданием современных учебных программ и материалов на базе УМЭД, УзГУМЯ и других профильных вузов, а также включение в их научные программы подготовку исследователей в области «мягкой силы» и публичной дипломатии, формирования брендов, цифровой дипломатии и по другим направлениям (см. приложение 5).

Предлагаем использовать следующий **алгоритм конверсии «мягкой силы» во влияние:**

- *первый этап:* определение объекта и субъекта «мягкой силы»;
- *второй этап:* определение ресурсов, разработка механизма и инструментария воздействия на объект, действие;
- *третий этап:* мониторинг и оценка воздействия;
- *четвертый этап:* коррекция политики воздействия.

Решение указанных задач способно улучшить имидж и привлекательность Узбекистана на внешнем поле. Направление этого процесса в управляемое русло, разработка форм и методов реализации концепции применительно к каждой стране и иной целевой аудитории индивидуально позволит сформировать необходимые каналы для продвижения национальных интересов и обеспечения безопасности страны.

Рис. 4. Концептуальная модель реализации политики «мягкой силы» Республики Узбекистан. Как составная часть предложенной модели разработаны следующие формы и методы реализации «мягкой силы» Республики Узбекистан.

В политико-дипломатической сфере

Международный опыт свидетельствует о том, что разовые крупномасштабные и зачастую дорогостоящие имиджевые акции не могут в полной мере гарантировать положительный эффект в деле продвижения «мягкой силы». Напротив, необходима кропотливая и планомерная деятельность государственных и негосударственных акторов по наращиванию положительного образа страны, а также мобилизация интеллектуального и ресурсного потенциала для достижения долгосрочных целей укрепления международного влияния и авторитета.

«Мягкая сила» Республики Узбекистан в силу ряда объективных и субъективных причин имеет свои естественные пределы, что требует тщательного рассмотрения вопроса о выборе целевой аудитории ее трансляции в зависимости от приоритетных задач внутреннего развития. Примечателен в этом плане опыт Индии, которая прошла многие этапы формирования «мягкосилового» потенциала³³².

В этой связи предлагается следующее.

1. Перспективной является разработка МИД и причастными министерствами и ведомствами Республики Узбекистан пилотного зонтичного проекта с названием «*Мир Узбекистана*» или «*Узбекистон олами*» (*The World of Uzbekistan*) для объединения под общей эгидой Совета безопасности при Президенте Республики Узбекистан проводимых многочисленных «мягкосиловых» проектов и мероприятий. Такой единый бренд может быть использован для создания сети культурно-образовательных центров при дипломатических миссиях Узбекистана, а также конструирования национальной модели публичной дипломатии.

2. Основной задачей в региональном контексте остается дальнейшее укрепление геополитической целостности Центральной Азии, укрепление локальных источников для внешнего признания ее самостоятельной роли в решении сугубо внутрирегиональных проблем без участия третьих сторон. Взаимное сближение стран и народов Центральной Азии необходимо превратить в необратимый процесс.

В целях противодействия процессу возможной дезинтеграции и фрагментации региона и предотвращения реализации здесь каких-либо негативных и неблагоприятных сценариев необходимо наличие общих идей и целеполагания, способных мобилизовать страны Центральной Азии на регионализацию, что непосредственным образом будет отражаться и на укреплении их отношений с Узбекистаном.

³³² Наумов А.О., Положевич Р.С. «Мягкая сила» Индии как суверенного государства: идейные истоки и ретроспектива (часть I) // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. № 69. Август 2018 г. – С. 410-430 // <http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2018>.

Развитие формата Консультативной встречи глав государств Центральной Азии на нынешнем этапе взаимной консолидации государств региона является наиболее приемлемым. К настоящему времени не сложились объективные внутренние и внешние предпосылки для ускоренной региональной интеграции и институционализации сотрудничества государств Центральной Азии. Вместе с тем существует понимание необходимости постепенного и гибкого подхода к вопросам регионального сотрудничества.

Для укрепления консолидации следует эффективно использовать предложенную Президентом Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёевым платформу культурно-гуманитарного обмена государств региона под названием «Центральная Азия – одно прошлое, общее будущее»³³³. Инициатива свободна от политизированности и нацелена на развитие гуманитарных проектов на разовой и постоянной основе. Данная платформа может быть представлена как ребрендинг инициированного ранее Узбекистаном движения «Туркестан – наш общий дом».

Прорывным в плане создания политико-идеологической и информационной основы регионального сотрудничества может стать запуск центральноазиатского телевидения по аналогии с каналами «Евроньюс» и «Мир». Вещание может вестись одновременно на пяти языках, контент телепередач будет формироваться с участием редакторов всех стран региона. Штаб-квартира общерегионального телевидения может дислоцироваться в любой из столиц государств Центральной Азии, финансирование осуществляться на равных долях.

Проведение Центральноазиатских спортивных игр будет продолжением существовавшей в середине 90-х годов традиции организации Центральноазиатских игр.

В целях создания условий для воспитания молодежи региона на основе принципов взаимного уважения и поддержки, в духе дружбы и взаимопонимания соседние страны могут поддержать инициативу создания Гуманитарного университета стран Центральной Азии в г. Ташкенте. По признанию интеллектуальной элиты соседних государств, Ташкент является притягательным образовательным, научным и культурным центром региона.

На базе опыта проведения в Ташкенте экспертного форума с участием представителей исследовательских и научно-аналитических структур региона целесообразно создание Экспертного совета по исследованию

³³³ Подготовленное в рамках исследования предложение автора нашло в доработанной форме отражение в выступлении Президента Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёева в ходе 2-й Консультативной встречи глав государств Центральной Азии в г.Ташкенте 29 ноября 2019 г.

проблем Центральной Азии. Такая форма работы позволит исследователям и экспертам комплексно заниматься изучением вопросов общерегионального характера в сферах безопасности, экономики, социологии, экологии. Методом организации работы совета может быть выбрана реализация тематических научно-исследовательских проектов с участием представителей заинтересованных стран.

В целях налаживания сотрудничества по вопросам демократизации, защиты прав человека и укрепления основ гражданского общества, обмена опытом и консолидации позиций по данной проблематике предлагается создать постоянно действующий Центральноазиатский Совет по гражданскому обществу, который может способствовать формированию благоприятного политического имиджа стран Центральной Азии на внешнем поле.

Полезным представляется рассмотрение вопроса о дальнейшем развитии гуманитарной составляющей взаимоотношений между странами Центральной Азии и Афганистаном на основе общих культурно-цивилизационных и духовно-религиозных ценностей. Одним из вариантов практической реализации данного посыла могло бы стать инициирование создания Форума культурного диалога «Центральная Азия – Афганистан». Постоянно действующая и открытая для участия третьих сторон платформа взаимодействия позволит вовлечь Афганистан в общее гуманитарное поле народов Центральной Азии. Ее инструменты и механизмы позволят инициировать религиозный диалог в духе умеренности и миролюбия, содействовать ознакомлению афганской молодежи с социальными и гуманитарными достижениями народов региона, сконцентрировать потенциал «мягкой силы» стран региона для его последующего проецирования на международной арене.

3. Следует активизировать использование постоянных площадок региональных и международных организаций (СНГ, ШОС, ОБСЕ, ОИС, ЭКО и др.) в целях продвижения политических, экономических и культурно-гуманитарных интересов. Принципиальным является обеспечение расширенного участия Узбекистана в формировании региональной и международной повестки, затрагивающей жизненно важные национальные интересы, в том числе путем выдвижении его кандидатуры на статус председателя ОБСЕ.

4. Важно разработать межведомственный план действий по использованию методов «цифровой дипломатии» в целях эффективного продвижения национальных интересов Узбекистана среди целевой зарубежной аудитории. Предлагается создать 2-3 интернет-сайта под эгидой негосударственных научных или аналитических структур для

периодической публикации исследовательских и аналитических материалов по общественно-политической и социально-экономической темам. Контент части документов может иметь умеренно критический характер. Необходимо системно сформировать ссылочную базу по Узбекистану в целях вытеснения необъективной зарубежной «аналитики» (в том числе на поле «экспресс-анализа» злободневных событий), разработки достоверной научной, информационной и аналитической платформы.

Целесообразно увеличить долю присутствия СМИ страны на международной арене с использованием адекватного контента в целях формирования благоприятного национального образа. Перспективным представляется информирование населения других стран, прежде всего соседних, об истории, культуре, ценностях, традициях, модели политического, социального и экономического развития Узбекистана; поэтапное возобновление радиовещания для иностранной аудитории на основных мировых и региональных языках, используя сеть Интернета и параллельные цифровому телевидению радиоканалы, в том числе с привлечением частных медийных компаний; использование музыкальных FM-радио для продуманного доведения информации в целях создания привлекательного образа и расширения влияния. В этом плане полезен опыт России по развитию зарубежного радиовещания³³⁴.

5. Можно задействовать неправительственные организации страны для проведения «мягкосиловых» акций за рубежом, в первую очередь по правозащитной, экологической, общественно-политической, социально-экономической, молодежной проблематике на основе совместных с государственными органами планов или при иной поддержке³³⁵.

6. По опыту соседних государств можно регулярно созывать Международный форум соотечественников³³⁶. Для предупреждения возникновения националистических настроений в обществе, недопущения ущемления прав представителей других национальностей и нивелирования негативной реакции соседних государств данному собранию важно придать гуманитарный характер. Подобное мероприятие, помимо имиджевого, может иметь также экономический эффект.

³³⁴ Быстрицкий А., Шариков А., Бережная В., Щенников А. Тенденции развития эфирного русскоязычного радиовещания за рубежом в 2010-2018 гг. // Международная жизнь. – М., 2018. – Ноябрь. – С.36-54.

³³⁵ Nye J. The Rising Power of NGO's. June 24, 2004. Project Syndicate // <https://www.project-syndicate.org/commentary>.

³³⁶ Указ Президента Республики Узбекистан №ПФ-5635 от 17 января 2019 г. «О государственной программе по реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах в Год активных инвестиций и социального развития» (пункт 259 Государственной программы) // lex.uz/docs/4168757.

7. Целесообразно наладить механизм распространения за рубежом исламской теологической литературы, издаваемой в Узбекистане, с переводом на иностранные языки. Целям распространения духовно-культурных ценностей Узбекистана могут служить:

- укрепление контактов между научными и экспертными сообществами в сфере религии, осуществление совместных научных проектов;

- развитие сотрудничества между официально признанными структурами мусульманского духовенства стран региона, включая Афганистан, в том числе по вопросам проведения религиозных праздников;

- организация для представителей официально признанных структур мусульманского духовенства взаимного посещения священных мест, имеющих религиозную и культурно-историческую ценность;

- активизация контактов между религиозными учебными заведениями, имамами Узбекистана и стран региона, в том числе включающих повышение квалификации религиозных священнослужителей;

- трансляция документальных и художественных фильмов и роликов на приграничные с Узбекистаном территории сопредельных государств;

- передача на безвозмездной основе качественных в содержательном плане записей отечественных телепередач, документальных и художественных фильмов телеканалам сопредельных государств;

- регулярная организация в сопредельных государствах выставок и ярмарок религиозно-просветительской литературы, издаваемой в Узбекистане, с особым вниманием к литературе, где опровергается догматика религиозно-экстремистских и террористических организаций³³⁷;

- организация обмена в научной среде, в том числе путем создания условий организационного и нормативно-правового характера для защиты докторских диссертаций для ученых из стран Центральной Азии в религиозной сфере.

8. Оборонное ведомство Узбекистана уже накопило богатый опыт военного и военно-технического сотрудничества с зарубежными странами. Поэтому перспективным представляется продолжить использование методов комбинации «мягкой» и «жесткой» силы («умная сила») в военно-политической сфере путем проведения совместных учений и тренингов военнослужащих сопредельных государств на территории Узбекистана, например, организация Международного военного ралли в пустынной зоне.

³³⁷ Васильев А.М., Исаев Л.М., Коротаев А.В., Шишника А.Р. Инструменты «мягкой силы» ИГ: типология и оценка эффективности // Азия и Африка сегодня. – М., 2018, №12. – С.3-11.

9. Для Узбекистана представляется полезным британский опыт, где вопросами координации продвижения «мягкой силы» в институциональном плане занимается парламент, а практическими аспектами – Министерство иностранных дел и по делам Содружества. В Великобритании налажен механизм мониторинга, оценки и корректировки политики «мягкой силы». Помимо политических и гуманитарных интересов, британская «мягкая сила» нацелена в первую очередь на продвижение внешнеэкономической повестки. Это обуславливает участие в этом процессе и экономическую заинтересованность негосударственных акторов – деловых и банковских кругов.

Вовлечение экономического блока в работу по продвижению «мягкой силы» (например, в распространении узбекского языка, образования и культуры) может расширить охват и повысить эффективность мероприятий в данной сфере, обеспечить поддержку таких инициатив среди общественности, внести вклад в расширение внешнеэкономического потенциала.

10. Для целенаправленного доведения позитивной информации об Узбекистане до ведущих мировых «мозговых центров» и институтов (*США, Россия, Великобритания, Франция, Германия*), непосредственно влияющих на формирование международного облика страны, ИСМИ при Президенте Республики Узбекистан предлагается разработать межведомственный план мероприятий с участием причастных министерств и ведомств, учебных заведений и аналитических центров. В этом плане знаковым событием стало проведение в ноябре 2019 г. в г.Самарканде X Азиатской конференции Валдайского клуба на тему «Центральная Азия и Евразия: многостороннее сотрудничество перед вызовами глобального беспорядка». В то же время, по нашему мнению, научное, аналитическое и экспертное сообщество Узбекистана обладает достаточным авторитетом и интеллектуальным потенциалом для создания собственной открытой диалоговой площадки по проблемам внешней политики и международных отношений, например, с названием «Новый Шелковый путь» или «Узбекистан – перекресток цивилизаций».

В сфере формирования национального брендинга

Для достижения успеха в страновой конкуренции и дальнейшей эффективной интеграции Узбекистана в мировое политическое и экономическое пространство требуется определение и развитие его конкурентных преимуществ, в первую очередь брендингового и имиджевого характера.

1. В этой связи предлагается с приглашением иностранных специалистов и привлечением широкой общественности Госкомтуризму Узбекистана организовать конкурс по разработке национального бренда,

брендов исторических городов и других узнаваемых за рубежом символов Узбекистана. Национальный, региональный и отраслевой брендинг несет в себе значительную коммерческую и маркетинговую нагрузку, что диктует необходимость серьезного подхода и изучения зарубежного опыта. Иначе продвигающие определенный бренд субъекты могут усилить или создать новые неприемлемые стереотипы о стране и ее народе³³⁸.

2. Можно использовать такие апробированные эпитеты и слоганы, как «Узбекистан на перекрестке мировых цивилизаций», «Ташкент – звезда Востока», «Самарканд – жемчужина Востока», «Бухара – купол Ислама», «Хива – музей под открытым небом», «Золотая Ферганская долина», «узбекский кураш», «традиции узбекской хореографии и танца», «узбекская опера и балет», «катта ашула», «маком», «риштанская керамика», «самаркандские ковры», «узбекский плов», «самаркандский хлеб», «чайхана» и многие другие.

Полезным представляется адаптировать германский опыт в развитии региональных брендов Узбекистана, прежде всего в деле развития туристического потенциала. Каждая административная единица страны может разработать собственный гастрономический, культурный, развлекательный бренд. Например, «Фестиваль мясной кухни в Карши», «Ралли Навои», «Ташкентский фестиваль джазовой музыки» и др.

В культурно-гуманитарной сфере

Важнейшей составляющей «мягкой силы» Узбекистана является его историко-цивилизационное и культурно-духовное наследие. Наряду с традиционными элементами культурного влияния (литература, театр, живопись и кинематограф) можно отметить богатую тысячелетнюю историю страны, признанные прорывы в науке и просвещении, уникальный сплав культур, давний опыт мирного взаимодействия различных народов и этносов, межконфессиональный диалог, притягательные географические ландшафты и многие другие образы. Имидж Узбекистана за рубежом не в полной мере отражает глубину и разнообразие этой палитры.

В этой связи предлагаются следующие мероприятия.

1. Минкультуры совместно с Национальным агентством «Узбеккино» и МИД Республики Узбекистан разработать межведомственный план действий по эффективному использованию почитаемых в регионе отечественных фильмов, музыкальных и театральных произведений, популярной музыки, фестивалей и выставок в рамках публичной дипломатии Узбекистана (например, проведение ежегодных «Дней узбекского кино» в странах региона).

³³⁸ Владимирова А.В., Королев В.А., Трунина А.А. Страновой брендинг и его отражение в глобальных рейтингах «мягкой силы» // Вестник международных организаций. Т. 9. № 2, 2014 г. С.209-228.

Можно возобновить традицию проведения Международного Ташкентского кинофестиваля³³⁹, а также организовывать региональные и международные театральные фестивали (например, под названием «Ташкентские театральные вечера»). Предлагается привлечь известных кинематографистов и продюсеров – соотечественников (например, Джаник Файзиев) для съемок художественных фильмов на территории Узбекистана.

2. Минкультуры, Хокимияту Ташкентской области оказать содействие в проведении традиционного фестиваля бардовской песни «Чимган» в целях привлечения целевой аудитории из стран СНГ.

3. МНО, МВССО и Академии наук Республики Узбекистан разработать программу обменов в области образования и науки для молодежи и профессионалов из соседних стран (в том числе Афганистана); предусмотреть возобновление оправдавшей себя в прошлом практики включения ученых стран региона в научные советы отечественных НИИ и вузов.

4. МВССО и заинтересованным министерствам и ведомствам Республики Узбекистан расширить практику подготовки инженерно-технических кадров для соседних государств в области железнодорожного и авиационного транспорта, в том числе на базе созданных учебных кампусов с привлечением финансовой, технической и экспертной помощи таких государств, как Германия, Испания, Франция и др.

5. МНО, МВССО совместно с МИД Республики Узбекистан разработать пилотный региональный проект по подготовке преподавателей средних школ и вузов, специализирующихся на узбекском языке, на базе Ташкентского госуниверситета узбекского языка и литературы имени А. Навои.

МНО, МВССО совместно с МИД Республики Узбекистан издать учебную литературу по узбекскому языку на кириллице, предусмотрев возможность ее направления в соседние государства. Инициировать организацию защиты диссертаций на соискание ученых степеней (PhD, DSc) для граждан соседних государств по отраслям науки «филология» и «педагогика» в учебных заведениях и научных учреждениях Узбекистана.

Поддержать действующие кафедры и открыть курсы узбекского языка в заинтересованных зарубежных странах и разработать учебники и учебно-методические пособия для обучения узбекскому языку англоязычных, франкоязычных, немецкоязычных иностранных граждан.

6. Академии наук Республики Узбекистан определить наиболее привлекательные для зарубежной аудитории научные школы для их продвижения на международном уровне (ядерная физика, теоретическая и

³³⁹ Данное предложение автора также озвучено руководством Национального агентства «Узбеккино» в ноябре 2019 г.

прикладная математика, физика Солнца, искусствоведение, лингвистика, научные базы «Суффа»³⁴⁰, «Майданак» и Международная аэрокосмическая школа им. Ш.Вахидова)³⁴¹.

7. Минспорту Республики Узбекистан организовать открытый чемпионат Узбекистана по боксу, а также более широко привлекать иностранных атлетов к сборам и тренировкам на спортивных базах республики; эффективнее использовать достижения знаменитых боксеров и других атлетов Узбекистана на Олимпийских играх и в других соревнованиях³⁴².

Предлагается создать условия для раскрутки на международном уровне современных всемирно известных личностей Узбекистана. Например, «*Рустам Касымжанов – первый мусульманский чемпион мира по шахматам*», «*Оксана Чусовитина – многолетний участник и многократный призер Олимпиад*», «*Ровшан Ирматов – лучший футбольный рефери современности*».

8. Министерству здравоохранения Республики Узбекистан принять практические меры по снятию административных барьеров и формированию преференций при оказании медицинских услуг населению сопредельных государств, в первую очередь для проведения сложных хирургических операций, а также выделению государственных квот для нуждающихся иностранных граждан³⁴³.

* * *

Общеизвестно, что развитые государства, обладая значительными ресурсами и политическим опытом, широко применяют механизмы и инструменты «мягкой силы». Государства Центральной Азии на национальном уровне также предпринимают определенные усилия по повышению своего международного влияния и имиджа, однако эта работа находится пока на начальном этапе.

При реализации политики «мягкой силы» зарубежные страны используют:

– централизованное государственное планирование действий по продвижению «мягкой силы», вовлечение негосударственных акторов – бизнес-сообщества, деятелей культуры, науки, образования и спорта;

³⁴⁰ Россия поможет достроить уникальный радиотелескоп «Суффа» на юге Узбекистана // <https://www.spot.uz/ru/2018/06/22/suffa>.

³⁴¹ Гамауллин Ю. Узбекистан и космос: как развивались отношения раньше и что предстоит сделать сейчас // <https://www.spot.uz/ru/2018/11/26/space>.

³⁴² Наумов А.О. Спортивная дипломатия как инструмент «мягкой силы» // Электронные журналы // http://e-notabene.ru/wi/article_24852.html.

³⁴³ Эльмурадов Т. Как медицинский туризм может превратить Узбекистан в «новую Швейцарию» // <https://www.spot.uz/ru/2017/11/01/medtourism>.

– реализацию инициатив в целях формирования выгодной для государства-субъекта внешнеполитической повестки, создание на своей территории многосторонних площадок для диалога и сотрудничества;

– осуществление программ публичной и «цифровой» дипломатии для системного разъяснения стратегии и тактики внешней политики, обеспечения привлекательности своих ценностей, культуры и образа жизни, доведения до целевой аудитории достижений в сфере национального развития, а также продвижения экономических интересов и идеологических установок;

– осуществление постоянно действующих программ или разовых мероприятий в области предоставления «официальной помощи развитию»;

– государственную поддержку туристической отрасли;

– международное образование для иностранных студентов, сотрудничество в научно-технической сфере, продвижение языка по принципу «кто изучает наш язык, тот покупает наши товары»;

– «мозговые центры» и СМИ для осуществления влияния на политикоформирующие элиты, общественно-политические круги, высокообразованную часть молодежи в государствах целеполагания;

– религиозно-духовные ценности на внешнем поле;

– зарубежную диаспору и соотечественников;

– культивирование национального, отраслевого и регионального брендинга для формирования узнаваемого образа страны-субъекта.

На основе четкого осмысления целей политики «мягкой силы» и для перевода ее элементов в внешнеполитическую плоскость видится целесообразным на начальном этапе включение данного понятия в нормативно-правовое поле и политический дискурс Республики Узбекистан.

Для обеспечения скоординированных действий государственных и негосударственных акторов в «мягкосиловом» треке необходимо сформировать институциональную основу для разработки национальной (межведомственной) программы в сфере повышения имиджа страны во главе с Советом безопасности при Президенте Республики Узбекистан; внедрения механизма взаимодействия государственных и негосударственных акторов в продвижении благоприятного для интересов страны нарратива; упорядочения деятельности государственных, полугосударственных и негосударственных субъектов в проведении «мягкосиловых» акций за рубежом; оценки и систематизации ресурсов «мягкой силы» Узбекистана; определения объектов воздействия «мягкой силы»; задействования инструментов конверсии ресурсов «мягкой силы» во влияние; привлечения зарубежных экспертов для разработки брендов и содействия в повышении позиций республики в рамках различных международных рейтингов, а также подготовки кадров в данной сфере, мониторинга и оценки «мягкосилового» воздействия Узбекистана и др.

Проведенное исследование позволило разработать конкретные формы и методы реализации потенциала и ресурсов «мягкой силы» республики. Помимо наращивания «мягкой силы» Узбекистана, работа в данном направлении может способствовать укреплению национальной идентичности и самосознания населения, мобилизации и обеспечению единства общества, привитию молодежи чувства гордости за свою страну. Это связано с тем, что источниками «мягкой силы» являются не только искусственно созданные привлекательные образы о стране для зарубежной целевой аудитории, но и собственно объективная картина внутреннего общественно-политического и социально-экономического развития. Именно притягательность современных ценностных установок общества, его жизненно важных ориентиров, модели политического и экономического развития, культурно-духовного потенциала и материального достатка народа призваны составлять несущую конструкцию «мягкой силы» Узбекистана.

Немаловажно вовлечение в процесс формирования и проецирования «мягкой силы» на внешнее поле деловых кругов республики, прагматично заинтересованных в расширении своих позиций на новых рынках, привлечении иностранных инвестиций и технологий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном быстроменяющемся и турбулентном мире, когда процессы глобализации стали константой при определении роли и места государства в международных отношениях, проблема, связанная со способностью одного актора влиять на действия другого актора в выгодном для себя направлении с применением различных форм «силы», приобретает особую актуальность.

Проведенный нами анализ трактовки понятий «сила» и «мягкая сила» свидетельствует, что если первая из них обладает всеми свойствами непосредственной очевидности и поддается объективным оценкам, то вторая достаточно изменчива и зависит от контекстов ее субъективного восприятия. Несмотря на наблюдающееся распространение в современном мире традиционных «жестких» методов реализации внешнеполитической повестки, различные по размеру и характеру акторы не могут игнорировать инструментарий «мягкосиловой» политики.

Во взаимозависимом мире силовые интервенции являются недолговечными, требуют огромных и зачастую неподъемных ресурсов. Ведущие государства не в состоянии полноценно задействовать военную мощь и финансово-экономическое влияние, выступать в роли гегемона или единственного доминирующего актора в силу прогнозируемого болезненного или катастрофического для них самих противодействия других глобальных субъектов. Средние и небольшие государства прибегают к использованию «мягкой силы» для влияния на поведение других акторов, укрепления национальной идентичности, повышения привлекательности и конкурентоспособности как международного субъекта, достижения целей развития и обеспечения безопасности.

В теории категория «мягкой силы» в силу различия подходов к ней со стороны основных школ и направлений науки о международных отношениях не получила общепринятого определения. В ходе исследования выявлено, что в политологическом дискурсе «мягкая сила» определяется как «стратегия», «политика», «концепция», «инструмент внешней политики», «нематериальные возможности», «способность», «непрямой способ применения силы», «идея», «способ властвования», «влияние», «коммуникативная технология», «процесс трансляции гуманитарных ресурсов».

При разработке авторской дефиниции понятия «мягкая сила» из ряда рассмотренных научных подходов выбран влиятельный (инфлюентный), в большей степени соответствующий имеющимся внешним и внутренним ресурсам Узбекистана и способствующий реализации национальной политики «мягкой силы».

«Мягкую силу» определяем как способность суверенного государства сформировать и проецировать на внешнее поле свой позитивный образ и привлекательность в политической, экономической и культурно-гуманитарной сферах в целях выгодного для собственных интересов воздействия на поведение других участников международных отношений, достижения благоприятных практических результатов, укрепления авторитета и влияния, а также утверждения собственной национальной идентичности.

Эффективность реализации политики «мягкой силы» непосредственно зависит от объективного осознания и измерения ее ресурсов и идентификации объектов приложения. Новые независимые государства, в том числе Узбекистан, ощущают потребность в интеграции «мягкой силы» в стратегии развития, что предполагает квантификацию ее ресурсов на национальном уровне.

Наиболее признанные рейтинговые оценки потенциала «мягкой силы» берут за основу трактовку ее основных аспектов, к которым относятся политические ценности, культура и внешняя политика.

Источниками «мягкой силы» являются как продуманная внешняя политика, общепризнанность культуры и ценностей страны, так и объективные показатели ее внутренних ресурсов (прогресс в общественно-политической и социально-экономической сферах), оказывающих непосредственное влияние на национальный образ в мире.

При оценке ресурсов «мягкой силы» государств учитываются объективные и субъективные источники и критерии, в первую очередь положение в международных рейтингах, мнение экспертов и результаты социологических опросов.

На основе оценки ресурсов «мягкой силы» осуществляется разработка и реализация эффективной стратегии ее проецирования на внешнее поле посредством коммуникаций (инструментария) и превращения во влияние. Существует взаимозависимость и взаимодополняемость между «мягкой силой», коммуникациями (инструментарием) и влиянием. Эти факторы диктуют потребность разработки модели конверсии ресурсов «мягкой силы» во внешнее влияние. Мы дали классификацию инструментов (коммуникационных стратегий) для осуществления конверсии ресурсов «мягкой силы» во влияние через призму исторически сложившихся возможностей и актуального потенциала Узбекистана.

Немаловажным является заключение о том, что международные отношения постепенно отходят от традиционной дипломатии и иерархий к более сложному миру международных сетей, где возрастает влияние негосударственных акторов, но при доминирующей роли государства.

Проведенное нами комплексное исследование потенциала и ресурсов «мягкой силы» Республики Узбекистан с периодизацией основных этапов ее формирования позволяет сделать следующие выводы:

- процесс становления «мягкой силы» в независимом Узбекистане протекал в сложных условиях международной конкуренции, внешнего давления и внутренних противоречий. Формулирование естественных и искусственно созданных положительных образов о стране, выбор механизмов и инструментов их проецирования и объектов целеполагания происходили с учетом потребностей конкретного исторического этапа, решаемых задач развития;

- генезис становления «мягкой силы» можно рассматривать в контексте укрепления национальной идентичности Узбекистана;

- осмысление и использование «мягкой силы» является важным условием при реализации новых приоритетов внешней политики с учетом стратегических установок в вопросах «укрепления международного имиджа» и «формирования нового облика» страны;

- Узбекистан обладает исторически обусловленным уникальным потенциалом для реализации собственного концепта «мягкой силы», формируемого с первых лет независимого развития. Республика Узбекистан имеет практически все исходные объективные и субъективные ресурсы, механизмы и инструментарий для эффективного продвижения позитивного национального образа, влияния на формирование международной повестки и отстаивания национальных интересов на внешнем поле с использованием «мягкой силы»;

- «мягкая сила» видится важнейшим инструментом в процессе эффективной реализации международных и региональных инициатив;

- последовательное формирование притягательного образа Узбекистана с применением методов «мягкой силы» можно рассматривать в качестве необходимой надстройки для развития внешнеэкономического базиса;

- отдельные аспекты политики «мягкой силы» включены в концептуальные документы государственного значения и ведомственные нормативно-правовые акты.

Исходя из обоснованного посыла о том, что притягательность и, как следствие, влияние базируются на таких детерминантах, как, во-первых, исторически сложившиеся объективные и субъективные параметры страны в «мягкосиловом» контексте, во-вторых, искусственно созданные государством образы и ассоциации, мы исследовали факторы реализации «мягкой силы» Узбекистана внешнего и внутреннего характера.

Среди внешних препятствующих факторов можно выделить наличие негативных стереотипов и остаточных фобий относительно общественно-политического и социально-экономического положения страны;

гипертрофированных оценок о чрезмерной зависимости Узбекистана от ведущих внешних акторов, негативном влиянии на устойчивое развитие страны преодолимых вызовов и угроз безопасности, якобы невнятной национальной идентичности страны; нежелание ряда внешних акторов признавать культурно-цивилизационные особенности страны; нездоровую конкурентную среду с рудиментами взаимного недоверия и др.

Одними из внутренних факторов, сдерживающих использование ресурсов «мягкой силы», являются недостаток в централизованном и системном подходе к ее формированию и применению, неразвитость организационно-правовых основ, несовершенство механизмов классификации и квантификации ее инструментария, определения объектов и субъектов и др.

Положительным аспектом реализации «мягкосиловой» политики Узбекистана является то, что она позволяет больше открываться миру, абсорбировать положительный опыт развитых государств для решения задач устойчивого развития. В работе в качестве внутреннего источника «мягкой силы» отмечена развивающаяся интернационализация образовательной и в целом социальных систем нашей страны, что ведет к расширению участия внешних акторов в социально-политической жизни нашего общества. В этих вопросах необходимо придерживаться «золотой середины» с тем, чтобы чрезмерное внешнее культурно-цивилизационное присутствие не порождало манкуртизации молодежи, не приводило к созданию «пятой колонны» сторонников зарубежных государств и эрозии национальных ценностей.

Современные тенденции международной политики еще раз подтверждают, что, несмотря на сохраняющееся влияние международных сетей, мироустройство все же остается государствоцентричным. Ведущие мировые державы создают вокруг себя иерархичную систему или конструируют полюса притяжения для средних и малых государств. Таким образом, миропорядок в целом формируется крупными центрами силы.

Можно отметить инертный характер деятельности внешнеполитического аппарата по информированию мирового сообщества о преобразованиях в стране и международных инициативах Узбекистана; недостаточный уровень диалога с соотечественниками за рубежом; недостаточную внедренность передовых информационно-коммуникационных технологий, прежде всего методов «цифровой дипломатии»; слабое внимание вопросам брендинга, вовлечения негосударственных акторов через методы публичной и иных форм дипломатии; дефицит кадров и др.

Изучение опыта 10 государств позволило нам выделить следующие основные тренды:

– «мягкая сила» прочно вошла в политический дискурс многих стран. Некоторые государства открыто заявили об использовании «мягкой силы» для достижения внешнеполитических и внешнеэкономических целей и задач с включением этого понятия в концептуальные и программные документы. Ведущие государства мира инкорпорировали методы и инструменты «мягкой силы» во внешнеполитический арсенал;

– «мягкосиловая» политика формируется, координируется и реализуется органами государственного управления под руководством глав государств и правительств и с вовлечением в этот процесс широкого круга отечественных и иностранных негосударственных акторов;

– главными целями использования «мягкой силы» стали продвижение внешнеэкономических и военно-стратегических интересов, обеспечение геополитического преимущества, укрепление сфер влияния на региональном и международном уровнях, формирование и манипулирование международной повесткой дня через культурно-цивилизационное и моральное превосходство, осуществление инициатив по формированию выгодной внешнеполитической среды, создание на своей территории постоянно действующих многосторонних площадок сотрудничества и др.;

– «мягкая сила» рассматривается как мобилизующий государство и общество фактор, в первую очередь для позиционирования на международной арене и сохранения национальной идентичности на фоне роста внешних угроз;

– ресурсы «мягкой силы» формируются с учетом особенностей конкретных государств, а также за счет искусственного культивирования привлекательных национальных образов, «производства смыслов». Субъекты «мягкой силы» выбирают ее механизмы и инструментарий, исходя из собственного потенциала и возможностей. Осуществляется индивидуальный подход к объектам целеполагания с учетом их культурно-цивилизационных, этнических, религиозных и других особенностей;

– «мягкая сила» рассматривается как стратегический, а не тактический феномен;

– использование взаимоисключающих методов «мягкой силы» как способа убеждения и формирования положительного влияния и агрессивной пропаганды с элементами идеологической агрессии приводит к негативному эффекту, получившему определение «острая сила»;

– «мягкая сила» используется в комбинации с традиционными инструментами «жесткой силы» – военного и экономического давления;

– государства Центральной Азии предпринимают активные усилия для формирования своего потенциала «мягкой силы».

На основе проведенного исследования нами предложена концептуальная модель реализации политики «мягкой силы» Узбекистана. Разработаны пять целевых установок «мягкой силы»; предложены объекты приложения политики «мягкой силы» по принципу «трех поясов»; выявлены инструменты ее применения, предложен алгоритм конверсии во влияние и механизмы реализации.

Как составная часть предложенной концептуальной модели разработаны формы и методы реализации «мягкой силы» Узбекистана в политико-дипломатической сфере, в сфере разработки национального, отраслевых и региональных брендов, в культурно-гуманитарной области.

Реализация Узбекистаном собственной модели «мягкой силы», безусловно, будет означать его вовлечение в региональную и международную конкуренцию. Это, в свою очередь, потребует мобилизации политических и материальных ресурсов. У крупных государств в этом плане есть большие преимущества в виде значительных финансов, исторически сложившейся мощи, разнообразного культурного и ценностного инструментария.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Нормативно-правовые документы и издания методологического значения

1.1. Нормативно-правовые акты Республики Узбекистан

1. Конституция Республики Узбекистан. – Ташкент: Узбекистон, 2003.
2. Концепция внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан. Утверждена Законом Республики Узбекистан № ЗРУ-330 от 10 сентября 2012 г.
3. Указ Президента Республики Узбекистан №УП-1785 от 26 мая 1997 г. «О мерах по поддержке Совета обществ дружбы и культурно-просветительских связей Узбекистана с зарубежными странами» // <https://nbu.uz>.
4. Указ Президента Республики Узбекистан №4947 от 7 февраля 2017 г. «О Стратегии действия по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» // [www.lex.uz / ru / docs/3107042](http://www.lex.uz/ru/docs/3107042).
5. Указ Президента Республики Узбекистан №УП-5046 от 19 мая 2017 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию межнациональных отношений и дружественных связей с зарубежными странами» // <http://www.uza.uz/ru/documents>.
6. Указ Президента Республики Узбекистан №ПФ-5106 от 5 июля 2017 г. «О мерах по повышению эффективности государственной молодежной политики и поддержке деятельности Союза молодежи Узбекистана» // <http://lex.uz/docs/3255685>.
7. Указ Президента Республики Узбекистан №УП-5400 от 5 апреля 2018 г. «О мерах по коренному совершенствованию системы Министерства иностранных дел Республики Узбекистан и усилению его ответственности за реализацию приоритетных направлений внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности» // [lex.uz/ docs / 3611113](http://lex.uz/docs/3611113).
8. Указ Президента Республики Узбекистан №ПФ-5635 от 17 января 2019 г. «О государственной программе по реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах в Год активных инвестиций и социального развития» // [http:// lex.uz./docs/ 4168757](http://lex.uz/docs/4168757).
9. Указ Президента Республики Узбекистан Ш.Мирзиёева от 29 апреля 2020 г. «О дополнительных мерах по кардинальному совершенствованию юридического образования и науки в Республике Узбекистан» // [https://uza.uz/ ru/documents/o-dopolnitelnykh-merakh-po-kardinalnomu-sovershenstvovaniyu-29-04-2020](https://uza.uz/ru/documents/o-dopolnitelnykh-merakh-po-kardinalnomu-sovershenstvovaniyu-29-04-2020).

10. Постановление Президента Республики Узбекистан №ПП-3654 от 5 апреля 2018 г. «Об организационных мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности Министерства иностранных дел Республики Узбекистан» // <http://lex.uz/docs/3611280>.

11. Постановление Президента Республики Узбекистан №ПП-3982 от 25 октября 2018 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию государственной политики Республики Узбекистан в сфере сотрудничества с соотечественниками, проживающими за рубежом». Концепция государственной политики Республики Узбекистан в сфере сотрудничества с соотечественниками, проживающими за рубежом // <http://lex.uz/docs/3210342>.

12. Постановление Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Концепции дальнейшего развития национальной культуры в Республике Узбекистан» // <http://uza.uz/ru/documents/ob-utverzhdennii-kontseptsii-dalneyshego-razvitiya-natsionaln-29-11-2018>.

13. Постановление Президента Республики Узбекистан №ПП-4068 от 19 декабря 2018 г. «О мерах по коренному совершенствованию деятельности в сфере охраны объектов материального культурного наследия» // <http://lex.uz/docs/334657>.

14. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан №19 от 11 января 1996 г. «О проведении недели «Расцвет науки, культуры и образования в эпоху Темуридов» в Париже» // <https://lex.uz>.

15. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан №911 от 13 ноября 2017 г. «Об организации деятельности Образовательного центра по обучению афганских граждан при Министерстве высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан» // <http://www.lex.uz/docs/3409638>.

1.2. Труды Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева и Первого Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова

1. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на первом саммите Организации исламского сотрудничества по науке и технологиям, г. Астана, 10 сентября 2017 г. // <http://uza.uz/ru/politics/10.09.2017>.

2. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, г. Нью-Йорк, 19 сентября 2017 г. // <http://president.uz>.

3. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на Международной конференции «Центральная Азия: одно

прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания», г. Самарканд, 10 ноября 2017 г. // <http://president.uz>.

4. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на Международной конференции по Афганистану «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие», г. Ташкент, 27 марта 2018 г. // <https://mfa.uz/ru/press/news/2018/03/14321>.

5. Мирзиёев Ш.М. Продвижение интересов Узбекистана на международной арене – основная задача нашего дипломатического корпуса // Одобрение народа – высшая оценка нашей деятельности. – Ташкент: «Узбекистон», 2018.

6. Выступление Президента Шавката Мирзиёева на торжественном собрании, посвященном 30-летию придания узбекскому языку статуса государственного языка // <https://mfa.uz/ru/press/news/2019/10/21544>.

7. Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису, г.Ташкент, 24 января 2020 г. // <https://uza.uz/ru/politics/poslanie-prezidenta-respubliki-uzbekistan-shavkata-mirziyeev-25-01-2020>.

8. Каримов И.А. «Манас» – это древняя и бессмертная энциклопедия кыргызов. Выступление в Бишкеке на торжествах, посвященных 1000-летию эпоса «Манас». 28 августа 1995 г. // Родина священна для каждого. Т. 3. – Ташкент: «Узбекистан», 1995.

9. Каримов И.А. Выступление на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 28 сентября 1993 г.; Речь на официальном приеме от имени Президента Франции. 27 октября 1993 г. // Наша цель: свободная и процветающая Родина. Т.2. – Ташкент: «Узбекистан», 1996.

10. Каримов И.А. Выступление на четвертой сессии Международной экономической организации «Форум фонд» в Швейцарии 18 июня 1993 г. // Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология. Т. 1. – Ташкент: «Узбекистан», 1996.

11. Каримов И.А. Узбекистан: свой путь обновления и прогресса // Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология. Т. 1. – Ташкент: «Узбекистан», 1996.

12. Каримов И.А. Выступление на заключительном заседании 155-й Сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО. 6 ноября 1998 г. Ташкент // Свое будущее мы строим своими руками. Т.7. – Ташкент: «Узбекистан», 1999.

13. Каримов И.А. Заявление Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова // За безопасность и мир надо бороться. – Ташкент: «Узбекистан», 2002.

14. Каримов И.А. Правда всегда должна быть незыблемым условием журналистики // *Узбекский народ никогда и ни от кого не будет зависеть*. Т.13. – Ташкент: «Узбекистан», 2005.

15. Каримов И.А. Выступление на саммите НАТО/СЕАП 2 апреля 2008 г. // *По пути модернизации и устойчивого развития экономики*. Т.16. – Ташкент: «Узбекистан», 2008.

II. Монографии, научные сборники и научные статьи

2.1. Монографии, диссертации и авторефераты

1. Алимов Р.М. Центральная Азия: Общность интересов. – Ташкент: «Шарк», 2005.

2. Алимов Р.М. Проблемы формирования новой архитектуры региональной безопасности в условиях глобализации (на примере Центральной Азии): Автореф. дисс. ... докт. полит. наук. – Ташкент: УМЭД, 2006.

3. Арифханов Ш. Центральная Азия: настоящее и будущее / геополитика, геоэкономика, безопасность. – Ташкент: «Extremum Press», 2012.

4. Арон Р. Мир и война между народами. – М.: Nota Bene, 2000.

5. Багаева А.В., Бродовская Е.В., Вдовиченко Л.Н. и др. / Под ред. профессора П.А. Цыганкова. Гибридизация мировой и внешней политики в свете социологии международных отношений. – М.: Горячая линия – Телеком, 2017.

6. Бакиров А.Ж. Конституционно-правовое регулирование института курултая в Кыргызской Республике: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Бишкек, 2017.

7. Бобокулов И.И. Международно-правовые аспекты обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии: вопросы теории и практики: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – Ташкент: УМЭД, 2010.

8. Богатуров А., Дундич А., Троицкий Е. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет и международные отношения в 2000-х годах. Очерки текущей политики. – М.: НОФМО, 2010.

9. Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. – М.: МГИМО – Университет, 2008.

10. Киссинджер Г. Мировой порядок. – М.: АСТ, 2015.

11. Мавланов И. Основные направления внешней политики и дипломатии Республики Узбекистан в трудах И.А. Каримова – Ташкент: УМЭД, 2006.

12. Мавланов И. Экономическая дипломатия. – М.: Аспект-Пресс, 2016.

-
13. Мунавваров М. Императивы внешней политики Республики Узбекистан в условиях глобализации и информатизации международных процессов. – Ташкент: АГОС, 2007.
 14. Нартов Н.А., Нартов В.Н. Геополитика. – М.: Юнити-Дана, 2007.
 15. Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. – М.: ИТК «Дашков и К», 2019.
 16. Панова Е.П. «Мягкая сила» как способ воздействия в мировой политике: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – М.: МГИМО. 2012.
 17. Рахманкулов М. Актуальные проблемы развития конституционно-правовых основ внешней политики Республики Узбекистан в условиях демократического обновления страны. – Ташкент: УМЭД, 2016.
 18. Рустамова Л.Р. «Мягкая сила» во внешней политике современной Германии: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук // https://mgimo.ru/science/diss/rustamova_diss.pdf.
 19. Сербина А.С. Еврорегионы как новые акторы мировой политики. Конфигурация нового миропорядка: проекты и реальность. – Новосибирск: НГУЭУ, 2015.
 20. Турсунов А. Конституционные основы внешней политики Республики Узбекистан. – Ташкент: ТДЮИ, 2002.
 21. Умаров А. Фактор Афганистана в региональной безопасности Центральной Азии в начале XXI века: Автореф. дисс. ... докт. филос. – Ташкент: УМЭД, 2017.
 22. Филимонов Г.Ю. Роль "мягкой силы" во внешней политике США: Автореф. дисс... докт. полит. наук. – М., 2013 // <http://www.dslib.net/global-razvitie/rol-mjagkoj-sily-vo-vneshnej-politike-ssha.html>.
 23. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2004.
 24. Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М.: Гардарики, 2007.
 25. Чихарев И.А., Столетов О.В. «Мягкая сила» и «разумная сила» в современной мировой политической динамике. – М.: МГИУ, 2015.

2.2. Научные статьи

1. Абатуров В. Аналитики для политики – 2017. О месте аналитиков Узбекистана в «табели о рангах» // Экономическое обозрение. – Ташкент, 2018, №2 (218).
 2. Абдуазимов М. Гастродипломатия: мировой опыт и потенциал Республики Узбекистан // Международные отношения. – Ташкент, 2017, №2 (68).
 3. Абдуллаев Ш. Трансформация международной системы и геополитической идентичности Узбекистана // Международные отношения. – Ташкент, 2017, №4.
-

4. Агеева В.Д. Реформирование концепции внешней культурной политики Франции: "дипломатия влияния" и феномен "мягкой силы". // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. – Тамбов: "Грамота", 2015.

5. Андреев А.Л. «Мягкая сила»: аранжировка смыслов в российском исполнении // Полис. Политические исследования. – М., 2016, №5.

6. Бабаев Б. Лев Леваев: В Узбекистане теперь есть все возможности для взаимовыгодного бизнеса // <https://icc.uz/archives/3794>.

7. Бобыло А.М. «Мягкая сила» в международной политике: особенности национальных стратегий // Вестник Бурятского государственного университета, 2013, №14.

8. Братерский М.В., Скриба А.С. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. Высшая школа экономики. Т. 9, № 2. – М., 2014.

9. Быстрицкий А., Шариков А., Бережная В., Щенников А. Тенденции развития эфирного русскоязычного радиовещания за рубежом в 2010-2018гг. // Международная жизнь. – М., 2018, ноябрь.

10. Васильев А.М., Исаев Л.М., Коротаев А.В., Шишника А.Р. Инструменты «мягкой силы» ИГ: типология и оценка эффективности // Азия и Африка сегодня. – М., 2018, №12.

11. Великая А. Публичная дипломатия как инструмент международного диалога // Международная жизнь. – М., 2016, №2.

12. Владимирова А.В., Королев В.А., Трунина А.А. Страновой брендинг и его отражение в глобальных рейтингах «мягкой силы» // Вестник международных организаций. Т. 9, № 2. 2014.

13. Гаджиев К. Слово в защиту верховенства Вестфальских принципов // Международная жизнь. – М., 2018, ноябрь.

14. Ганощенко А. «Мягкая сила»: добровольное взаимодействие и доступ к ресурсам // Международная жизнь. – М., 2014. №2 (8).

15. Давыдов В.И. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. – М., 2004, № 4.

16. Джураев Ф. Цифровая дипломатия // http://www.ut.uz/ru/eshyo/theme_year/tsifrovaya-diplomatiya.

17. Еремин Н.В. Парадипломатия: новый голос регионов в современном дипломатическом концерте? // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2012, №6.

18. Жакьянова А.М. Ресурсы «мягкой силы» во внешней политике Казахстана // <https://cyberleninka.ru/article/n/resursy-myagkoy-sily-vo-vneshney-politike-kazahstana>.

-
19. Звягина Д.А. Роль Россотрудничества в применении "мягкой силы" Российской Федерации // <http://www.gramota.net/materials/3/2013/3-2/25.html>.
20. Звягина Д.А. «Мягкая сила»: структурный анализ // Инициативы XXI века. – М., 2012, № 3.
21. ИONOBA E. BHeHHeполитические приоритеты Узбекистана // [www.imemo.ru.2018.02.12. Ionova.pdf](http://www.imemo.ru.2018.02.12.Ionova.pdf).72.
22. Князев А. Новое афганское урегулирование не исключает повторения пройденного // <https://ozodandishon.org/> 2018/03/31.
23. Комиссина И.Н. Китай будет реализовывать внешнюю политику через «мягкую силу» // <http://riss.ru/analitics/38968>.
24. Кутбитдинов Ю. «Ваш родной дом – Узбекистан» // Экономическое обозрение. – Ташкент, 2018, № 1 (217).
25. Лавров С. Мир на перепутье и система международных отношений будущего // Россия в глобальной политике от 20 сентября 2019 г.
26. Ланьшина Т.А. «Мягкая сила» Германии: культура, образование, наука // Вестник международных организаций. Т. 9. № 2. – М., 2014.
27. Ларюэль М. Внешняя политика и идентичность в Центральной Азии // Pro et Contra. Московский Центр Карнеги. – М., 2013, №1-2 (58) // <http://www.carnegie.ru/proecontra>.
28. Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // «Вестник МГИМО-Университета», 2014.
29. Лебедева О. Современные инструменты «цифровой дипломатии» как важнейший элемент «мягкой силы» // Международная жизнь, 2019, май.
30. Леонова О.Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Обозреватель, 2014, №3.
31. Леонова О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель, 2015, №2.
32. Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс мягкой силы государства // Обозреватель, 2015, №4.
33. Муртазаева Р.Х. Проявление толерантности узбекского народа в полиэтничном Узбекистане в условиях независимости // <https://cyberleninka.ru/article/n/proyavlenie-tolerantnosti-uzbekskogo-naroda-v-polietnichnom-uzbekistane-v-usloviyah-nezavisimosti>.
34. Мухамедярова Р.Р. Стратегия мягкой силы Франции. Дискурс-пи. Институт философии и права УрО РАН, 2014.
35. Най Дж. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. – М., 2014.
36. Най Дж. Умная сила: Эссе // <https://cyberleninka.ru/article/n/umnaya-sila-esse>.
-

37. Наумов А.О., Положевич Р.С. «Мягкая сила» Индии как суверенного государства: идейные истоки и ретроспектива (часть I) // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. № 69, август 2018 г. // <http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2018>.

38. Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. К уточнению проблемного поля. Часть 1 // Обозреватель, 2016, №1 (312).

39. Огнева А.В. Политические фонды ФРГ и их вклад в развитие международного диалога // Вестник Томского государственного университета, 2011, №4 (16).

40. Олкотт М.Б. Государства Центральной Азии идут своим путем // Московский Центр Карнеги, №1-2 (58). 2013.

41. Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО (У), №2. – М., 2014.

42. Полякова А.А. «Мягкая сила» в контексте внешней политики США: концептуально-теоретические аспекты // Вестник РГГУ, № 2. – М., 2015.

43. Ризоён Ш. Инструменты «мягкой силы» и реализация национальных интересов Республики Таджикистан // <http://www.mts.tj/ru/index.php>.

44. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН, 2010, №10.

45. Убайдуллаева С. Ожидания года // Экономическое обозрение. – № 3 (219). – Ташкент, 2018.

46. Федотова К.Е. «Мягкая сила» российской культуры – инструмент внешней политики // Обозреватель, 2017, №3.

47. Фрольцов В. Германия: работа над имиджем. Роль инструментов информационной политики ФРГ во взаимодействии с постсоветскими государствами // <http://www.dw-world.de/dw/article/4095974,00.html>.

48. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // М., Полис, 1994.

49. Харитонов Е. «Мягкая сила» в политике Великобритании: борьба за целевые аудитории // Пути к миру и безопасности, № 2(53). 2017 // <https://www.imemo.ru/jour/PMB/index.php>.

50. Хасанов С. Захириддин Мухаммад Бабур: неизгладимый след в истории человечества // <https://mfa.uz/ru/press/news/2018/02/13908>.

51. Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. Особенности силы как средства международных авторов // http://society.polbu.ru/tsygankov_sociology/ch34_all.html.

52. Шатц Э. Как невмешательство Запада поспособствовало «узбекской весне» и как продолжить реформы? // <http://www.isrs.uz/ru/xorijiy-ekspertlar-fikri>.

53. Швыдко В.Г. «Умная сила» на транстихоокеанском пространстве // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2014. № 9.

54. Энтина Е., Смирнова А. Роль диаспоры в формировании и развитии «мягкой силы» России в современной Сербии // Современная Европа. Институт Европы РАН. № 5 (84). – М., 2018.

2.3. Литература на иностранном языке

1. Anholt S. Beyond the Nation Brand: The Role of Image and Identity in International Relations // The Journal of Public Diplomacy, 2012, № 2.

2. Bohorquez Tysha. Soft Power – The means to success in world politics // UCLA International Institute // <http://www.international.ucla.edu>.

3. Breslin S. The soft notion of China's "soft power". – London: Chatham House. February, 2011.

4. Clarke M. "French and British Security: mirror images in a globalized world" // International Affairs, Vol. 76, No. 4, 2000.

5. Cline R.S. World Power Assessment. A Calculus of Strategic Drift. – Washington, 1975.

6. Cull N.J. The Cold War and the United States Information Agency: American propaganda and public diplomacy, 1945–1989. – New York: Cambridge University Press, 2008.

7. Cull N. 'Wikileaks, public diplomacy 2.0 and the state of digital public diplomacy' // Place Branding and Public Diplomacy, 7 (1), 2011.

8. Dean D. The Internet Economy of the G-20. – Boston: The Boston Consulting Group // www.bcg.com/documents/file100409.pdf.

9. D'Hooge I. The Limits of China's Soft Power in Europe: Beijing's Public Diplomacy Puzzle // Netherlands Institute of International Relations. January, 2010.

10. Dahl Robert A. The Concept of Power // Behavioral Science. July, 1957.

11. Dinnie K. Nation branding: concepts, issues, practice. – Oxford: Butterworth-Heinemann. 2008.

12. Faizullaev A. Diplomacy and Self // Diplomacy and Statecraft. Vol. 17, No 3, 2006.

13. Faizullaev A. Diplomacy and Symbolism // The Hague Journal of Diplomacy. Vol. 8, No 2, 2013.

14. Faizullaev A. Diplomatic Interactions and Negotiations // Negotiation Journal. Vol. 30, No 3, 2014.

15. Fraser M. Weapons of mass distraction: soft power and American empire. – New York: Thomas Dunne Books, 2005.

16. Gallarotti Giulio M. Soft Power: What it is, why it's important, and the conditions under which it can be effectively used // Division II Faculty Publications. 2011 // <http://wescholar.wesleyan.edu/div2facpubs/57>.

-
17. Gilboa E. Searching for a theory of public diplomacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science, 616 (1), 2008.
 18. Gregory B. American public diplomacy: Enduring characteristics, elusive transformation // The Hague Journal of Diplomacy, 2011.
 19. Guterres A. Address to General Assembly of the United Nations. September, 2018 // www.un.org.
 20. Hart J. Three approaches to the measurement of Power in international relations // International Organization. Spring, 1976.
 21. Holik G. Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia // Political Science Quarterly. Vol. 126, № 2. Summer, 2011.
 22. Hunter A. Soft Power: China on the Global Stage // Chinese Journal of International Politics. Vol. 2. 2009.
 23. International relations theory. Edited Stephen McGlinchey, Rosie Walters and Christian Scheinpflug. – Bristol, England: E-International Relations, 2017.
 24. Keohane R., Nye J. (Jr). Power and interdependence in the information age // Foreign Affairs. Sep/Oct 1998.
 25. Keohane R., Nye J. (Jr.). Transnational Relations and World Politics. – Cambridge: Harvard University Press, 1972.
 26. Kim Taehwan. Authoritarian Sharp Power: Comparing China and Russia // <http://www.theasanforum.org/authoritarian-sharp-power-comparing-china-and-russia>.
 27. Kishore Chakraborty, ed., Diplomacy, In Cultural Diplomacy Dictionary of the Academy for Cultural Diplomacy. – Berlin: The Institute for Cultural Diplomacy, 2013.
 28. Kishore Chakraborty, ed., Public Diplomacy, In Cultural Diplomacy Dictionary of the Academy for Cultural Diplomacy. Berlin: The Institute for Cultural Diplomacy. 2013.
 29. Kissinger H. American Foreign Policy. 3d ed.– New York, 1977.
 30. Knorr K. The Power of Nations. – New York, 1975.
 31. Kristian Nielsen. 'EU Soft Power and the Capability-Expectations Gap' // Journal of Contemporary European Research, 9, 5, 2013.
 32. Kurlantzick J. China's Charm: Implications of Chinese Soft Power // Carnegie Endowment Policy Brief. June, 2006.
 33. Kurlantzick J. Charm Offensive: How China's soft power is transforming the world. – New Haven & London: Yale University Press, 2007.
 34. Kynge J. China shakes the world: a titan's rise and troubled future – and the challenge for America. – New York: Mariner Books, 2007.
 35. Langhorne Richard. The Diplomacy of Non-State Actors // Diplomacy and Statecraft. Vol.16, No.2, 2005.
-

36. Mattern J.B. Why soft power isn't so soft: Representational force and the sociolinguistic construction of attraction in world politics // *Millennium: Journal of International Studies*, №3, 2005.

37. McClory Jonathan. The New Persuaders: An international ranking of soft power // *Rapid-growth markets soft power index*. – Institute for Government GB in collaboration with Institute for Emerging Markets Studies, 2010.

38. Mearsheimer John J. The Tragedy of Great Power Politics. – New York: W.W. Norton, 2001.

39. Melissen J. The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations. – New York: Palgrave Macmillan, 2007.

40. Melissen J. Beyond the New Public Diplomacy // *Clingendael Papers*. Oct. 2011, №3.

41. Morgenthau H. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. 3rd edn. – New York, 1964.

42. Morgenthau H. Politics among Nations. 4th edn. – New York, 1967.

43. Natsios A.S. An NGO Perspective // *Peacemaking in International Conflicts: Methods and Techniques*. – Washington D.C.: United States Institute of Peace, 1997.

44. Nye J. Soft Power // *Foreign Policy*. No. 80. Twentieth Anniversary 1990.

45. Nye Joseph S. Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – New York: Basic Books, 1991.

46. Nye Joseph S. Jr. The paradox of American Power: why the world's only superpower can't go it alone. – Oxford University Press, Inc., 2002.

47. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004.

48. Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 616. March, 2008.

49. Nye J. The Future of Power. – New York: Public Affairs, 2011.

50. Robinson W., Harris J. Towards a Global Ruling Class? Globalization and the Transnational Capitalist Class // *Science and Society*, Vol. 64, No. 1, 2000.

51. Rosenau J. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. – Princeton: Princeton University Press, 1990.

52. Rosenau J. Governing the ungovernable: The challenge of a global disaggregation of authority // *Regulation & governance*. Vol. 1, N 1. – Carlton, Victoria, 2007.

53. Rothman Steven B. Revising the soft power concept: what are the means and mechanisms of soft power? // *Journal of Political Power*, March, 2011.

54. Snow Crocker. Public diplomacy practitioners: a changing cast of characters // *The Journal of Business Strategy*. Vol.27, No.3, 2006.

-
55. Starr F.S., Cornell S.E. The long game on the Silk Road. US and EU strategy for Central Asia and the Caucasus. – New York: Rowman and Littlefield, 2018.
 56. Steffen Bay Rasmussen. Discourse analysis of EU public diplomacy. Messages and Practices. – The Netherlands: Institute of International Relations, Clingendael and Antwerp University, 2009.
 57. Taylor A.J. The struggle for Mastery in Europe, 1848-1918 // Oxford Paperbacks, 1971.
 58. Van Staden A. 'Power and legitimacy: The quest for order in a unipolar world' // Clingendael Diplomacy Papers, April, 2005.
 59. Viotti Paul R., Kauppi Mark V. International relations and world politics, 5th edition. – Pearson Publisher. 2013.
 60. Vuving Alexander L. How the soft power works? // Paper presented at the panel "Soft Power and Smart Power". American Political Science Association annual meeting. September, 2009 // <http://www.apcss.org>.
 61. Watzl K. Theory of International Politics. – London: Addison-Wesley. 1979.
 62. Wilson E.J. Hard Power, Soft Power, Smart Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science, 616, 2008.
 63. Zöllner O. German. Public Diplomacy: The Dialogue of Cultures. Routledge Handbook of Public Diplomacy. – London&NewYork: Routledge, 2009.

III. Материалы из сети Интернет

1. Anholt S. Place Branding Research // The Anholt-GfK Roper Nation Brands Index website.
2. Anholt S. The Good Country Party // The Good Country Index website.
3. Anholt-GfK Nation Brands Index // <http://nation-brands.gfk.com>.
4. Baser B. Turkey's diaspora engagement policy under the Justice and Development Party. April, 2017 // <https://www.imi.ox.ac.uk/blog>.
5. Chen A. 'The Agency' // New York Times // <http://www.nytimes.com/2015/06/07>.
6. Global Attitude & Trends // <http://www.pewglobal.org>.
7. Global Peace Index 2018 // <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/06/GPI-2017-Report-1.pdf>.
8. Globescan poll world views world service // <http://www.bbc.co.uk/mediacentre/latestnews/2017>.
9. Guterres A. Address to the General Assembly of the United Nations. September, 2018 // www.un.org.
10. Kureev A. Russian Diaspora: A tool of soft power? November 11, 2015 // www.russia-direct.org/opinion/russian-diaspora-tool-soft-power.

-
11. Languages Spoken by More Than 10 Million People // <http://www.webcitation.org>.
 12. Lefevre M. 'The mighty metropolis' // The World Today, London: Chatham House. 2015 // www.chathamhouse.org/publication.
 13. Leprogramme Noria. Promotion de la Francophonie // <http://apf.francophonie.org/spip.php?rubrique38>.
 14. McClory J. The New Persuaders III. – London: Institute for Government // <https://www.instituteforgovernment.org.uk>.
 15. Measuring national power. RAND Corporation Research Paper 2008 // www.rand.org.
 16. Monocle releases 2017/2018 soft power survey // <https://www.uscpublicdiplomacy.org/20172018>.
 17. National Security Strategy of the United States of America, December, 2017 // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-017-0905.pdf>.
 18. Nye J. Soft Power and Higher Education // URL: <http://net.educause.edu/ir/library/pdf/FFP0502S.pdf>.
 19. Nye J. The Rising Power of NGO's. June 24, 2004. Project Syndicate // <https://www.project-syndicate.org/commentary>.
 20. On "The American century" and the future of smart power // An interview with Joseph Nye // URL: <http://publicdiplomacymagazine.com/wp-content/uploads/2015/06/Smart-Power-PD-Mag.pdf>.
 21. Tacoli C. Urbanization, gender and urban poverty: Paid work and unpaid carework in the city. – London: UNFPA // <https://www.unfpa.org>.
 22. The New Persuaders: An international ranking of soft power // Institute for government // www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files.
 23. The soft power 30 // <https://softpower30.com/what-is-soft-power>.
 24. Trverton G. and Jones S. Measuring National Power. – Santa Monica: RAND Corporation // www.rand.org.
 25. Twiplomacy 2015 Study. – New York: Burson Marsteller // twiplomacy.com/blog/twiplomacy-study-2015.
 26. Usbekistan: Reise-und Sicherheitshinweise // <https://www.auswaertiges-amt.de/206790>.
 27. What is public diplomacy? // USC Center on Public Diplomacy at the Annenberg School // <http://uscpublicdiplomacy.org/index.php>.
 28. World Report 2019: Uzbekistan / Human Rights Watch // <https://www.hrw.org/world-report/2019/country-chapters/uzbekistan>.
 29. Алимова Д., Хан В. Гравитационная сила истории. Размышления об исторической науке // Gazeta.uz // <https://www.gazeta.uz/ru/2017/07/26/history>.
 30. Ахтырский Д. Мягкая сила России в XXI веке // <https://inosmi.ru/politic/20180125/241259602.html>.
-

-
31. В 2014 году Германию посетило рекордное число туристов // https://www.gazeta.ru/lifestyle/news/2015/02/11/n_6914737.shtml.
32. В Туркменистане приступила к работе новый глава центра ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии // <https://turkmenportal.com/blog/12053>.
33. Всемирная ассоциация казахов // <https://www.kazportal.kz/vsemirnaya-assotsiatsiya-kazahov>.
34. В США заявили, что не пытаются восстановить военное присутствие в Узбекистане // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5206462>.
35. Гатауллин Ю. Узбекистан и космос: как развивались отношения раньше и что предстоит сделать сейчас // <https://www.spot.uz/ru/2018/11/26/space>.
36. Германия увеличит финансирование Института имени Гете // <http://www.dw.de>.
37. Германская служба академических обменов // <http://www.daad.ru>.
38. Государственный музей искусств имени И. В. Савицкого // <http://mice-uzbekistan.uz>.
39. Гуманитарная ассоциация туркмен мира // <https://turkmenportal.com/catalog/842>.
40. Давлетова Н. Состояние и перспективы развития аналитики в Узбекистане // Central Asian Bureau for Analytical Reporting // <https://cabar.asia>.
41. Заявление Министерства иностранных дел Узбекистана в связи с принятием резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Укрепление регионального и международного сотрудничества по обеспечению мира, стабильности и устойчивого развития в Центральноазиатском регионе». Ташкент, 23 июня 2018 г. // <https://mfa.uz/ru/press/statements/2018/06/15220>.
42. Збигнев Бжезинский: «Узбекистан рассматривается США как стратегически важный друг» // <https://www.fergananews.com/articles/2301>.
43. Ибрагимова Г. Тонут в величии. В Узбекистане победили старую диктатуру. Но уже готовы строить новую // https://lenta.ru/articles/2019/01/17/uzbekskiy_vektor.
44. Иностранные граждане, поступающие в вузы Узбекистана, будут освобождены от тестовых испытаний // <https://nuz.uz/obschestvo/33410>.
45. Иностранные студенты в США (в цифрах) // <https://business-visa-usa.ru/blog/immigration/item/168-inostrannye-studenty-v-ssha-v-tsifrakh>.
46. Камилов А. Каких успехов добивается Узбекистан во внешней политике во главе с Шавкатом Мирзиёевым // «Народное слово» от 30 декабря 2019 г. // <http://xs.uz/ru/post/kakikh-uspekhov-dobivaetsya-uzbekistan-vo-vneshnej-politike-vo-glave-s-shavkatom-mirziyoevym>.
-

-
47. Каримов А. Узбекистан — Египет: открываются новые возможности для сотрудничества // <http://www.isrs.uz/ru/page/pdf/uzbekiston-misr-amkorlikning-angi-boskici>.
48. Книга «Край, приютивший японцев», издана на узбекском // <http://mg.uz/print/publish/doc/text91807>.
49. Конференция «Вклад Узбекистана в развитие исламской цивилизации» вызвала большой общественный резонанс // <http://uza.uz/ru/politics/16.08.2007>.
50. Концепция внешней политики Российской Федерации // http://www.mid.ru/foreign_policy/news.
51. «Корейская диаспора — неотъемлемая часть народа Узбекистана». Президент поздравил участников мероприятия, посвященного 80-летию проживания корейцев в Узбекистане // <https://www.gazeta.uz/ru/2017/11/18/korea>.
52. Красногорцев М.А. Влияние миграционного кризиса на туризм в современной ФРГ // <https://lenta.ru/articles/2016/05/12/gtm2016>.
53. Ланьшина Т. «Мягкая сила» Гете-Института // <https://cyberleninka.ru/article/v/myagkaya-sila-gete-instituta>.
54. Международная научно-практическая конференция по книге Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова «Мировой финансово-экономический кризис, пути и меры по его преодолению в условиях Узбекистана». 22 мая 2009 года, г.Ташкент. Международное признание узбекской модели реформ. // <http://uza.uz/ru/laws.22.05.2009-6575>.
55. Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Свободная мысль – XXI, 2004, №10 // <http://www.situation.ru>.
56. Наумов А.О. Спортивная дипломатия как инструмент «мягкой силы» // Электронные журналы // http://e-notabene.ru/wi/article_24852.html.
57. Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы // www.president.kg/sys/media/download/52135.
58. Начался официальный визит Ислама Каримова в Катар // <http://www.uza.uz/ru/politics.23.11.2010>.
59. Нуруллаева Ш. Развитие сотрудничества между Узбекистаном и Китаем через призму укрепления культурно-гуманитарных основ взаимопонимания между народами двух стран: история и современность // <http://www.isrs.uz/ru/maqolalar/razvitie-sotrudnicestva-mezdu-uzbekistanom-i-kitaem-cerez-prizmu-ukreplenia-kulturno-gumanitarnyh-osnov-vzaimoponimania-mezdu-narodami-dvuh-stran-istoria-i-sovremennost>.
60. «Один пояс, один путь»: полный текст речи Си Цзиньпина на Форуме ОПОП, г. Пекин, май 2017 г. // <https://inosmi.ru/politic/20170519/239391693.html>.
-

-
61. Отчет о деятельности Министерства иностранных дел Республики Узбекистан за 2017 г. // <https://mfa.uz/ru/about/activity/13444>.
62. Полный текст доклада Си Цзиньпина на 19-м съезде КПК // http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm.
63. Президент раскритиковал результаты зарубежных поездок хокимов // <https://www.gazeta.uz/ru/2018/08/15/investments>.
64. Рейтинги Узбекистана // <https://m.rusputniknews-uz.com>.
65. Россия поможет достроить уникальный радиотелескоп «Суффа» на юге Узбекистана // <https://www.spot.uz/ru/2018/06/22/suffa>.
66. СМИ Объединенных Арабских Эмиратов широко освещают визит Ислама Каримова // <http://uza.uz/ru/programs/17.03.2008>.
67. Сотрудничество Республики Узбекистан со странами Среднего, Ближнего Востока и Африки // <https://mfa.uz/ru/cooperation/countries/59>.
68. Стратегия Соединенных Штатов в Центральной Азии на 2019-2025 годы: укрепление суверенитета и экономического процветания // <https://uz.usembassy.gov/ru/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity-ru>.
69. Торкунов А. Внешняя политика России, образование и наука // <http://russiancouncil.ru>.
70. Туризм – это не просто важный сектор экономики, но еще и инструмент влияния, мягкая сила // <https://www.vedomosti.ru/business/characters/2017/06/13/694194-turizm-vazhnii-sektor-ekonomiki>.
71. Туркестан – наш общий дом // <http://www.testhistory.ru>.
72. Узбекистан: страна, озаренная лучом просвещения // <https://mfa.uz/ru/press/smi/2018/02/13966>.
73. Узбекистан – Оман: новые возможности сотрудничества // <http://www.uza.uz/ru/politics.05.10.2009>.
74. Указом Президента утверждена Концепция Казахстана в сфере официальной помощи развитию // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31375339#pos=3;-224.
75. Файзуллаев А. Страна как бренд // *Gazeta.uz* от 19 апреля 2017 г.
76. Файзуллаев А. Публичная дипломатия на службе национальных интересов // *Gazeta.uz* от 5 августа 2017 г.
77. Харитонов Е.М. «Мягкая сила» Великобритании: сравнительный анализ механизмов, инструментов и практик // <http://www.bfro.be/ru/mjagkaja-sila-velikobritanii-sravnitel-nyj-analiz-ehanizmov-instrumentov-i-praktik.html>.
78. Центр «Стратегия развития» Узбекистана вошел в топ-50 лучших новых «мозговых центров» мира. // <http://uza.uz/ru/society>.
-

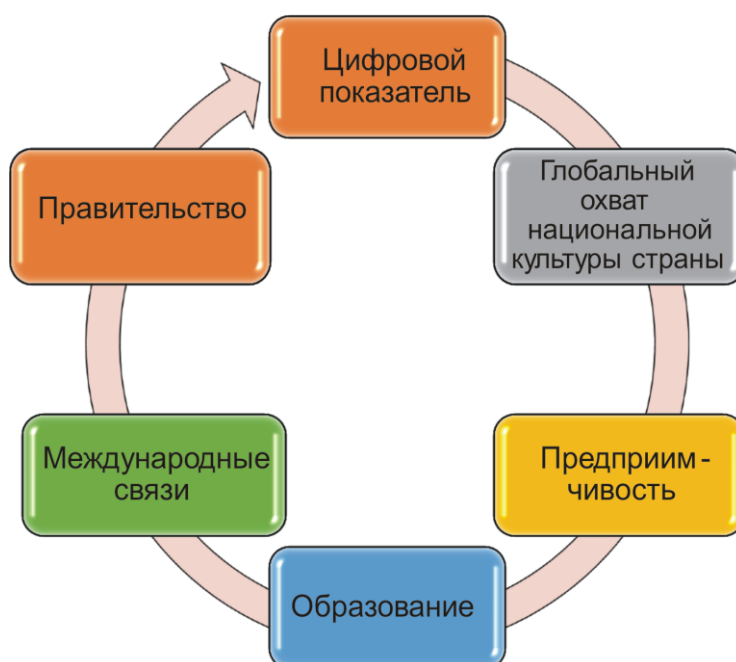
79. Центральная Азия: вода и конфликт. Report 34. Europe & Central Asia. 30 May, 2002 // <https://www.crisisgroup.org/ru>.

80. Эльмурадов Т. Как медицинский туризм может превратить Узбекистан в «новую Швейцарию» // <https://www.spot.uz/ru/2017/11/01/medtourism>.

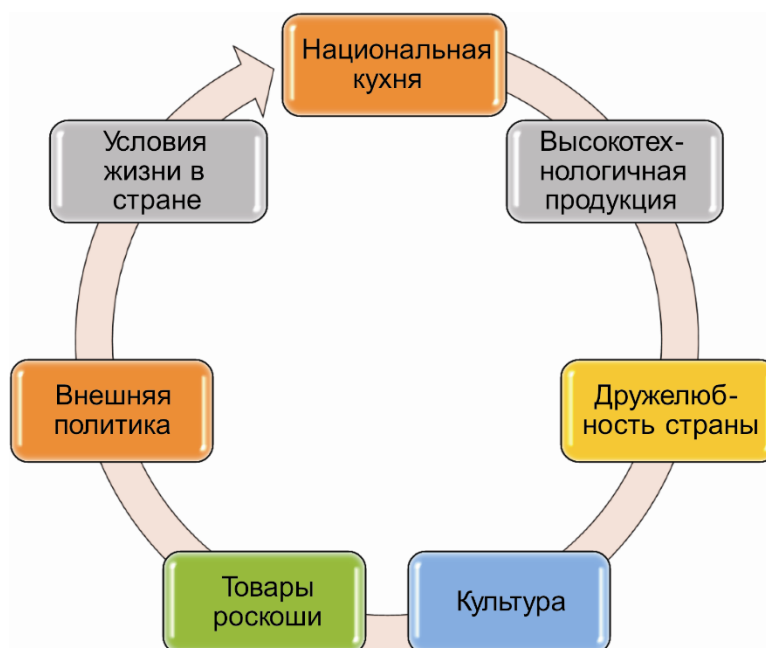
81. Юсупов А. Новая веха в истории современного Узбекистана // <https://www.uzdaily.uz/articles-id-33678.htm>.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Объективные показатели «мягкой силы» (Portland Communication).

Субъективные показатели «мягкой силы» (Portland Communication).

Приложение 2

**Объективные показатели «мягкой силы»
(IfG-Monocle Soft Power Index).**

**Субъективные показатели «мягкой силы»
(IfG-Monocle Soft Power Index).**

Приложение 3

Классификация инструментов и механизмов «мягкой силы»

Политико-дипломатические	Экономические	Культурно-гуманитарные
– традиционная, публичная и парламентская дипломатия – стратегические коммуникации, в том числе «цифровая дипломатия» – «умная сила» – региональные и международные площадки в стране – влиятельные политические лидеры и известные личности	– страновой брендинг – оказание зарубежной помощи – частные компании	– образование, наука и аналитические центры – культурно-духовные ценности – национальный язык, искусство, спорт, туризм, медицина, «производство смыслов» – культурная, научная, молодежная дипломатия – парадипломатия (региональная, народная), города-побратимы – соотечественники и диаспоры за рубежом – каналы НПО

Приложение 4

Приоритетные объекты политики «мягкой силы»
Республики Узбекистан.

Приложение 5

Схема организационной структуры формирования и реализации политики «мягкой силы» Республики Узбекистан.

**МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
УНИВЕРСИТЕТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ДИПЛОМАТИИ**

Ш.Ш. Таджиев

**«МЯГКАЯ СИЛА»
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Монография

Издательство «in Science»

*Республика Узбекистан, г. Ташкент,
Мирзо Улугбекский р-он, ул. Паркентская, д. 51.
(+998) 99-006-61-10,
info@inscience.uz, <https://inscience.uz/>*